

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная
поэзия и проза

Серия
«КВАНТУМ САТИС – АПТЕКАРЬ»

НАСТРОЙЩИК

МОССАЛИТ

2023

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рус)6
Н32

ISSN 2078-0230

**Настройщик [Текст]. – М.: Новый
современник, 2023. – 180 с.**

Если принять за основу чувственное восприятие, то сколько и чего надо тому или иному индивидууму для любви, счастья, ненависти? Кто-то влюбляется в образ, кто-то в голос. «Квантум сатис» – так писал доктор в рецепте, а опытный провизор знал, сколько это. Например, для приготовления пилюль требуется и масло, и порошок. И вот чтобы пилюля, брошенная с высоты 10-15 см, отскакивала от доски, надо было взять крахмала – сколько потребуется. Опытный аптекарь знает...

Чувства даны человеку для реакции на окружающий мир соответствующим образом.

В этой книге авторы размышляют о том, какую роль играют в нашей жизни образы и звуки, запахи и вкусы.

© Издательство «Новый современник», 2023

© Московский салон литераторов, 2023

© Авторы сборника, 2023

Вместо предисловия

Книга «Настройщик» — это третий выпуск новой серии издательского проекта «Московский Дом» «КВАНТУМ САТИС — АПТЕКАРЬ», посвященный теме чувств, которыми наделен человек для реакции на окружающий мир.

Давайте поговорим не о физической стороне наших чувств, хотя и это может быть интересным, а о психологическом и философском аспектах. Поразмышляем о том, какую роль играют в нашей жизни образы и звуки, запахи и вкусы, насколько они индивидуальны и различны у людей, ведь порой это приводит к совершенно разным человеческим действиям.

Бывает, что у человека возникает проблема лишь потому, что созданные в его сознании образы – близких людей, друзей, врагов, а иногда и целой жизни – в реальности оказываются совсем иными. А случается и наоборот, когда прекрасные стыковки образов, субъективно сформированных и реальных, помогают человеку сделать открытие.

Это касается и звуков. То ли мы слышим, что нам говорят? Или мы слышим лишь то, что хотим и готовы услышать, а то, к чему не готовы или чего знать не хотим, отсеиваем и упускаем. И готовы ли к тому, что мир, в котором мы живем, может однажды оказаться совсем иного «вкуса и цвета» – не таким, как мы его себе представляли?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Наталья Колмогорова	6
Главное блюдо	7
Александр Костерев	8
И я услышу тишину... ..	9
Молчание	10
Джазз	11
Сергей Берсенеv	12
Как мальчика не сдержатъ на подворье... ..	13
Дом интроверта	14
Алекс Мак	15
Туман	16
Зыбкость	17
Огонь	18
Ол Томский	19
Тишина	20
Голоса земли	21
Немо	22
Ольга Переверзеvа	23
Если не думать, то всё отлично... ..	24
Если б... ..	25
* * * (Когда осенняя пора...)	26
Екатерина Владимирова	27
Ливень	28
Верность	29
* * * (Я не буду глядеть на часы...)	31
Богоискатели	32
Приговор	33
Лестница	34
* * * (Что может быть лучше горячего кофе...)	35

ПРОЗА

Дмитрий Чарков	36
Играй, музыкант!	37
Богадельня, 12	47
Пути мои грешные	59
Наталья Бакирова	64
Гость	65
Ол Томский	74
Смерть негодяя	74
Александр Костерев	88
Всевышняя любовь Колтрейна	88
Ольга Гаврилова	95
Сиреневый рай	96
Наталья Колмогорова	110
Нежный цветок маргаритка	110
Ольга Грушевская	114
Смотри, какие облака!	115
Игорь Бурдонов	126
Лето 1955 года и другие времена	127
Нина Левина	138
Голос любви	139
Корвельский антистрессник	143
Всеволод Круж	162
Красивая мелодия	163
Алексей Казарновский	172
Суд да дело	173

ПОЭЗИЯ

Наталья Колмогорова

Родилась и проживает в Самарской области, по образованию педагог. Является членом Союза профессиональных литераторов города Самары. Лауреат нескольких всероссийских и международных конкурсов. Пишет для детей и взрослых, стихи и прозу. Издано несколько книг: «Дик», «Средство против хулиганства», «Время собирать звезды», «Чужие мои дети» и др. На стихи автора написано несколько песен. Публиковалась в печатных изданиях: «Параллели» (Самара), «Чем жива душа» (Ярославль), «Писатели 21 века» (Германия) и многих других. Награды: «Золотое перо Руси» (2018), «Медаль имени Маяковского» (2018), «Медаль «Хранители наследия в действии» (2018), «Знак лауреата “Звезда Рождества”» (2016). «Лауреат конкурса имени А. Куприна» и др.

Главное блюдо

На горячей сковородке
Сине-голубого цвета
Приготовил Мастер блюдо
Белоснежного омлета.

Ветер дует в поддувало,
Поддавая жара лету,
А на небе, как подарок —
Ярко-жёлтая галета.

Взбиты шапки белой кашки
Нежным облаком зефира,
Он придумал это чудо —
Лето с запахом пломбира!

Он придумал шоколадный
Вечер с запахом корицы,
Фреш из яблок и мохито
Из лекарственной душицы.

И грибное заливное
Вместе с дождиком, дуплетом,
Приготовил Мастер щедро
На полянах этим летом.

И топленным маслом льётся
Свет на крыши пополудни...
Пусть, как гроздь земляники,
Созревают лета будни!

Пусть бурлит под крышкой время
Слаще райского щербета,
Мастер просто гениально
Приготовил это лето!

Александр Костерев

Родился и живет в Санкт-Петербурге. Стихи начал сочинять в 80-х годах прошлого века в качестве участника ЛИТО «Городской клуб песни» композитора Бориса Потемкина в Ленинграде. В 80-х работал музыкантом концертного объединения «Ленконцерт», внештатным корреспондентом периодических изданий «Смена», «Советская культура», «Новгородский комсомолец», «Уральский рабочий», «Ригас Балсс», «Молодежь Эстонии».

Автор публикаций прозы и поэзии в журналах «Новый мир», «Дальний Восток», «День и ночь», «Невский проспект», «Северо-Муйские огни», «Изящная словесность» и многих других.

Автор стихов для 100 песен, написанных в содружестве с композиторами А. Зацепиным, В. Малежиком, А. Укупником, В. Ярушиным, С. Березиным, исполненных В. Леонтьевым, Э. Пьехой, М. Шуфутинским, В. Малежиком, В. Легкоступовой и другими замечательными артистами и группами. Победитель многих международных и всероссийских литературных конкурсов.

И я услышу тишину...

И я услышу тишину
(здесь даже птицам не поётся),
испив из ветхого колодца
продолговатую луну...
Пускай смежаются глаза,
подворьем звуки не пропляшут,
с ночных небес не скинет тяжесть
неналетевшая гроза...
Не скрипнет дверь в полночный час,
и думой тягостной проляжет
тень одиночества, в нём даже
не будет никого из нас...
В гостях у зыбкой тишины,
в преддверье вечного покоя,
отпустишь, память? Бог с тобою,
надеждой не встревожу сны.
Пусть я один, и ты одна
на мною созданной планете...
Прекрасен мир, пока на свете
есть эта ночь и тишина.

Молчание

Слова раздражают уши —
молчанье не может лгать...
Мне нравится больше слушать —
тебе, как всегда, молчать...
И в этой тиши вселенской
бормочет по крыше дождь:
— Молчание неизменно,
когда ничего не ждёшь...
В подполье скребутся мыши,
в окно заползает свет...
Мне кажется, я услышу,
ЧТО ты промолчишь в ответ...

Джаzzz

Губы твои горячие льются потоком нот,
под раскладушкой прячутся и тишина, и кот...
Ветер колышет жалюзи, между полосок свет,
сколько у джаза джалости — жалости сколько лет?
В синем портовом городе красный портвейн-закат,
Томный галоп синкопами клавиши дребезжат,
Трубы сопят загадочно: фа или фа-диез?
Долго звучит мелодия, буду с тобой и без...
Может быть там, за стёклами, рыщет подружка зга,
Не уходи, пожалуйста, вторит моя тоска...
Счастью довольно малости — не исчезай в окне...
В джаzzze так много жалости, как и тебя во мне...

Сергей Берсенеv

Член Союза писателей России, Российского союза писателей, экспертного совета ВСД «Русский Лад» и координационного совета ВСД «Русский Лад», член правления Московского городского регионального отделения ВСД «Русский Лад», руководитель отдела по работе с творческой молодежью и социальным вопросам при Московской областной организации Союза писателей России, заместитель руководителя отдела по присуждению общественно-литературных премий и организации литературных конкурсов при Московской областной организации Союза писателей России, заслуженный писатель Московской городской организации Союза писателей России, заслуженный поэт Москвы, действительный член Академии народного искусства России, почетный член Интернациональной академии современной культуры.

Как мальчика не сдержат на подворье...

*Не успеха ищут, а признанья
У любого, у многих, у всех...*
Евгений Глушаков

Как мальчика не сдержат на подворье,
так в себе не упрятать стихи —
непоседливо рвутся на волю;
преткновенья — а ну, расступись!

Их услышит с утра первый встречный,
улыбнётся: «Ну что за чудак —
непонятной, но чувственной речью
увлекает? И знать бы — куда?»

Раствориться в небесной лазури,
в лабиринте пропасть городском...
Путь искателя непредсказуем —
было б с птицами только родство...

Было б сходство с некормленным зверем —
рыскать в поисках: «Где ты, чутьё?!»
Хочет — лапы направит на север,
неоткрытое есть где, ничьё...

Хочет — в людном потоке Арбата
остановит движенье на миг:
«Это вам по труду и зарплата,
а поэту — признанья огни!»

У кого всё по полочкам — легче:
тихий день с буквы «А» и до «Я»...
А кому это там рукоплещут?
Перед кем в изумленье стоят?

Дом интроверта

Меньше тонкого конверта
дом бедняги интроверта...
Кличут — к миру или к ружьям!
А ему никто не нужен...

Мрачных мыслей нет в помине:
он — в своём, особом мире...
Сам — возводит, сам — ломает...
Перед ним — стезя прямая...

Справа — Слава, слева — Слава...
За окном, где жизни лава...
За стеной — в соседской дрели...
До печёнок надоели!..

Дайте хоть одну минуту
не впускать в себя Иуду!
Не спешить на поле брани,
не читать, мол, мы — на грани...

Говорят — отгородился,
нечем узнику гордиться...
Кто бы знал, что с тишиною
он любезней, чем с женою...

Не его душе ранимой —
мимо правды, боли мимо
и во что бы то ни стало
добиваться пьедестала.

Алекс Мак

Алекс — это Александр, а МАК — это аббревиатура фамилии, имени и отчества. Живет в Москве.

В конце прошлого века окончил Московский педагогический институт им. В. И. Ленина.

По образованию учитель химии, долгое время работал в школе.

О тех годах сохранил самые теплые и светлые воспоминания.

В свободное от работы время публикуется на личной странице на портале

«Изда-читальня», где успел обзавестись

добрыми друзьями, единомышленниками и «постоянными читателями».

Туман

Вступающий в меня, остановись!
Конечно, я для жизни не опасен...
Но время есть подумать.
Оглянись.
Там, за спиной твоею —
Мир прекрасен!

В том мире образы контрастны и легки,
В том мире запахи пронзительно-понятны,
Устойчиво-уверенны шаги
И голоса отчётливо-приятны.

И ты шагнуть настроен в этот миг?
Отречься от понятного Пространства?
И то, что за спиной, не сохранив,
Сменить на странный Мир Непостоянства?

Здесь полуправда.
Полукрасота.
Здесь недоискренность.
И недосовершенство...

Придумай сам, что прячет Пустота.
Сам испытай Вершителя блаженство!

Ну что же... Я готов тебя обнять.
И растворить в себе, как сахар в чае.
Но поклянись о прошлом не сучать!
Достаточно, что я о нём сучаю...

Зыбкость

Ты видишь?

Тебе только кажется!
Размытые образы — чудятся.
Реальность тобою куражится!
Твои ожидания — не сбудутся.

Ты слышишь?

Откуда уверенность?
Как визг отличаешь от шёпота?
Твой слух — это лишь преднамеренность.
Обман иллюзорного опыта.

А может, не лгут ощущения?

Ты чувствуешь горькое?.. Сладкое?..
Нежданные прикосновения
На коже отмечены пятнами...

И ртуть потечёт по артериям
И воздух окажется каменным,
Когда ты своим предвкусием
Взорвёшься прожорливым пламенем!

Нас много таких изувеченных,
А может быть, слишком испуганных,
А может быть, страшно доверчивых,
А может быть, плохо придуманных...

ОГОНЬ

Что чувствует Огонь, когда горит?
В костре, на сигарете или в печке.
О чём он с Небесами говорит,
Стекая воском по церковной свечке?

Что чудится Огню в ночной тиши
Под звуки струн гитарных переливов
Когда томленье раненой души
Взлетает искрами разбужженных порывов?

Неужто не испытывает боль,
Людей сжигая, на сырых поленьях?
Сопроводив печальную юдоль,
Не пожелавших преклонить колени.

Что видит он, пронзая темноту,
Лучами солнца на земле играя?
Наверно, нашу робкую мечту
О светлом добром бесконечном рае.

В глаза Огню пытаюсь посмотреть
И вижу там своей души изнанку.
Любовь и страх.
И радостную смерть.
И полыхающее сердце.
Сердце Данко.

Од Томский

*Живет в Санкт-Петербурге.
Окончил факультет экранных искусств
Санкт-Петербургского государственного
института кино и телевидения и Санкт-
Петербургский университет экономики и
финансов. Работал в телерадиокомпании
«Петербург – Пятый канал» и в газете
«Аргументы и факты». Принимал участие
в создании теле- и радиоспектаклей,
публицистических передач, телесериала.
Пишет стихотворения и поэмы, новеллы и
повести, рассказы и миниатюры.
Публиковался в журналах «Вокзал»,
«Фестиваль», «Автограф»,
юмористическом журнале «Похождения
Красного Кота», сборниках «Лауреат» и
«Великолепная десятка», альманахах
Российского союза писателей.
Произведения включены в «Антологию
русской поэзии 2020».
Награжден медалями «Анны Ахматовой»,
«Сергея Есенина», «Ивана Бунина».
Член Международного союза писателей
«Новый современник» и Российского союза
писателей.
Дипломант и призер многих
литературных конкурсов. Номинант
национальной литературной премии
«Поэт года».
Входит в состав жюри поэтических
конкурсов «Хит сезона» и «Клуб Красного
Кота».*

Тишина

тишина
и глоток вина,
и далёкой страны позывные
чья вина, да ничья она —
виноваты зимы земные,
холода
и приливы лун —
их призывы,
как зов вселенной,
Млечный Путь плывёт,
как ночной улун,
перечёркнут чертой антенной

тишина и глоток вина,
и полёт в чужеземные страны,
там живёт твоя молодая жена,
заживают —
сердечные раны;
голубой запыхает рассвет,
станет снова
твой сад зелёным,
пропоёт у ручья
соловей сонет,
в листьях скрытый,
влюблённым
клёном

Голоса земли

Как роют норы норки и кроты
и как в траве растут весенние цветы
услышит только тот, кто удивлён,
как из земли растёт
влюблённый клён,
склоняет ветвь плакучая берёза,
в соцветьях чабреца
цветёт от счастья роза
и утром с гаммой до-ре-ми-фасоль
ему приснится юная Ассоль

направит алый парус ветер в море
и, может быть, любовь в бинокль
увидит вскоре,
там Зурбаган —
скрип мачт и запах рыбы,
акации цветут в садах
и дремлют липы,
здесь изобилие рынка
в звоне пяточков,
всмотрись сквозь стекла
розовых очков!..

Немо

портрет – четыре строчки, ник – никто,
а может быть фатальное зеро,
в чертах застыли запятые, точки,
овал лица, но, где судьбы зерно

вам слово имярек о чём-то говорит
или набросок плохо отпечатан,
когда пальто вне вешалки висит –
проделки личности знакомы и чреваты

его признали сумерки зари,
свет тусклой рампы, отблески рекламы,
светящие в тумане фонари —
огни, в цветах одежды Далай-ламы

кто сотворил, как сон, ночной кошмар —
иллюзию эскиза, аниматор — никто, ничто,
причуда и каприз, оскал гротеска —
филигранный комбинатор

что мог оставить или подарить
такой ночной кочующий затворник —
пальто, облезлый воротник,
но всё прибрал поутру аккуратный дворник

оставил только то, что не убрать,
ничем не удалить — невидимость походки,
впечатанную в день, исчезнувший дневник,
нечёткий след утраченной находки

Ольга Переверзева

Живет в Курске.

Творческая биография началась в школе, в небольшом поселке Никольский Курчатовского района Курской области. Первые попытки создания стихотворения были еще в начальной школе.

Пишет от лица как мужчины, так и женщины.

В своих произведениях строго придерживается определенных правил: не гнаться за количеством написанных строчек, а стремиться к тому, чтобы стать интересной читателю.

Основное место в творчестве занимает любовная и философская лирика.

По словам автора, пишет то, что чувствует, и чувствует то, что пишет.

Если не думать, то всё отлично...

Если не думать, то всё отлично:
Жизнь свою можно крутить в киноплёнке...
Страшно жить в мире, где мать так просто
Может в утробе убить ребёнка...
Больно, обидно, жестоко, горько
Видеть, как жизнь свою кто-то калечит,
Как иногда всё решает секунда... —
И безнадежных уже не лечат.
Жалко и грустно, что в мирное время
Брошены могут быть дети и звери.
Совести будто совсем не имея,
Те не боятся, кто в Бога не верят,
В век двадцать первый мы, глупые люди,
Вред причиняя огромной планете,
Хлам оставляем своим же потомкам,
Вовсе не нужный ни тем и ни этим.
Всю хладнокровность и всю бессердечность
Не замечать как-то стало возможно,
Существовать в перевёрнутом мире:
Видеть то нормой, что стыдно и тошно...
Можно дружить, не встречаясь друг с другом?
Как возвратить нас в реальность немножко,
Чтобы забыть социальные сети,
Где несерьёзно и всё понарошку?..
Много претензий и много вопросов.
Всю свою жизнь проживая на ощупь,
Мы остаёмся совсем без ответов...
Просто не думать — нам легче и проще.

Если б...

Если б дали мне только возможность
И я начал бы жизнь с нуля,
Я бы прожил её иначе,
И уж точно бы прожил не зря.
Я душевно был бы богаче,
Мне б на это хватило сил.
Я на все бы смотрел иначе
И со всеми бы проще был.
Я бы, мысли свои не скрывая,
Всё, что думаю, говорил.
Пусть отчасти наивный и грубый,
Но зато бы я искренней был.
Я бы первым просил прощенье,
И за всё бы я всех прощал.
Знал бы я, что не в деньгах счастье,
Их не требовал, а отдавал.
Я бы, точно не ведая страха,
Шёл за правду всегда впереди.
И когда был обязан остаться,
Не искал бы предлога уйти.
Я б был к людям гораздо добрее,
Обжигаясь за разом раз,
Торопить не пытался бы время,
Проживая всё здесь и сейчас.
Я, в любовь бы земную веря,
В предвкушении встретить ту
Всё ж, наверно, влюблялся бы чаще
И любил бы всех, как одну.
Жизнь проходит, увы, быстрее
Вся в потоке ненужных дел.
Очень жаль, что я всё это понял,
Лишь тогда, когда поседел.

* * *

Когда осенняя пора,
Природы пожиная краски,
Ей обнажает наготу,
Как будто сбрасывая маски,
Люблю я слушать тишину,
Воспоминания лелея,
И легкой поступью девиц
Бродить по паркам да аллеям.
Дождём пропитанный ноябрь
И эта зябкая прохлада
Ещё хранят следы мои
Под покрывалом листопада.
Мне хорошо с самой собой,
И это высшая награда —
Жить, понимая то, что нам
Для счастья многого не надо:
Лишь только б не было войны,
Каким бы ни был мир суровым,
Родные, близкие, друзья
Чтоб были живы и здоровы.
Смотреть бы в зеркало без стыда
И жизнь прожить не зря на свете,
Чтоб уважали нас всегда
И помнили нас наши дети.
Всем, что имеем, дорожить,
Любить людей, любить природу —
Так согреться изнутри
В любое время и погоду.

Екатерина Владимировна

*Пишет с детства, публикуется
с 2018 года.*

*Живет в районе Серпухова Московской
области, ведет активную общественную
работу по популяризации поэзии;
дипломант и лауреат ряда конкурсов
2021 и 2023 гг.*

Ливень

Выхожу — за дверью ливень,
На макушку тёплый душ.
День сегодня будет дивен
Для весёлых добрых душ.

Просочится эта влага
Запятыми между строк,
Неожиданная брага,
Дикой нежности исток.

Встреть меня у остановки,
Приподнявши воротник.
Два мутанта-полукровки,
Позабывшие язык,

Мы сольёмся воедино
На дрейфующую мель.
Крови — только половина.
Остальное — чистый хмель.

Верность

Ангелине Колосовой

Ей было всего-то семнадцать лет.
Ему — почти девятнадцать.
Ходили вместе встречать рассвет.
Он учил её целоваться.

Он обнимал её нежный стан
Трепетными руками.
А в восьмидесятом случился Афган.
Дальше вы знаете сами.

Она получила два бодрых письма:
«Ты там не сходи без меня с ума.
Порядок. Такая работа».
Он ей писал: «Ты моя любовь.
Давай-ка белое платье готовь.
На свадьбу приедет вся рота».

И это всё. А потом тишина,
И ничего неизвестно.
В военкомате спросили: «Жена?»
Она отвечала: «Невеста».

Сегодня и завтра сведений нет.
Хотелось кричать и выть ей.
Был каждое утро её силуэт
У военкомата к открытию.

Её уже лично знал военком.
Она ожидала чуда,
И всё казалось, что тут её дом —
Ведь он уходил отсюда.

Ей офицеры кивали: «Привет!»
Хорошие там ребята.
И лился какой-то особенный свет
Из окон военкомата.

Потом ей сказали, что он пропал,
Не жди — погибла вся рота.
И в горле ком непонятный стоял —
Ответить мешало что-то.

Она молчала четыре дня —
Понятно. Конец надежде.
На пятый сказала: «Простите меня.
Теперь всё будет как прежде».

Уже сорок лет она в восемь часов
У двери военкомата.
Тут вся её жизнь. Тут её любовь —
Отсюда уходят солдаты.

Давно работает здесь она.
Ей нравится это место.
Теперь она спрашивает: «Жена?» —
И слышит в ответ: «Невеста».

Все дни её покаянно легки —
Дана ей такая милость.
А по ночам она пишет стихи
О счастье, что с ней не случилось.

* * *

Я не буду глядеть на часы.
Буду просто идти по земле.
Отражусь в каждой капле росы.
Стану колосом в каждом зерне.

В каждой искорке буду сверкать,
В каждом звуке смеясь и звеня.
И меня вы начнёте искать —
И поймёте, что нету меня.

Богоискатели

Кто-то днём
С фонарём.
Кто-то ночью
На ощупь.
Кто-то в лупу рассматривая поверхности.
Кто-то — издалека, но очень внимательно.
Кто-то по доверенности.
Кто-то — самостоятельно.
Кто-то интуитивно.
Кто-то рассудительно.
Кто-то весьма активно.
Кто-то — нерешительно.
Кто-то к цели идёт упорно.
Кто-то очень надеется.
Кто-то весело и задорно.
Кому-то не верится.
Кто-то настойчив, несмотря на трудности.
Кто-то плурует, но выбирается.
Кто-то набирается мудрости.
Кто-то не набирается.
Кто-то прёт напролом.
Кто-то — пробираясь по стеночке.
Кто-то — попивая чай с молоком
И брезгливо снимая пеночки.
Кто-то знает, что надо найти.
Кто-то вообще ничего не знает.
Кто-то уже в конце пути.
Кто-то лишь начинает.
Кто-то делает шаг, а потом назад.
Кто-то — всегда поступательно.
Однако все найдут то, что хотят.
Обязательно.

Приговор

За то, что я была верна,
За то, что часто предавала,
Я жизнью приговорена
Сегодня всё начать сначала.

Я открываю новый лист,
Чтобы писать на нём красиво.
Он так сейчас прекрасно чист!
И я начну неторопливо.

Но очень строг мой приговор
(Хоть вы не сдержите улыбки):
Должна всё помнить с этих пор
И повторять свои ошибки.

И всё, что сделано в бреду,
Все глупости и безрассудства,
Как в первом классе, я пройду,
Чтобы достичь вершин искусства.

Я осознаю каждый шаг,
Прочувствую грехопадение,
И, полюбив себя, душа
Придёт в конце к освобождению.

Себе в глаза я посмотрю
Без сожаленья и укора.
Я жизнь свою благодарю
За справедливость приговора.

Лестница

Поднимаюсь по лестнице
За ступенью ступень.
Задыхаюсь, естественно,
Поднимаясь весь день.

То ступеньки разбитые,
То совсем без перил.
Отработаю мыто я,
Хоть и выбьюсь из сил.

Тут проблемы и трудности —
Так похоже на квест.
Может быть, я по дурости
Приняла этот крест.

Я упорно карабкаюсь,
И пускай тяжело!
Слышу голос закадровый:
— Значит, время пришло.

Скоро кончится лестница.
Вот и выход уже.
Месяц, вижу я, светится
В люке на этаже.

Выбираюсь на крышу я
В неба звёздную синь.
Вот планеты, зависшие
В зодиаках пустынь.

Вот — созвездия лепятся
Тут и там над землёй.
Вот и новая лестница.
Ах ты Боже ты мой!..

* * *

Что может быть лучше горячего кофе
И водки, манящей в сверкающем штофе
Холодную осенью или зимой,
Когда вы с мороза придёте домой.
На улице ветер, и сырость, и холод,
Колючками снег проникает за вóрот.
Но вот наконец вы заходите в дом,
И вас обожжёт благодатным теплом.
И стопочка водки, и борщ на закуску,
А также картошечка с кислой капусткой,
Но главное — щедрых объятий тепло, —
И вот уже счастье рекой потекло.
И вновь разливается радость по жилам,
И мы забываем о ветре постылом,
Мы любим друг друга, прощаем врагов
И Господа славим во веки веков.

ПРОЗА

Дмитрий Чарков

Родился и вырос в Хабаровске, живет в Москве. Образование — педагогика, психология и лингвистика (ин. яз. Пединститута, 1992), а также — бизнес (США, 1994 и бизнес-школа ДВИМО, 2013). Специалист в сфере управления человеческим ресурсом (МВА). Член Международного союза писателей «Новый Современник». Лауреат литературно-педагогического конкурса произведений для детей «Добрая лира», финалист премии «Писатель года» (2012), учрежденной Российским союзом писателей, победитель 3-го интернет-конкурса Грушинского фестиваля (2012 - 2013 гг.) и Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2015, 2017); неоднократный финалист и призер различных литературных проектов. Автор ряда книг, включая: «Джентльмены из балконного шалаша», «Стор-чек тебе в бонус!», «От "конторы" до "сотрапу"», «Обреченные выстоять», «Черный конверт пуст...» (АСТ, в соавторстве с С. Романенко), «Провожая Люцериу в рай» и др.

Играй, музыкант!

Дверь в кухню, как обычно, была слегка приотворена. Юлька всегда оставляла небольшую щель, чтобы падавший из окна свет от уличного фонаря слабо проникал в тесную прихожую, и тогда Андрею, ступая впотьмах, легче было не налететь на табурет или скинутую детьми второпях обувь.

Все, конечно, уже давно спали.

Он тихо разулся, повесил на свободный крючок ветровку и зашел в ванную комнату, бесшумно притворив за собой дверь. Против обыкновения, Андрей повернул защелку и затем только, приблизившись к умывальнику, открыл воду — холодную. Подождал, пока немного стечет, и подставил костяшки пальцев правой руки под ледяную струю.

Уже подсохшая кровь, как бы нехотя, засочилась бурой ленточкой по поверхности ослепительно белой эмали. Или это ему только казалось, что раковина ослепительно-белая? На фоне измазанных рукавов его форменной синей рубашки. На контрасте... Ну, да черт с ней...

Смена с самого начала не задалась. Николай, сменщик, который должен был прибыть на конечную станцию сразу после четырех часов, опоздал так, что свой первый круг маршрута Андрею пришлось пропустить — диспетчер уже не выпустил на линию. Понятно, что не Колькина это вина, когда в центре столицы перекрывают движение и пробки собирают по несколько машин одного маршрута в ряд, но и ему тогда с чего терять свой заработок, простаивая все это время на «конечке»? Раздражение не ахти какой помощник за рулем, но куда засунуть его, если копится и копится: вот не дали выехать, вот таксист опять подрезал, вот дед-сто-лет прямо перед капотом его двадцатитонного ЛИАЗа на велосипеде рассекает по центру выделенной

полосы, вот студент деньги пытается просунуть в щель прозрачной пластиковой двери, когда который год уже нет продажи билетов из кабины — эй, люди, вы с ума все походили тут, что ли? Или пандемия снова в голову...

Но все это, Андрей знал — обычная рутина, которая давно уже его не выводила из равновесия на дороге; и что в действительности его завело, так это то, что все навалилось именно сегодня: в четверг, в его вечернюю смену. Вечер четверга. За месяц так совпадало на удивление не часто: его вторая смена и вечер четверга. Два, три раза, может быть?

А он пропустил свой выезд на первый круг в шестнадцать сорок три. Потому что сменщик опоздал со своего маршрута. Потому что перекрыли на тридцать пять минут Большой Каменный. Потому что Москва...

Пальцы начали терять чувствительность под ледяной струей воды, и он убрал руку из-под крана. Посмотрел на сбитые костяшки — по краям ссадин лоскутки кожи топорщились рваными лохмотьями, и он подцепил ногтями левой сперва один такой обрывок, затем другой. Поморщившись — не от боли, скорее, а от досады, — достал из шкафчика перекись и обильно полил на руку. Защищал.

Вечером в четверг в зале Консерватории имени Чайковского на Большой Дмитровке проходили репетиции. Они также проходили и утром в понедельник, но его интересовали именно эти четверговские занятия.

Впервые он увидел чудного паренька около трех месяцев назад. Увидел в обзорное зеркало салона. И чуть не потерял машину. Его словно токомшибануло: Пашка, ты?! Как... как... ведь... ну... одно лицо... И словно время замерло: другу Пашке все так же пятнадцать, такой же плотненький, «добротный», с ямочкой на пухлом подбородке, с белесым пушком над верхней губой... живой. Зашел в среднюю дверь, обнимая большой черный футляр.

Контрабас, что ли? — тогда мелькнуло в голове. Андрей было дернулся на импульсе бросить руль, распахнуть дверь кабины и выбежать к Пашке, заграбастать друга в свои колючие и неуклюжие мужские объятия, прижаться, рассмеяться — да нет: заржать по-конски! — крикнуть во всю глотку: «Па-а-а-ашка-а-а-а!!! Я же знал, всегда знал, что ты, кабан такой, просто опять учудил!!! Чудила же ты, Пашка, ой чудила!.. Но хрен бы с этим — главное, что здесь ведь, наконец, главное, что... живой, Па-а-а-ашка-а-а...»

— Водитель, во-ди-тель!!! Что такое?! Мы поедем сегодня? — вывел тогда его из оцепенения раздраженный голос кого-то из пассажиров.

Да, поедем. Конечно, поедем. Извините.

В тот четверг Андрей чаще обычного наблюдал за салоном: паренек с контрабасом — или что там у него размещалось внутри — неловко пристроился на площадке для инвалидного кресла, придерживая футляр одной рукой, а другой держась за поручень. Всю дорогу он смотрел в окно, а сошел на «Консерватории», все так же бережно обнимая свой инструмент. Вышел из дверей, прошагал вперед несколько метров, так что оказался в поле видимости у лобового стекла, потом неожиданно остановился, обернулся, посмотрел прямо на Андрея, вдруг поднял свободную руку и... приветственно помахал ему. Затем так же невозмутимо повернулся и пошел. Так быстро, насколько позволяла его драгоценная ноша.

— Водитель, во-ди-тель!!! Да что же это такое?! Мы поедем?

Извините... Мы поедем... Да, в четверг, вечером, непременно.

Через пару недель этот четверг и этот же контрабас повторились — повторилось все до мелочей, тот же ритуал: «Баррикадная» — окошко — «Консерватория» — несколько шагов — «спасибо, до свидания». Так Андрей в итоге

интерпретировал этот жест странного паренька. Конечно, это был не Пашка. Да и... не мог он оказаться его старым закадычным Пашкой из детства. Никак не мог. Детства уже давно не было. И школу их давно заменили на гимназию, и Павел...

Андрей услышал, как в кухне звякнул графин — видимо, Юля поднялась. Он быстро снял с держателя души и переключил на него воду, направив поток в ванну. Не хотелось сейчас объяснять ей про свои сбитые пальцы. Не то чтобы криминал, просто... жене уже скоро на работу вставать — чего грузить ее посреди ночи?

Тогда он рассказал Юле про не-Пашку с контрабасом, но она только печально пожала плечиками: мол, что тут скажешь? Столько лет прошло, а оно видишь как, не заживает...

После второго такого «спасибо, до свидания» Андрей поспрашивал у парней в автоколонне, для виду посмеиваясь, — не обратил ли кто внимание на магистральном маршруте на забавного парнишку, который, выйдя из автобуса, машет рукой водителям на остановке. К его удивлению выяснилось, что не он один заметил чудного музыканта: оказывается, парень с большим черным футляром — «вроде бы виолончель у него внутри» — каждый раз, выходя как на «Консерватории», в одну сторону, так и на «Баррикадной», в обратном направлении, непременно на полном серьезе махал всем водителям рукой. «Чел не в себе, по ходу, — заявил Николай, — но безобидный вполне. Я первый раз даже хотел было выйти объяснить ему, что ерничать так со старшими нехорошо. Но... у нас же категорически нет задачи воспитывать пассажиров, Андрюха, тем более выходить из машины, — он усмехнулся, — а потом уже пригляделся к нему — ну, точно: то ли даун, то ли аут, то ли какие еще там... апдейты... бывают...»

В очередной раз Андрей помахал не-Пашке в ответ. А в следующую встречу тот ему улыбнулся. Узнал.

Андрей как-то поймал себя на мысли, что ждет этой встречи и вместе с ней — той самой бесхитростной и совсем детской улыбки парнишки с огромным музыкальным инструментом в обнимку, его приветственного жеста, словно в знак благодарности. Но, помилуй бог, за что? «Это ведь моя работа, — думал он, — я просто делаю свое дело, как десятки и сотни тысяч других в этом огромном городе».

Андрей, взрослый мужик, поначалу уверял себя, что все дело только в этом поразительном сходстве с давно ушедшим другом — его просто ностальгически уносило в собственное детство, навевало давно забытые воспоминания и переживания, и даже в носу будто бы вновь щекопали запахи бабушкиной кухни с жареными на подсолнечном масле и чугунной сковороде черными гренками, посыпанными солью, когда они с Пашкой их таскали втихаря за ее спиной. Но... — только ли..?

Через какое-то время ему уже казалось, что парень, в общем-то, уже и не так был похож на друга, как поначалу представлялось: все сгладилось, первое впечатление рассеялось, а ожидание — ожидание осталось.

Потом его осенило: парень же не играл в эдакого воспитанного пассажира, не притворялся — он просто делал то, что считал правильным. Делал искренне. А... — ну надо же! — а ведь Колька хотел его за это «воспитать». И, Андрей подозревал, не он один, такой вот Колька-воспитатель.

«Даун. Сам ты даун!»

Андрей неторопливо разделся и, взяв в правую руку душ, чтобы не намочить ссадины, ступил в ванну, прикрыв шторку. «Юлька, наверно, снова легла», — подумал он.

На второй круг маршрута сегодня он выехал точно по расписанию, но не ожидал уже увидеть музыканта — у

всех же свой график. Нет, не трагедия, отнюдь. Так, мелочи жизни. Вот очередной таксист подрезал при перестроении, вот дед-под-сто-лет прямо перед его капотом на велосипеде по центру выделенной полосы надумал дрифтануть, вот студент деньги за проезд пытается просунуть в щель задраенного окошка в двери кабины — у всех свое расписание, свои тараканы, свое понимание сути момента, а как же иначе. Никто ведь не обещал при рождении, что жизнь — это про справедливость и гармонию. Вообще никто. Вот и суетятся все вокруг, и каждый по-своему.

...А вот и сюрприз...

На «Консерватории», на обратном пути, среди празднично разодетой публики на остановке Андрей заприметил знакомый футлярчик. Время уже было позднее, и по внешнему антуражу ему стало понятно, что в Консерватории сегодня давали концерт. В это время и по такому случаю пассажиры обычно садились, чтобы не идти пешком вверх до Бульварного Кольца, или чтобы просто на колесах пересечь Садовое, и «Мосгортранс» — вуаля! — к вашим услугам, с оптимальным интервалом, а то как же?

— «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант...», — с улыбкой пробормотал под нос Андрей, закрывая двери и отъезжая от остановки.

Салон практически весь был заполнен.

И практически весь освободился сразу после Никитского бульвара, как и предполагал водитель. Но вместо прилично одетой и театрально-пафосной публики в автобус в последний момент заскочили несколько молодых людей — полная противоположность по виду только что сошедшим пассажирам. Они громко и развязно поблагодарили «шефа-красавчика» за гостеприимство и расселись «на корме» вчетвером, друг напротив друга, шумно обсуждая что-то.

Музыкант, как обычно невозмутимо, стоял на средней площадке, обнимая виолончель и глядя в окно на проплывающие мимо фасады старинных русских усадеб.

Вот и Садовое. Светофор здесь долгий. Впереди — мелькающие авто и пустынные в этот час тротуары. Андрей смотрел на противоположную сторону, где высилась одна из знаменитых сталинских высоток, и в который раз философски соглашался сам с собой, что таких домов и таких квартир в Москве все равно на всех не хватило бы, при социализме или вне его, поэтому не всем там жить — кому-то и в Бибиреве тоже надо, и в Троицке, да и в том же Заполярье люди, поди, тоже счастливы... по-своему. Конечно, по-своему: не измеряется же счастье близостью к Садовому или наличием рядом «Бетонки», но тем не менее...

— Композитор, ну же, сыграй нам чего-нибудь! — донеслось до него из салона. — Что там у тебя? Моргенштерна плэишь?

Андрей взглянул в зеркало. Один из молодых людей — тот еще дылда — поднялся со своего места и нетвердой походкой продвигался по салону к средней площадке.

— Если не можешь сам играть, то давай музон с твоей мобилы хоть послушаем, что ль. Доставай свою мобилу, композитор, смелее!

Музыкант не-Пашка обернулся на голос — на лице его явно читалось недоумение. И некоторая растерянность. На передней площадке пожилая женщина смотрела в окно, поджав губы. Трое остальных сзади с ухмылками наблюдали за происходящим. Андрей напряженно смотрел в зеркало. Потом перевел взгляд на перекресток — сорок девять секунд до смены светофора. Сорок восемь...

Автобус, конечно, не самолет, но даже если и его штурвал угодит в неправильные руки, то многих могут ждать очень неправильные последствия, особенно в Москве, где скопления людей порой напоминают эдакий

бурлящий «человеиник» — именно поэтому водителям запрещается покидать кабину на маршруте и предписано держать дверь запертой: от греха да неправильных рук, как говорится. То, что происходило у Андрея в салоне, в общем-то, не тянуло даже на хулиганство с точки зрения камер наблюдения: молодые люди просто... коммуницировали. Это же раньше, когда-то, все друг перед другом расшаркивались и реверансы отвешивали, а теперь коммуникации существенно упростились, и в их процессе отвешивают иногда совсем другое — для экономии времени, вероятно: все же спешат вечно, суетятся.

Музыкант молча полез в карман за телефоном, просто-душно моргая белесыми ресницами. Сорок две секунды...

Понятно, что жизнь — она в большинстве случаев не про справедливость, и именно это всегда Андрею казалось еще большей несправедливостью, поистине вселенской. И не потому вовсе, что некий парнишка до боли напоминал ему рано ушедшего в юности друга, и не потому совсем, что «быдло» как явление — это состояние души, а не призвание. Просто правильное должно быть правильным до конца, он считал, а не до какой-то или чьей-то там середины.

Тридцать пять секунд.

Завыла сиреной скорая, обгоняя по Садовому поток — обычное тут дело. Но троица нервно переглянулась на звук, не видя его источник.

«Нервные какие, гляди-ка...» — пронеслось в голове.

Андрей принял решение и схватил свисающий слева микрофон, буркнув в салон:

— Дружище в синей бейсболке, это не за вами там гоняются?

Дылда на средней площадке сразу засуетился, пытаясь в окна и двери разглядеть, что происходит снаружи. Приятели его тоже привстали со своих мест, озираясь.

— Передали по внутренней связи, что идет рейд — проверяют все автобусы в районе... ищут... «зайчиков» с ушами, — продолжал доверительную беседу водитель через динамики. — Вы оплатили поездку, уважаемые пассажиры? С этим у нас строго, за уши выдергивают сразу...

«Уважаемые пассажиры» что-то пытались сказать про «братана» и про «поехали».

— Тогда вам лучше выйти. Сейчас! И осторожно на проезжей части, пожалуйста...

Задние двери открылись. Слегка замешкавшись, компания все же ринулась к выходу и практически вывалилась из автобуса — жаль только, что на соседнюю правую полосу, хоть и пустую: это серьезное нарушение, и Андрей мог лишиться премии, а это реально приличные деньги...

Девятнадцать секунд... Парни перебежали на тротуар, озираясь по сторонам, и заметили, наконец, удаляющуюся скорую. Двери автобуса закрылись.

Андрей смотрел на светофор. Музыкант смотрел в окно, зажав в руке мобильник. Женщина смотрела в зеркало на Андрея. Компания молодых людей тоже смотрела на Андрея, приближаясь параллельно к перекрестку по тротуару — один из них дернулся было в сторону автобуса, поравнявшись с ним, но дылда осадил его. Семь секунд... можно уже начинать протягивать машину к кромке проезжей части Садового, уже можно. Дылда поднял руку, изображая пистолет, и спустил, типа, курок, прокричав:

— Братан, мы тебя запомнили! Слышь? Запомнили!

Андрей улыбнулся ему и пересек Садовое Кольцо. Сколько таких «запоминальщиков» уже было, боже, кто бы их еще записывал. «Играй, музыкант...» — вспомнил вдруг голос с хрипотцой.

На «Баррикадной» распрощались, как обычно — невозмутимо и по-деловому. Женщина поехала дальше.

«Четверг состоялся, — подумалось Андрею, — Пашка был бы доволен».

В парк он вернулся далеко за полночь. Уже поставив ЛИАЗ, заправленный и умытый, на свое обычное место в колонне, он потянулся за путевкой и случайно смахнул ее за торпеду — подвижную часть водительского пульта с приборной доской и рулевой колонкой перед лобовым стеклом. Но регулировать и двигать уже не хотелось. Чертыхнувшись, полез, перегнувшись через всю эту махину, протиснул плашмя ладонь, нащупал сложенный вдвое листок, ухватил его и вытянул наружу. Но задел костяшками пальцев металлическую обшивку с болтами и креплениями. Тут же закровоточило. Выматерился...

...Пар мягко колыхался у потолка. Андрей накинул вафельный халат — милое дело после горячего душа. Ссадины на руке неприятно покалывало.

Его половина кровати — о как он ее любил! Иногда казалось, что даже больше Юльки. Особенно после работы, именно глубокой ночью или под утро после работы — ну точно больше Юльки, однозначно и непоколебимо, всеобъемлюще, вместе с подушкой... просто... просто... очень.

Богадельня, 12

*Старческий футуристический фарс-абсурд
(в авторской редакции)*

*... Мой герой – он соткан весь
Из тонких запахов конфет.
Напудрив ноздри 'ОК-аином',
Я выхожу на променад,
И звёзды светят мне — красиво!
И симпатичен Ад.*

Опиум для никого.
Глеб Самойлов, группа «Агата Кристи»

Солнце не то чтобы светило ярко — оно просто ослепляло, отродье космическое. При этом еще и отражалось от серого, заср@нного β -экологичной копотью снега. Отражаться-то уже не от чего — ну все же кругом или в птичьем помете, или в собачьих кренделях, или в этой копотти последнего стандарта — так нет, все равно отражается и режет мне глаза, режет сквозь мои черные, засаленные отпечатками чьих-то — моих, конечно; чьих же, ять, еще! — пальцев. Моих старых скрюченных пальцев. А она говорит: «Артрит!» Дура, дура никчемная, молодая толстая дура из частной матерной докториники.

— Дура, — бормочу я под нос и осторожно перетаскиваю ногу через бордюры, коим украшен дверной проем входа в подъезд. Правой рукой я опираюсь на стену, а левой непроизвольно шарю в пространстве, пытаюсь найти еще одну точку опоры.

— Кто дура, дед? — спрашивает меня участковый. И улыбается — еще одно отродье. Тикт-ОК-овое.

Откуда он взялся? Его только что тут не было: выход из подъезда был открыт, как я мог не заметить этого увальня, пока на лестнице..? Что на лестнице? По лестнице, на лестнице, под лестницей...

— Ты за мной? — спрашиваю его. — Я тебя с двенадцатого года дожидаясь!

Участковый нерешительно стягивает с себя форменную куцую нургалиевку версии «Зима 2.1.1» — автор-то давно уже Воланда за дурынды в аду дергает, а шапка его, вишь как, до сих пор на полицосах.

Да, полицосы... Это как же я пережил — и милицию, и полицию, и милосию, и вот теперь накося: полицосия.

— Дед Ильич, мое почтение!

Я медленно достаю из кармана телескопическую трость, одним нажатием ногтя на кнопку пытаюсь выдвинуть ее во всю длину, чтобы оградить себя ею от бесов, с оттяжкой, но ноготь ломается. Старый ноготь мой сломался — это факт.

— Вычислил... да, вычислил?! — снова бормочу, не глядя на него. — Дура. Ну ничего, ничего, Путин жив, он вас достанет, он вас всех достанет и на твиттер медведевский посадит!..

Полицос перекрестился:

— Дед, не гони, я только с хреннера сполз, а ты меня назад в твиттер... ведомство мое уже не оплатит лечение, дед. Ты только не смотри на меня черным глазом братьев Сафроновых, прошу тебя, я хоть в экстрасенсов и не верю, но чур!..

И тут я усмехаюсь — открыто и вальяжно, как мог позволить себе в том далеком двенадцатом... Вспомнилось, как братья Сафроновы — те самые полицосы для колдунов и прочих чубайсов — после удачно наложенного сглаза украинской ведуньей Юлькой-Газовой-Ручкой, неожиданно для всех через свой блог основали «Союз Свободного Сглаза Р.» Многие долго тогда ломали головы над этой загадочной заглавной буквой «Р» в конце названия Союза, но, сколько ни бились пэй-фэйсами об таблоиды, не могли решить ребус, а коварные братья С упрямо хранили

молчание, не давая намека ни желтой, ни сетевой социальной прессе. С мягкой подачи Единороссовой партии «ЖиВ» я смог попасть в этот Союз, по лестнице, и даже получить там определенный статус... ага...

Лестница... я ведь что-то хотел вспомнить про лестницу... Лестница ВКонтакте с... с кем? Или...

Резкий звук, напоминающий выстрел бутылки белого игристого, выводит меня из окутанного облаками воспоминаний оцепенения. Участковый подпрыгивает на месте и, даже не успев приземлиться на мягкие войлочные полищосники версии «Зима Нурга-Ять-Х-Шойгу», привычным движением выхватывает из нагрудной серебристой ширинки свой собственный телескопический жезл, покрытый каучуком, а я удивленно смотрю на мою старческую, не прикрытую кожаной на норковом меху перчаткой руку, и вдруг понимаю... Да, я отчетливо осознаю, что же означала та неведомая заглавная буква Р в избирательной кампании Четвертого Президента... или Второго? — ни хрена не помню уже, ять... Число «12» на лестнице...

Мои черные засаленные очки не спасают от режущего озарения и неожиданного просветления, и я в отчаянии пытаюсь сорвать их со своих глаз, беспрерывно повторяя при этом:

— Дура из докториники... вот же дура, боже мой, как я раньше не видел, какая же она дура артритичная...

Но очки никак не поддаются моим усилиям. Я концентрирую внимание на руке, чтобы решить возникшую проблему по принципу «SMART», но она длинная, ужасно длинная, откуда у меня такая длинная рука, Путин, ты же тогда еще обещал благополучие, откуда выросла у меня такая рука... о-о-о-о! — телескопическое отродье! — надо же, выстрелило наконец.

— И куда я теперь тебя?.. — Я пытаюсь засунуть эту вдруг выросшую телескопически между моих никудыш-

ных ног трость, но она путается в длинных полах моего парадного пуховика на новом эстетическом ацетон-полиметане воздушном, изобретенном в Сколкове в том счастливом двенадцатом... Двенадцатом... Поэма Блока... Мультфильм Михалкова... или не мультфильм... или это вовсе про Кутузова... Боже, это же апостолы святые, Путин, как ты мог?! Всех апостолов, под Михалкова, одним блоком, Господи, через Кутузовский... перекрывают опять, я-а-ать!

— ...а-ать твою, да растыдрить мне эту палку в твоё отверстие срамное, Хренов, че стоишь?! — кричу я участковому, пытаюсь одновременно и вынуть трость свою из неведомо откуда, и нажать обломанным ногтем на кнопку заветную, чтоб сложить ее обратно в двенадцатеро, пока этот никчемный полицос пялится на меня, неуверенно замахиваясь своим каучуковым жезлом, перешедшим по наследству к участковым от гэгэиашников.

Хм, думается вдруг мне, надо же — ГИИА. Помню, в детстве моем рассказывали нам старики, что было вначале НКВД, потом ГАИ, ГИБДД и вот накося — ГИИА, да и то сгнуло вместе с Авто-Рено-АЗом, не так давно. А сколько в Думе глазьев повыбито-то было в том далеком... из-за одного названия только: то вот тебе «государственная», то нет — давай «госдумовская», то «герьмовая-мя», и даже «гм-бабкинская»... А Новский-то Жирия молодец: пробил-таки тогда свою ГИИА — «Гы-Гы Инспекция ну-Ахиреть» — прямо в таком вот написании, мол, как слышу, говорит, от народа, так и пишу. Ну, тоже еще тот брат Сафронов, колдун известный был, ясновидец. И вовремя сгинул-таки: прям с Великим исходом, а-а-а... А тогда ведь все согласились на эту ГИИА — а как же, компромисс ведь какой-никакой. С тем и жили, и таблички опять все меняли, а заказ на их замену-то был единый, государственный, чтоб все под одно еб... лекало то бишь.

— Ильич, ты не парься давай, брось тросточку-то, брось ее в гуль нах! — слышу в ответ от Хренова. А он молодец, участковый наш, в какой бы ситуации ни находился, а всегда изъясняется по Уставу, по-форменному, отродье одноклассническое.

Наконец я чувствую, что ноги мои окончательно распутаны, трость сложена обратно восвосяи и как ни в чем не бывало болтается у меня на гламурной фенечке у запястья, а черные очки по-прежнему на переносице, лишь слегка наклонены в сторону левого уха, так что правой дужки я вовсе не ощущаю. Старый стал, да, это ж не двенадцатый...

— Во, Ильич, нормально, теперь залогинься у подъезда, так-так, правой рукой удобнее будет, во-о-о-о!левой не маши ты, не маши, все равно не попадешь в глаз себе, один гиг. Помощь еще моя нужна, может? — спрашивает участковый, натянув на глаза нургалийку и пряча в нагрудной своей ширинке жезл. Чудной все же какой-то фасон их зимнего прикида, ей-богу, не мой стиль, однозначно не мой.

— Дура, — говорю ему, — там, на лестнице!

— Верю, — искренне отвечает он и тут же вздыхает. — Бедные пенсионеры, эта последняя надбавка Галустяна совсем их надломила!

Я всматриваюсь сквозь темные стекла в пространство перед собой: это наш двор. Снег будто мрамор на могилах — серый, причудливо отформованный, засиженный... Или не снег? Деньги. О, деньги! От них уже тошнит, как от корвалола, и недавняя очередная надбавка к пенсии от Мишкиных президентских щедрот окончательно вбила гвоздь в крышку гроба олигархении — молодой Абрамович Третий имеет среднемесячный доход на семь процентов ниже моего, среднепенсионного, ну куда ж дальше-то? После последней встречи с Вечным Байденом Галустян, видно, решил нас совсем со свету сжить: закидать, за-

топтать, завалить купюрами, и чтобы еврозона при этом тихо сидела и постанывала у себя за железным занавесом. Бедолаги. Говорили им во времена Великой Смуты: слушайся, Европа, Путина, слушайся Владимира, так нет же... А если б в Америку в свое время не экспортировали тандемные выборные технологии, то и там бы по сю пору они свой лимон бразерс жопами голыми теодорасили не по-рузвельтски, отродье раздемокраченное. И где бы был сейчас Байден со всеми ихними бараками? Верно, там же, где и Зелебоба. Вот она, ценность трости моей телескопической, расейской — в яйцах! У кого они железные, у того и рука железная, и голова тоже, и сама трость — априори!

Я мелкими шажками, по-стайерски, преодолеваю десятиметровый участок от подъезда до своего «Муха-Патриота», припаркованного у обочины — невысокого хромированного красавца с покатым космическим тюнингом тихоокеанской сборки: чистый Магадан, а как же! Его мягкие лопасти, подобно щупальцам океанского октопуса, небрежно свешиваются по сторонам, и я вижу сквозь тонкое тонированное стекло манящее кресло пилота и такое же комфортное пассажирское сиденье, обтянутое мягким бежевым винилом с допустимыми элементами ГМО.

— Дура, — бормочу я под нос, доставая из кармана скрюченными дрожащими пальцами отполированный пластиковый дистон, — говорил я ей, что не артрит, а она...

Пи-пип! — и левый слайдер мягко перемещается вверх, позволяя мне присесть старческим копчиком на краешек кабины, а затем, плавно приподняв острые колени, перенести их внутрь, в тепло, придерживаясь правой рукой за штурвал градолета. Еще мгновение — и я уже в своем, таком привычном пилотском кресле; кабина герметична, и в приятном полумраке яркое космическое отродье больше не режет мои старческие глаза, а полицос не маячит долговязой фигурой в рамке визуальной регистрации.

Одного жаль — керосина. Керосина больше нет. Только альтернативное топливо биологического происхождения, самозаборное. А разве ж оно может так мускусно благоухать? Нет, брат Хренов, не может. Одно преимущество — ходить за ним никуда не нужно: сел и жди, когда приспичит, а мигание встроенного в кресло индикатора автоматически покажет готовность.

Так вот сижу и жду. Мимо проходят два молодых симпатичных буржуя. Я не слышу, о чем они говорят, но по губам давно научился читать:

— Прикинь, брат, откуда у них такой градолет, а? Знаешь?

— Да наворовали! Сейчас все кругом — одно жулье, на улицу честному буржую и выйти нельзя. Вон сидит, старый конь, есаула своего бодрит.

— Мы такими никогда не будем, да, брат? Никогда! Наше поколение выбирает Ванального-Груша-Нэо!

Им и невдомек, что мы под федеральным гнетом обязательств по освоению пенсий буквально задыхаемся и рады бы значительную свою монетарную часть выгрузить неимущим буржуям и ретро-олигархам, но... это же так неэстетично. Зачем оскорблять ближнего своего грузом своей ноши? Господь и так к нам немилостив, а тут уж и вообще сгноит под дланью вечной материальной благодати. Я вздыхаю, тяжело и проникновенно.

Минуты плавно перетекают одна в другую, и я их замечаю. Начинаю даже осваивать мысль, что очевидный недостаток альтернативного биотоплива — это состояние «а вдруг вообще не приспичит?». Тревожной тенью всплывает воспоминание о лестнице. Что там, на лестнице, пока я спускался к выходу из подъезда? Никак не могу зацепиться этим геймером за память. Также не могу вспомнить, куда я, собственно, собирался слетать. И это тревожно. Тревожно, потому что сосед мой по загородной усадьбе так же вот

в прошлом году вышел из городского подъезда, а обнаружился только через восемь суток на Гавайях в компании с молодыми грудастыми буржуинками, срам-то какой! Но самое тревожное в этой истории то, что он совершенно ничего не помнил. Совершенно: ни как отрывался, ни как парковался, ни как...

Под козырьком снова появляется участковый, весь озабоченный из себя такой. Смотрит на меня. «Я тебя тоже вижу», — хочется мне сказать, но его не слепит снег и не режет ему глаза — он же заинстаграмленный, что с ним станется? Вот опять играет молнией на ширинке номер три. Медленно двинулся в мою сторону, ширинку в покое не оставляет. Доиграется, что без жезла своего каучукового останется однажды.

— Ильич, а ты чего там, на лестнице, учудил-то? — спрашивает на ходу.

Я делаю вид, что не слышу. Я и не слышу, но делаю все-таки вид, что реально не понимаю по его губам, что он там бормочет. Мне вдруг становится страшно вспомнить про лестницу.

— Вот дура-то, артричка! — вырывается у меня сквозь зубы.

Он нажимает кнопку на своем универсальном полицосовском дистоне, и левая дверь бесшумно поднимается кверху, подставляя мои старческие глаза за темными стеклами очков режущему свету. Я начинаю жмуриться и пытаюсь прикрыть стекла ладонью, но руки не поднимаются — они словно прикованы к штурвалу. Сейчас вот именно и приспичит же!..

— Вычислил... вычислил! — повторяю я, глядя сквозь ветровое стекло градолета в никуда. — Я этого с двенадцатого ждал. Ну ничего, ничего, Путин жив, он вас достанет, он вас всех достанет, вот Мишка только отсидит свой срок на Стуле!..

Участковый почесывает лоб под серой нургалийкой и произносит:

— Пойдем, дед, назад в подъезд, дашь пояснения... Не гляди на меня только, гляди в сторону, а то потом промиллями не оберешься после тебя.

Я не противлюсь и не сопротивляюсь — смысл? От судьбы не уйти, как от артрита, но вот эта дура из докторники... или не она вовсе, а тот сосед, что на Гавайях?..

— Ты же из двенадцатых апартаментов, Ильич? — спрашивает Хренов, мерно ступая рядом со мной.

Я оборачиваюсь к нему, смотрю на него круглыми черными блюдцами своих очков, не спасающих от космического сияния. Но он не видит, что я в замешательстве, не может он этого видеть. А я действительно в замешательстве.

— Я прямиком из двенадцатого, — говорю, — что тут удивительного?

В подъезде тот же полумрак и тепло, пахнет лавандой. Стены чистые, ровные, ступени тщательно вытерты и смазаны антискользящим — здесь ведь живут только пенсионеры, и нам по Конституции положен специальный уход, достали уже им! На первом этаже просторный холл, в котором слева часовня, справа крематорий, прямо — лифт, а вниз лестницы нет: в морг можно попасть только из лифта.

Вспоминается, как поначалу мы высиживали часами электронную очередь, чтобы попасть на маршрутную экскурсию по всем этим местам: стартовали с девяносто девятого этажа на электронной восьмиместной тарзанке, которая за четыре с половиной секунды доставляет тебя прямиком в морг. Там есть ровно две и три десятых секунды, чтобы оглядеться и принять решение — остаешься тут или в обратке подскакиваешь в часовню. По статистике, сообщаемой безликим квадроном из встроенных динамиков Е-тарзанки по пути ее следования, один из восьми

экскурсантов сходит на той самой первой остановке через четыре с половиной секунды автоматически. Те же, кто попадал в часовню, как правило, там и тормозились — по большому счету, полученных знаний от пройденных этапов экскурсии оказывалось достаточно для того, чтобы обратиться к Создателю и сказать «пас» крематорию. Да и смотреть в нем, собственно, и нечего-то: в пустой стеклянной комнате отслужившие свой срок человеческие бренности просто растворяются в ничто и в нигде за долю секунды — вот и весь цирк, даже клоунов толком не оценить: души-то перед этим остались в часовне.

Участковый подталкивает меня к лифту, мы заходим, он нажимает на своем универсальном полицосовском ди-стоне нужную комбинацию символов, и через секунду мы на седьмом уровне. Это мой уровень. До цирка осталось недолго. «Артричка!» — проносится у меня в голове.

В просторном холле двое апартаментов — одни мои, другие не мои. Сбоку — лестничный проем.

— Что это? — спрашивает Хренов-участковый, указывая на стену.

Я следую взглядом его жесту и вижу ужасающую картину: недалеко от лестницы, примерно с середины стены по высоте и далее вниз, с захлестом на мраморный пол, в вычурном узоре красуется трехмерное граффити, изображающее «12 >», причем стрелка после двойки указующим перстом направлена в сторону моих апартаментов. На массивной двери из темных пород дерева тоже гравировка «12», только гораздо скромнее и миниатюрнее: с той позиции, где я стою, и не разобрать вовсе, что там начертано, а я просто знаю.

— Что это? — эхом отзываюсь я и шепотом добавляю: — Дура-то вот, а?

— Что это? — опять спрашивает полицос, уже заметно нервничая.

— Это — двен... нн... надцать, — вдруг начинаю заикаться я.

Неожиданно приходит на память далекое чудное детство, когда мы, окрыленные духом свободы и безнаказанности, стоя в лифтах, ковыряли ключами на стенах ничем не раскрашенные графические символы штуцера переливания альтернативного топлива. Дай бог памяти, тогда присутствовало целых два способа передачи этого образа: художественно-изобразительное, в виде одного рисунка, и буквенно-начертательное — из трех элементов. Да, точно из трех, и первый выглядел как неправильный крестик; а то начертание, что из пяти — оно вроде относилось к баку, в который вставляется биоштуцер, и изображается соответственно, но не так эстетически изощренно. Хотя, по кинестетическим признакам... Или я опять что-то путаю?

— Я вижу, что двенадцать! Откуда это взялось здесь, Ильич, рядом с твоими апартаментами?

Я не помню. Но мне нельзя этого показывать или тем более озвучивать, иначе принудительно добавят десятку к пенсии и переведут на один уровень ниже, ближе к клоунам. А мне хочется ближе к Господу.

Я стою и молчу. Неожиданно сзади из лифта материализовалась докторша.

— Вот ду... — собираюсь я произнести свое заклинание, но вовремя вспоминаю про уровень ниже.

Она улыбается. Выглядит бодро. Почему мне всегда кажется, что она толстая артричка? Неужели я подсознательно переносу собственные проблемы на ближайшее окружение?

— Как мило! — вдруг начинает она щебетать. — Капитан Хренов, представляете, стоило мне только вчера упомянуть, что я часто путаю апартаменты из-за нечитаемости номеров на дверях, как вот вам!.. Какая прелесть... батюшки, как красиво! Никогда бы не подумала, что про-

стое сочетание цифр можно представить таким великолепным и совершенно оригинальным образом!

Наверно, я краснею, продолжая ничего не помнить. А полицос выглядит обмякшим и расслабленным. Он смотрит на специалиста из докториники с особой теплотой, присущей всем представителям его профессии, и снова начинает теревить молнию на ширинке номер три. Эх, молодежь, им бы все каучуковыми телескопами забавляться: тоже мне, эстеты!

Я поворачиваюсь и иду обратно к лифту. Сегодня докторша навещает не мои апартаменты, и я здесь сейчас больше не нужен. Мне обязательно хочется вспомнить, куда я собирался лететь, пока не накинули еще одну десятку к пенсии, как тому соседу после Гавайев.

— Канары, — бормочу я бессознательно, шаркая по мраморному полу легкими пенсионными путинками, — я абсолютно ничего не помню. Боже, как мне сделать, чтобы я совершенно не помнил, как меня занесет к черту на Канары...

Со стены на нас галантно смотрит число «12», и не понять — то ли как укор предков, то ли просто как... отродье — старое, забытое, гетероджентльменовое.

Пути мои грешные

Несвоевременное знание сильно мешает жить. Ищи сам.

Александр Литвин. Выше Бога не буду

Разговаривая как-то с одним из моих приятелей-коллег за столиком в уютном кафе, услышал от него такую историю:

— Один мой добрый знакомый, Семеном зовут, в прошлом — философ, скажем так. В бочке не сидел, но в лихие девяностые попал под общую раздачу ваучеров с легкой руки Чубайса, как и все в то время, и обзавелся собственным канализационным люком. Это вместо просра... сорри, «двушки». Конечно, хотел избушку дубяную, а получил ледяную. Но это другая тема. В общем, сидит однажды под Новый год на краешке своего колодца, у дороги, соображает, где каплю шампанского раздобыть, чтоб хотя бы для приличия сопричастность с остальным российским народом почувствовать, и тут вдруг «мерин» с разворота его окатывает снежно-соляной жижей — припорошил слегка и метрах в десяти остановился. Выскакивают братки в малиновых костюмах да при бабочках — игра слов, однако! — а Семен — шась к себе вниз, от греха. Они к люку — пьяные, веселятся, кричат ему: «Вылезай, бродяга, шампуси нальем». А он сидит впотьмах, ни гу-гу, забился в дальний угол, крестится только. Те склонились над люком и давай ему кидать вниз что ни попадя, прямо на матрац его холостяцкий — покуражились вдоволь, ну и восвояси. Сеня переждал, пока затихло все наверху, зажег свечку и стал разгребать свалившееся на него сверху добро да классифицировать его в соответствии, так сказать, с полученными навыками заведующего в свою бытность советского хозяйства — «завхоз» по-старорусски, им он и был в прошлой своей жизни, как говорят. В общем, разложил

все, как по номенклатурной ведомости, примерно в таком порядке:

- бутылъ спирта питьевого «Рояль» початая;
- кепка норковая иноземная слегка помятая;
- стаканы пластиковые разноцветные, использованные;
- бутерброды разрозненные — где сыр, где ветчина с зеленью, навалом;
- цепь золотая, с мизинец, длиннющая;
- салфетки одноразовые использованные;
- колечко маленькое, на вид золотое, вроде женское;
- часы с браслетом, надпись «Rolex» с короной, похожи на золотые;
- удостоверение водительское на красотку Машу Попову, брюнетку с голубыми глазами — ну, е-о-о-мае;
- перчатка кожаная одна;
- пачки зелени тугие в банковской упаковке ненарушенной — целых две.

...И звездное московское небо, конечно, над головой.

Семен, понятное дело, не стал в ту ночь дожидаться поздравлений от Президента и мигом сменил дислокацию, от греха подальше: очевидно же было, что «бабки» и дорогие вещицы выпали из карманов тогдашней золотой молодежи случайно, и что те могут повторно наведаться к нему в любой момент, если вспомнят, конечно, где, что да как с ними приключилось, — в те времена народ безбашенный совсем был, помнишь ведь, и долго-то молодые такие и горячие не жили. Но второй раз на те же грабли Сеня, понятное дело, не стал наступать: зарекся ставить на недвижимость, хватило ему одной просра... сорри, «двушки». Теперь он знаешь, кто? Именно — хозяин этой самой сети кафешек. Вот ты, дружище, можешь ли теперь сказать, как зовут его нынешнюю жену?

Я, помню, вздохнул и улыбнулся в ответ. Тут и экстрасенсом быть не нужно для вариантов:

— Марией, я думаю.

Тот молча протянул мне свою «пять».

У каждого из нас, видимо, есть свой колодец, и свой путь к нему, и каждый из нас шлифует его сам в отведенное ему для этих целей время. Жаль только, что зачастую наждачку приходится выбирать в полной темноте, и порой не руками даже...

Но я тогда не знал, верить ли, нет ли? Допускаю, что легенда обросла обязательными в таких случаях непременно подробностями, но на пустом месте они тоже не возникают. Собственно, это же дело личное — верить или нет, ведь объективная реальность от этого не меняется. Но, признаюсь, я был заинтригован.

Следующие несколько дней я бессознательно искал повод и возможность получить некое дополнительное знание — мне было безумно интересно для себя чем-то подтвердить или опровергнуть услышанную историю. Слушая тогда его, сидящего напротив, я удостоверился, что человек искренне верит в то, что говорит, и для него эта легенда — абсолютная правда, по всей вероятности. Но насколько человек может заблуждаться в своих домыслах, способен был продемонстрировать только непосредственный носитель истины, то есть первоисточник информации. Мне нужно было его увидеть.

Наконец, под каким-то незначительным предлогом, в том самом кафе я узнал, что Семена Григорьевича ожидают ближе к вечеру в среду. Я очень надеялся, что в этот день не буду особо занят на своей работе и смогу каким-то образом пересечься с бизнесменом.

Так оно и вышло.

Я сидел в дальнем конце зала возле окошка и пил чай, перечитывая какие-то материалы из рабочей папки, когда мимо в сторону парковки проехал BMW — тот самый, как я предварительно разузнал. Семен Григорьевич наверня-

ка зайдет в офис кафе через служебный вход, поэтому у меня будет возможность с ним пересечься только по его пути туда с парковки: он не давал интервью начинающим журналистам, да и просто любопытствующим, и вообще не общался с ними, потому что «не было на то ни времени, ни интереса» — это мне с предельной откровенностью сообщили в его основном офисе на Павелецкой площади, куда я предварительно позвонил с наивным намерением просто организовать с ним встречу.

Я выскочил наружу и направился в сторону паркинга. Но вот незадача, поздно: он уже быстро направлялся ко входу в здание, а его «семерка» стояла рядом на персональном парковочном месте. Что-то тем не менее толкало меня вперед, и я подошел к автомобилю, когда его хозяин уже скрылся внутри бизнес-центра. Черный, вычищенный до блеска капот, белый кожаный салон. Возле водительской двери все еще колыхался легкий и еле различимый запах кожи — я никогда не спутаю с чем-либо его уникальный терпкий аромат: даже выдубленная и предварительно обработанная натуральная кожа способна хранить отпечатки информации, запечатлевшейся в ее животных волокнах.

Запах материалов. В нем присутствуют феромоны — летучие биологические продукты секреции, способные моделировать поведенческие реакции. Неоднократно подмечено, как порой какой-то запах вызывает в голове волну воспоминаний или эмоций. Так же, впрочем, как и определенная музыка, — это все ягоды с одного поля, так сказать: волновые вибрации тонкой материи, вызывающие ментальные образы.

Я глубоко вздохнул, полной грудью, и медленно выдохнул. При этом мой взгляд самопроизвольно уперся в землю, а там, в шаге от автомобильной дверцы — запонка. Я наклонился за ней, поднял и тут же определил, что на моей ладони в серебряном обрамлении лежит кусочек

необработанного аметиста: с природными камушками я тоже знаком не понаслышке. Да, Семен Григорьевич совсем непростой человек, если носит запонки «не в тренде» — ценность этого предмета как раз не в его монетарной стоимости и не во внешней форме, хотя дизайн, безусловно, имеет значение, уж кому было это знать, как не...

— Позвольте... — вывел меня из оцепенения низкий глуховатый голос.

Я обернулся. Он стоял рядом, в шаге от своего автомобиля.

Бизнесмен протянул правую руку ладонью вверх, приглашая меня поделиться находкой. Рука не скрипача и не учителя младших классов. Я молча вернул ему запонку, взглянув при этом в глаза. Спокойный, уверенный и, я бы даже сказал, с легкой иронией взгляд.

— Благодарю вас, — он повернулся и быстро удалился.

С тех пор я больше никогда не видел Семена Григорьевича.

Но кое-что информативное все-таки он оставил при этом нашем мимолетном пересечении: теперь я был уверен, что очень большая доля в легенде об источнике его благосостояния соответствует истине.

По крайней мере, свой колодец он действительно отшлифовал теми самыми ладонями в отведенное ему для этих целей время.

Наталья Бакирова

Образование высшее, филолог. Родилась и живет в городе Заречном Свердловской области. Работала корреспондентом местной газеты, в настоящее время преподаватель технологического колледжа. Рассказы публиковались в журналах «Причал», «Новая Юность», «Сибирские огни»; входили в межавторские сборники и альманахи. Лауреат литературных конкурсов, в том числе конкурса-фестиваля «Русский Гофман». Состоит в международном литературном клубе «Коньтекста».

Гость

— Как же... доча... что же... — мать Людмилы сидела, не отирая слез, и вдруг вскочила, закричала, затеребила лежавшую в гробу: — Люда! Вставай! Вставай, доча, пойдем, пойдем отсюда! Вставай! Вставай, Люда!

Такая вера была в ее голосе — встанет! — что и в Денисе возникло это, напряженное, бешеное: она должна была встать! Показалось, что Людмила слышит, что дрогнули веки на мертвом лице.

И вот все кончилось.

Канула в небытие Людмила мать. Растворились в суете, из которой и возникли, Людмилины посмертные гости. Настал покой. Полный, беспросветный покой — ни дел, ни мыслей, ни желаний.

Места Денису не было нигде. Некуда приткнуться. Даже на работу он не ходил: позвонил начальник и тактично — даже больше, участливо — предложил написать заявление на отпуск за свой счет, и Денис написал: ходить на работу казалось невыносимым. Однако пустое время, как он вскоре понял, было еще хуже. Денис подолгу задерживался на каждом этапе дня, кое-как переваливал за полночь, и тут его уже караулил следующий день — такой же бесконечный, и так же полный мучительного покоя.

Покой исчез с приходом того... Денис морщился, вспоминая первую с ним встречу.

— Здравствуйте, — сказал позвонивший в дверь человек, прижимая к боку портфель и кланяясь. — Вы Денис, — он протянул маленькую, очень мохнатую свою лапку, потом отдернул ее, потом опять протянул и спрятал за спину тотчас после рукопожатия.

— Входите, — Денис посторонился. Человечек зашел в прихожую, огляделся, сделал движение, как будто хотел поставить портфель, но вдруг передумал — поплотнее прижал его к боку и заговорил, проходя вслед за хозяином в комнату.

— Я Иван... Понимаете, какое дело... Я Иван...

Денис молча смотрел на него. Иван не вызвал даже тени интереса, не вызвал даже легкого любопытства — кто он, зачем и почему; Денис просто переждал Ивана. Впрочем, хорошо, что Иван появился и теперь заслонит собою какую-то часть бесконечного дня.

— Видите ли, как бы это сказать — я Иван... — продолжал заплетаться гость, но вдруг собрался, глянул строго и враз закончил: — Личный друг Милы.

Сказав это, гость окончательно обрел твердость духа и продолжал уже спокойно, обстоятельно:

— Мне никогда не нравилась двойная игра, я был против, что Мила ведет ее, но она не хотела расстаться с вами. Это было ее право. Но теперь ее нет, и я не могу продолжать вас обманывать.

— В чем обман? Ведь ее уже нет? — спросил Денис. Он не хотел спорить, и говоривший все еще не затронул его ничем; однако этот визит надо было тянуть, длить и исчерпать до конца.

— К-как... — опять ступешевался пришедший. — Я же продолжаю с ней встречаться... Ну, то есть, мысленно... С ее образом, так сказать... Помнить ее... И расскажите, где ее могила! — внезапно взвизгнул он, уставившись на Дениса.

Вот тут он впервые что-то почувствовал.

Что-то вздрогнуло, стронулось — какая-то тень проявления воли, пока не определенная, но бесспорно и явно связанная с гостем.

Снаружи послышалась сирена приближающейся машины. Голос, усиленный громкоговорителем и потому

зловещий, предупреждал об ураганном ветре: «...рекомендуем не покидать домов без крайней необходимости».

Денису случалось думать, какой была бы его реакция, узнай он, что у Людмилы есть любовник. Ревниво приглядываясь к своей красивой, яркой жене, почти всегда полной какого-то заразительного счастья, Денис понимал: поклонников там стаи. Значит, и любовник мог появиться. Но не Иван же! Гном в дурацких очках... «Врет, — решил Денис. — Самоутверждается». Он глядел на своего гостя, глядел и морщился.

Гость сидел на краю кресла. Ступни его в темно-синих носках были неестественно вывернуты.

— Давайте помянем! — вдруг выпалил гость, выхватил из портфеля бутылку коньяка, бахнул с размаху о край стола. Весь коньяк ухнул на пол — в руке же гостя осталось одно косо отломанное горлышко с плотно завинченной пробкой.

Денисом овладел смех. Глаза его оставались при этом мертвыми, пустыми, он ржал, ощущая себя странным образом чужим самому себе, который вот так ржет; чувствовал: не так, неправильно что-то, но остановиться не мог.

А Иван вдруг заплакал. Он уронил горлышко, уронил лицо в ладони и скорчился за столом — острые лопатки тряслись, из-под пальцев доносился невыносимо тонкий, жалобный звук, и Денис почему-то подумал, что, раздетый, его гость наверняка напоминает маленькую печальную обезьянку.

Ночью, лежа в постели, Денис думал о жене. Пытался совместить ее с Иваном, который просидел у него весь вечер, плакал и жаловался, а Денис морщился, пил водку и слушал. Хотел понять. В сущности, живешь с женщиной и совсем ее не знаешь. И вот она умирает, а ты все еще

ее не знаешь, но скорость узнавания после смерти куда выше — твоя женщина перестала наконец меняться, образ завершен; кажется, еще чуть-чуть — и ты поймешь ее полностью... Денис и надеялся понять, и боялся этого, как окончательной разлуки — странным образом она, Людмила, была тут, пока оставалась неуловимой; и вот пришел Иван, и доказал: далеко, далеко еще до понимания.

* * *

Ураган, вопреки предупреждению, пронесся только через несколько дней, и не над городом — в городе его никто даже не заметил, — а над лесом, где было кладбище. Сосны покрепче устояли, но много было и таких, что лежали сейчас на оградках, смяв их. Некоторые памятники были разбиты. Тут и там двигались люди в неоновых жилетах, стучали топоры, ревели пилы, сыпались на землю опилки.

Денис допустил тактический промах, позволив Ивану идти вперед. Тот, конечно, засуетился, запутался среди поваленных стволов и вывел наконец совершенно с другой и неудобной стороны, так что пришлось перелезть оградку соседнего захоронения.

Могила Людмилы от урагана не пострадала. Зато там обнаружился человек — он сидел прямо на холмике и пил пиво из банки. Закусывал булкой, оставленной ими вчера.

— Ну-ка, пшел отсюда, — приказал Денис, подходя.

Сидящий поднял на него глаза, вскочил, отряхнул крошки с коленей и протянул руку:

— Костя...

Денис набычился, зато из-за его спины тут же выскочил Иван и с готовностью пожал ладонь этого Кости, глядя

на него доброжелательно, с любопытством и как бы уже с определенной догадкой насчет того, кто он есть и почему тут находится.

— Иван... очень приятно... то есть не потому, а просто... — бормотал он, и невнятность его речи, чувствовалось, была вызвана не страхом, как при знакомстве с Денисом, а сосредоточенностью на своих быстрых мыслях.

— Костя, — повторил новый знакомый и опрокинулся на спину от удара в челюсть.

— Вали отсюда! — Денис сгреб лежащего за шиворот и выволок за ограду. — Мне по хер, кто ты такой, понял?

— Денис... мы ж на кладбище... нельзя... тише... — суетился Иван, а Костя, поднявшись и чуть отойдя, остановился и ждал.

— Мало тебе? — бешено поглядел Денис. Ему с лихвой хватало существования Ивана, который пристал к нему как банный лист, чтобы стерпеть еще и этого. Тем более что Костя был красив, строен, белокур — Денис просто смял его и, не в силах остановиться, какое-то время бил упавшего. Иван у могилы закрыл глаза.

— Сука... мало ему... — пыхтел Денис. Напоследок он засадил Косте по ребрам и, распрямившись, зашагал прочь. Уцелевшие при урагане сосны шарахались, освобождая дорогу, но он все равно в одну из них врезался и долго стоял, уткнувшись лбом в кору, пока не очнулся от боли в стиснутых кулаках — оказывается, все это время он колотил по стволу и, возможно, что-то кричал.

Вечером раздался звонок в дверь.

Денис, собственно, этого ждал. И несколько не удивился, увидев Ивана. И даже державшемуся в стороне Косте кивнул отдельно:

— Проходи.

— Не боишься — пришел? — спросил. «Господи, пацан ведь совсем... Сколько ему? Двадцать? Двадцать один?»

Костя был страшен, под обоими глазами темнели синяки — видимо, один из ударов пришелся в переносицу.

— Это я его привел, — влез Иван, который уже сидел в кресле и хозяйски скручивал крышечку с бутылки. — Сам бы он никогда...

— Я знал, что Людка замужем, — сознался Костя. — Ну так что? У меня сестра замуж четыре раза выходила. Каждый раз фамилию меняла, дура... Я ей говорю: хоть фамилию-то оставь! Возни столько — охота тебе документы переделывать? Паспорт, пенсионное, права... Ну, всякое там, короче...

Денис застонал и обхватил голову руками. Костя замолчал, потом глянул исподлобья и сказал еще:

— Да у нас ничего с ней толком и не было.

— А что вы, молодой человек, в таком случае делали на ее могиле? — ревниво спросил Иван. Денис в это время думал: «Только бы не убить... только бы не убить никого...» Костя смеялся.

— Не знаю... Она необычная такая, я с ней прямо суперменом себя чувствовал. — Он застенчиво посмотрел на Дениса. Голубыми глазами из фиолетовых проводов. — Умерла — жалко... А мы с моей девушкой тут поругались, я тогда купил пива и думаю: дай на могилу, что ли, схожу...

— О дурдо-ом! — Денис вдруг засмеялся, встал (Костя непроизвольно сжался), ушел на кухню.

Вернулся с бутылкой.

— Дурдо-ом! Четырехглазая обезьяна и пацан — штаны на лямках! Получше-то никого не могла найти? — крикнул он, подняв голову к потолку. — А?! Что молчишь?!

* * *

Проснувшись, Денис не ощутил похмелья. Только в голове шумело. «До сих пор пьян», — вяло подумал он.

Костю трижды отправляли за водкой.

Сначала денег ему дал Денис, велел:

— Ну-ка, метнись. Дедовщину никто не отменял.

Иван засмеялся радостно, и второй раз распорядился уже сам, точнее, поспешил распорядиться, заранее зажав купюры в потной волосатой лапке.

— Помнишь про дедовщину? Давай!

— Да что ж это такое! — воскликнул Костя, — я же среди вас двоих вечно самым младшим буду! — Взял деньги и ушел, и вернулся, а посланный в третий раз, исчез — может, менты забрали, а может, уснул где-нибудь. Или к девушке своей пошел — мириться. А тут Иван принялся излагать Денису крайне запутанную концепцию идеальной любви, и Денис послал Ивана подальше, и тут Иван, до той поры безропотно от него все переносивший, вдруг обиделся и пропал... Теперь он спал, должно быть, в соседней комнате. Денис порылся в ящике, взял, что ему было нужно, потом прокрался к двери. Осторожно, стараясь не скрипнуть, выбрался на лестничную клетку. У него была цель.

Лавируя между целых сосен и их обрубков, он думал мрачно: «Если там еще какой ублюдок сидит — точно повешу. Удавлю. И рядом с ней закопаю — пусть и в гробу побалуется, сука. Вот су-ука...» Денис заплакал. Слезы мешали ему смотреть вперед, где уже светилась знакомая ограда, но они все текли и текли, и тогда пришлось вспомнить Ивана, как он выглядел в первый вечер, и разозлиться на себя, что вот и он стал совсем как эта мартышка-Иван.

А ублюдок на могиле сидел-таки.

Из левой руки его текла кровь, рядом валялся нож. Знакомый нож. Просто родной нож — Денис всегда брал его с собой в лес. Глаза убудка горели, распахнутые в пол-лица, в них дрожал ужас, а при виде Дениса вспыхнула надежда.

— Урод ты, Иван, — Денис стоял, раскачивался на носках взад-вперед. Разглядывал сидящего на могиле. — Но вот это ты хорошо придумал... Хвалю. — Денис все качался.

Качался и качался. Качался и качался.

* * *

— Ведь ты даже не понимаешь, как все мне испортил. Воспоминания мои чистые — испортил! Костю этого, чтоб он тоже сдох — привел! Ведь не хотел я ничего знать, не хотел... Ну подумаешь, отморозок какой-то на могиле сидит... Ну дать ему по мозгам... — Денис качался, за его головой моталась белая занавеска. Скорая ехала быстро. Они были вдвоем в салоне — врач сел с водителем. — А теперь и последнее отобрал...

Он наклонился к Ивану совсем низко и заорал, перекосившись, тому прямо в лицо:

— Ты, урод, зачем вены резал? Мне-то теперь — что делать? Что?

Иван пребывал в обморочной пелене, не понимал ни слова. Ему только смутно представлялось, как он сначала хотел умереть, а потом расхотел, но все равно умер бы, если б не Денис, а он сидит теперь рядом с ним и ругается черными и даже самыми последними словами, видимо от страха за него, Ивана, и это было прекрасно, что у него появился наконец настоящий друг. Все было прекрасно, так прекрасно было Ивану, как никогда в жизни, счастье наплывало, обволакивало... Облако — счастье...

Ночью Денису приснилась Людмила. Первый раз за все это время.

Он смотрел на нее и ждал: что-то скажет? Но Людмила молчала. Только глядела ласково и улыбалась.

Тогда Денис попросил:

— Не бросай меня... Я прощу тебе всех твоих любовников, только ты не уходи никуда, ладно? Никогда не уходи, слышишь?

Людмила улыбалась, смотрела. Обещала: конечно, не уйду, что ты? Что ты, разве можно?

Денис вздохнул. Прижал Людмилу к себе и почувствовал, что она крепко обнимает его в ответ.

Од Томский

Смерть негодяя

В гулком эхе прохладной лестницы старого дома на Петроградской загадочно прозвучало:

— Ты меня любишь?.. Скажи, что любишь.

Пожилой мужчина не спеша поднялся на третий этаж и открыл дверь в квартиру. На ней еще сохранились следы полировки и табличек именитых жильцов.

«Тимофеич, присмотри за домом», — не улыбаясь, иронично произнес бывший пенсионер союзного значения Степан Тимофеевич Садоводов и, улыбнувшись, подумал: «Уехали, а ключа не оставили».

Проходя мимо кухни, заставленной столами, и громоздким буфетом, он увидел вспоротый живот арбуза и почувствовал аромат дынных корок, выброшенных в ведро.

Степан Тимофеевич шел по длинному коридору, смотрел на двери соседей, но видел живущих за ними жильцов — обитателей коммуналки, так он в сердцах за глаза их называл.

Из репродуктора звучала песня Эдиты Пьехи «Сосед»*. Аранжировка была далека от оригинала. Степан

* Ремейк группы Ultrabeat — «WTF».

Тимофеевич не узнал ни певицу, ни песню – так все переменялось.

«Говорят, Эдик Хиль стал мистером Трололо! Куда подевалась душевность, мелодия?! Сумбур вместо музыки! — мысленно произнес Степан Тимофеевич, и горестно добавил: — Мир незаметно сходит с ума».

Жильцов в квартире не было. Все уехали за город, на природу. Кто на электричке, кто на маршрутке, а кто-то и на новой кредитной машине. «Нувориши облупленные», — сыронизировал Степан Тимофеевич.

Проходя мимо туалета и припомнив утреннюю мучительную задержку, решил опорожнить мочевой пузырь, измученный хроническим простатитом. Рядом с туалетом была приоткрыта дверь в ванную. Чуткий слух Степана Тимофеевича уловил одиночные капли из крана.

— Опять Семенова! Никогда не закрутит барашек.

Войдя в туалет и приспустив брюки, он отчетливо услышал из общего с квартирой Родионовых воздуховода:

— Ты меня любишь?.. Скажи, что любишь.

Степан Тимофеевич медленно присел и резко привстал, ощутив голым задом холод унитаза. Замер в ожидании, но дальше ничего не последовало. Опустив стульчак и удобно расположившись, Степан Тимофеевич снова прислушался, но больше ничего не услышал.

— Наверное, показалось, — решил он и стал делать свое дельце.

В это время из-за стены донеслось:

— Я тебе надоела?

— Нет.

— Скажи, что любишь. Скажи, что никогда не забудешь.

У Степана Тимофеевича слегка оттопырились уши. Он улыбнулся. Лицо его изобразило легкое удивление. Он напрыгся, пытаясь услышать что-либо еще, но услышал, как наверху, этажом выше, завизжала дрель.

Покончив с туалетом, он натянул брюки. Торопливо прошел в свою комнату, шаркая домашними туфлями с некрасиво замятыми задниками. В голове навязчиво зазвучало: «Любишь, не забудешь; любишь, не забудешь; любишь, не забудешь».

— Фу-ты ну-ты, — с досадой подумал Степан Тимофеевич, — это же наверняка из квартиры Родионовых. А они уехали... всей семьей и уехали. В Крым под Алушту. Может, кого-то впустили пожить. На время. Ну да ладно... подумаешь, наверное, и ключи им оставили. Присмотреть за квартирой.

После утомительной жары пришел хороший августовский вечер. Степан Тимофеевич принял снотворное и отправился в уборную. По дороге он вспомнил неожиданный диалог и невольно улыбнулся: «Любишь, не забудешь...»

— Надо же, какая настойчивая!

Войдя в туалет, Степан Тимофеевич на секунду замер. Прислушался, устремив взгляд на воздуховод. От слабого потока воздуха на решетке дрожала паутина.

Быстро закончив с туалетом, вышел в коридор. Пройдя ванную, по привычке остановился у двери в кладовку. Здесь у него, как и у всех жильцов, хранилась картошка. Подумав, вошел убедиться, что все в порядке. Выходя, услышал из-за тонкой перегородки, отделявшей квартиру:

— Какой это был подонок!

— Но ведь он сделал тебя депутатом.

— Вот именно.

Степан Тимофеевич от неожиданности вздрогнул. Хотел сразу уйти, почувствовав себя неловко, но профессиональное любопытство пересилило. Он задержался.

После долгой паузы, когда он уже собирался уходить, отчетливо услышал, что произнес неприятный голос:

— Конечно, мне перепадало кое-что, но не миллиарды... Депутат, миллиарды... коррупция — мысленно завершил Степан Тимофеевич логическую цепочку.

В голове его закрутились пестрые картинки событий, реальных и не очень, вперемишку с обрывками телевизионных сериалов. Однако Степан Тимофеевич был не так прост, как это могло показаться на первый взгляд. Он имел опыт расследования подобных явлений.

Известные события, предшествующие разоблачению культа личности и не только, были еще свежи в памяти секретного сотрудника НКВД Степана Тимофеевича Садоводова. Долгое время работавшего на органы под именем Легковес. Его вторым неофициальным оперативным именем была — «Цепкая хватка».

Он приблизился к перегородке в надежде услышать продолжение разговора, но расслышал только легкое похлопывание и грудное бормотание.

— Надо будет присмотреть за этой квартиркой, — подумал Степан Тимофеевич и долго ворочался в постели, прежде чем незаметно заснул.

Ему приснилась явочная квартира на Каляева и майор Федун — куратор из Большого дома на Литейном. Он долго смотрел на Степана Тимофеевича тяжелым взглядом, мерно постукивая крупными ногтями по краю стола, и раскатисто произнес:

— Помните, Легковес: осторожность и бдительность.

Степан Тимофеевич неожиданно проснулся. За окном шел дождь. Капли стучали по подоконнику. Стекали по стеклу.

Поутру, посещая туалет и проходя мимо кладовки, Степан Тимофеевич напряг свой острый слух, но ничего не услышал.

— Затаились? Ну ничего, как говорится, «осторожность и бдительность», — надменно подумал он.

Просуетившись, не сразу заметил, как закончилось утро. Ему об этом напомнил полуденный выстрел и звонком отозвавшиеся в старинном буфете стаканы.

Прихватив авоську, Степан Тимофеевич собрался на почту — сегодня был день пенсии.

С почты он всегда заходил в «Пятерочку». Закупал продукты. Все самое необходимое. Сразу на месяц. До следующей пенсии: гречку, рис, макароны. Брал и бутылочку, хотя выпивал редко — заботился о здоровье.

Легковесом Степана Тимофеевича прозвали за его весовую категорию, в которой он выступал. В спорте он всегда добивался ярких побед. Его приемы были просты и надежны. Он умел укладывать противника на лопатки в два приема. Уклониться от них соперник не мог. За это Степан Тимофеевич и получил свое второе прозвище — Цепкая хватка.

Органы завербовали Степана Тимофеевича в сорок восьмом. На сборах в Геленджике. Оперативники застали его в хозяйской баньке с юной гимнасткой — старшеклассницей из Уфы.

С тех пор Степан Тимофеевич стал Легковесом — осведомителем НКВД.

Предметом «подозрений» чекистов тогда стали перспективные спортсмены. Добившиеся успехов в различных спортивных дисциплинах. Однако не пожелавшие добровольно перейти в команды спортивного общества «Динамо». Ни для кого не секрет, что это общество относилось к системе ГПУ НКВД. Его почетным председателем был сам Железный Феликс.

Инструктаж Степан Тимофеевич проходил на квартире — на углу Каляева и Литейного.

На первой встрече майор Федун разъяснил Степану Тимофеевичу линию партии и что значит «Сила — в движении»:

— Понимаешь, дорогой товарищ Садоводов-Легковес, они, как и некоторые несознательные граждане нашей советской Родины, могут быть нелояльны к советской власти.

Степан Тимофеевич сразу «все правильно понял». Он с завидным успехом стал плодотворно работать, добросовестно справляясь с поставленной задачей. С тех пор за ним закрепилось прозвище Цепкая хватка.

Жильцов своей квартиры Степан Тимофеевич знал как облупленных.

Больших грехов за ними не водилось. Воровали, конечно, но по мелочи. Двойная бухгалтерия Семеновой, липовые путевые Чепрука и командировочные Ленивкера — чепуха по сравнению с ваучерной приватизацией.

— Никому это теперь не интересно, — вздыхал Степан Тимофеевич.

В последний раз, когда он докладывал об этом куратору, тот задумчиво смотрел в окно и было непонятно, слышит он Степана Тимофеевича или нет.

Поднимаясь с продуктами по лестнице, он остановился напротив соседской квартиры. Машинально заглянул в глазок. В темноте он увидел собственный зрачок. Прислушавшись, услышал в глубине квартиры шаги. От неожиданности Степан Тимофеевич приблизился к двери, желая заглянуть внутрь, и звонко приложился лбом. После чего торопливо открыл свою дверь и проскользнул в квартиру.

— Кто же это может быть?! — подумал Степан Тимофеевич, едва войдя в квартиру и не включая свет в коридоре.

Он оставил продукты на кухне. Зашел в кладовую. Прикрыв дверь, услышал — за стеной кто-то ходил. Затем все стихло. Степан Тимофеевич глубоко вздохнул и замер в ожидании.

— Я хотел остановиться, но он вытащил мои расписки.

У Степана Тимофеевича от неожиданности открылся рот. Он затаил дыхание. После непродолжительной паузы из-за стены сдавлено прозвучало:

— Пришлось начать снова. Взятки — как болото...

После этого скрипнула дверь, и мужской голос отчетливо произнес:

— Заткнешься ты уже! Слушай, надоело одно и то же...

Послышались шаги, щелчок замка в соседней квартире.

Степан Тимофеевич устремился к входной двери и в глазок увидел удаляющуюся по лестнице спину мужчины в плаще и шляпе. Он вышел из квартиры на площадку и услышал, как внизу хлопнула дверь.

«Ушел!.. Но кто-то ведь там остался?» — торжествующе подумал Степан Тимофеевич.

Глаза его заблестели и загадочно посмотрели на соседскую дверь...

Телевизор сегодня показывал сериал из прошлой советской жизни. Все персонажи и характеры в нем были картонные. Выдавали себя и интерьеры, и костюмы. Но самое главное — они не вызывали доверия. Лица, фразы, поступки были вымышленными. Иногда они просто кричали в лицо: *Смотри — это вранье!*

Степан Тимофеевич с горечью выключил телевизор и предался воспоминаниям. Незаметно приблизилось время отхода ко сну. Он ложился рано, и это спасало его от бессмысленно долгих вечеров, которые напоминали о прошлом.

Во сне незаметно произошла подмена. Вместо женщины, желанной и дорогой, появился незнакомец. Он вел себя по-хамски, на все замечания возражал, а потом отчебучил такое, что не хотелось и вспоминать.

Утром на кухне Степан Тимофеевич в плохом настроении готовил себе завтрак. Сосед, уходя на работу, докучал

своим присутствием. Нес с похмелья очередную околесицу, переходя от нелепости к нецензурной брани.

— Перестаньте, — не выдержал Степан Тимофеевич. И потом сто раз пожалел об этом. Нахал только распалился и разразился тирадой... А уходя, обозвал его старым козлом.

Позавтракав без аппетита, Степан Тимофеевич приступил к работе. Он обходил все доступные помещения, смежные с соседней квартирой. Прислушивался, прослушивая наиболее вероятные места, откуда можно было что-либо услышать. Дымоход, вентиляция, отдушины. Тонкие перегородки, сооруженные при разделении квартир в эпоху уплотнения и социалистической перепланировки.

Везде было тихо, но чутье его не подвело. Несколько раз он слышал странные звуки. Однажды он услышал странный крик, но решил, что это ему показалось.

Наконец, желая передохнуть, Степан Тимофеевич задержался в кладовой, перекладывая картошку для обеда из ящика в алюминиевую миску. В этот момент он четко услышал:

— Эта отставка погубит мою политическую карьеру, всю мою жизнь.

Из рук Степана Тимофеевича выпала небольшая картофелина и закатилась под дверь.

— Он издевался надо мной. Я дал ему пощечину. Мы сцепились. Я схватил пресс-папье, ударил его. Я не собирался его убивать.

— Убийство!.. — сверкнуло в глазах Степана Тимофеевича. — Убийство и коррупция.

Когда выходил с картошкой в коридор, его осенило: ведь он депутат законодательного собрания!

Мысли замелькали, закружили, задевая все то, что осталось в прошлом. Оно не хотело и не могло вернуться.

— Но как же так?! — негодовал Степан Тимофеевич.

Лица многих прошедших через его руки всплывали в мыслях перед ним, обижаясь и требуя справедливости, осуждая его преступное бездействие.

— Не огорчай нас, Степан Тимофеевич, не лишай нас справедливого возмездия... и вспомни о бдительности! — умоляли они.

Опять в каждом углу Степану Тимофеевичу мерещилась тень майора Федуна. В висках, поднимая давление, стучало блокадным метрономом: «Убийство и коррупция, убийство и коррупция, убийство и коррупция...»

Степан Тимофеевич принял лекарство. Когда все успокоилось, перед глазами возникла жена, ушедшая из жизни восемь лет назад.

Она посмотрела на него недобрый взглядом, и произнесла последние свои слова. Он наконец-то их понял: «Видно, теперь ничего исправить нельзя...»

Засыпая, Степан Тимофеевич вспомнил серый плакат на углу проспекта напротив булочной.

Ночью ему приснился майор Федун в пижаме и домашних тапочках. Он что-то кричал с другого берега реки. Слова относил ветром. До слуха долетали обрывки фраз. В руках мелькал листок. Он размахивал им из стороны в сторону, но буквы не складывались в слова и рассыпались. Степан Тимофеевич с трудом прочитал: «Планы партии — планы народа». Он красноречиво развел руками. Майор Федун перевернул листок. В Степана Тимофеевича выстрелили слова, написанные на нем: «Коррупция имеет свое имя».

Рано утром, после бессонной ночи, он пришел на угол Карповки и Литераторов. Автомата не было.

— Вот черт, как же быть, — растерялся Степан Тимофеевич. Где-то здесь еще должен быть, но где — не помню...

Он пошел по пустынной улице. Через проходной двор. Ноги знали, куда идти.

Они привели его в садик. Здесь еще недавно была лодочная станция, и в другой уже жизни здесь, в старом деревянном домике, в библиотеке работала его жена.

Степан Тимофеевич в нерешительности остановился. Его, как всегда, неприятно поразило отсутствие на своем привычном месте Железного Феликса.

Степан Тимофеевич огляделся. В отраженном свете реки он увидел золотистые незабудки чугунной ограды. В кустах боярышника, уже осыпавшего спелые ягоды, старый автомат. Стекла были выбиты, и в кабинке пахло мочой.

Он достал двухкопеечную монету и опустил ее в узкую щель.

После продолжительной тишины в тяжелой трубке появились глухие гудки:

— Дежурный слушает, — раздалось на том конце провода.

Рядом со школьной площадкой, напротив дома с подозрительной квартирой, поздней ночью остановилась неприметная машина. За плотно закрытой дверью фургона шла тихая незаметная жизнь. Мелькали разноцветные лампочки приборов. В небольшом динамике на миниатюрном столике едва были слышны приглушенные голоса...

Утром после «разбора полетов» в незаметном кабинете специального подразделения Большого дома произошел неприятный разговор:

— Говоришь, первый раз так облажался. Стопроцентная информация. Цепкая хватка.

— Максим Максимович!..

— Молчи, Валера! Мне еще шею намылят за это несанкционированное проникновение в частную квартиру. Мы еще все за это каждый свое получим.

— Товарищ полковник, что делать с этим каналом?

— Закрывай.

— На все сто?!

— Ты что?! Он уже и так вне игры. Вызовите, побеседуйте. Отправьте на вечную консервацию: ему и так недолго осталось.

В Крыму под Алуштой купальный сезон был в самом разгаре. В переполненном кафе на набережной под редкими зонтиками обедали отдыхающие. Мужчина в тени деревьев закончил обильную трапезу. Лениво рассматривая проходящих мимо девушек, нехотя достал запевший мобильник:

— Да.

— Здорово, Родионов. Ну, как там Кебит-богаз и Чатыр-Даг? Загораешь, купаешься...

— Да, все нормально! Приеду через пару дней и все расскажу. Как там, присматриваешь за квартирой? Наверное, воспользовался моментом. Светка, поди, на седьмом небе от счастья.

— Да ты знаешь, как-то все не срослось со Светкой. Да и было не до этого. Закрутился, а тут еще Петровна померла.

— Это кто?

— Стерва Петровна? Ты что, не знаешь?! Режиссер «Совэкспортфильма». Ты ее у нас видел. В советские времена дублировала зарубежное кино на «Ленфильме».

— Что-то не припомню... А, это твоей супруги какая-то дальняя родственница.

— Да нет, просто соседка, так, иногда вместе встречали Новый год. Вообще-то ее звали Минервой. Слушай, я тут у тебя на время попугайчика ее поселил, не возражаешь? Все равно квартира пустая.

— Ты что, Савельев, у меня там джунгли развел! Он же там все изгадит...

— Не волнуйся, я за ним присматриваю. На самом деле он еще тот чистюля. Представляешь, из-за этого гада ее и стали Стервой Петровой называть.

— Ты о ком, Савельев?

— Да все о нем... Чертов попугай! Он всю студию терроризировал! Негодяй! Его так и прозвали — сокращенно Гадя... Отпетый ублюдок! Не одну вахтершу с ума свел. Доходило до того, что дежурить по ночам отказывались. Таковую жуть наводил. Ведь он с ней все фильмы озвучивал. И обычные триллеры, и крутые ужастики. Такие перлы отчебучивал — волосы дыбом вставали...

— Что, говорящий попугай!?

— Да, настоящий жако!

— И ты такого монстра мне запустил в квартиру...

— Да вас же все равно дома не было. Приедете, я его заберу, куда-нибудь.

— Смотри, Савельев, несешь персональную ответственность за эту инициативу! Меня Галина сожрет, если он там что-нибудь изорвет или изгадит.

— Не волнуйся, полный контроль, ты же меня знаешь. Да, слушай, я вчера вечером на квартире был, когда твоего соседа по скорой забрали. А сегодня утром твоя соседка говорит — помер.

— Это кто?!

— Ну такой дядечка, солидный, в преклонном возрасте.

— Да ты что, Тимофеич, что ли?!

— Да... вроде он.

— Вот так новость!.. Ну ты меня огорошил, Савельев. Степан Тимофеевич умер! Он же крепкий был мужик, спортом в молодости занимался. Тихий, порядочный человек. Вот так люди уходят...

— Ну, все, Родионов, до встречи! Тебя встретить?

— Нет, нас Галкин брат из аэропорта заберет.

Самолет из Симферополя прилетел в Пулково с небольшим опозданием. Переполненный автобус с отдыхающими и ручной кладью подъехал к автоматическим

дверям терминала. У пассажира с большим семейным чемоданом и увесистым рюкзаком за спиной, в кармане запел мобильный телефон.

— Да, слушаю.

— Родионов, привет, как долетел?

— Нормально, вот направляюсь к машине с вещами, Галка и пацан уже там.

— Слушай, не смогу сразу подвезти забрать попугая. Хотел вчера, да на работе задержался.

— Ну меня точно Галка убьет! Савельев, ты будешь нести моральную и не только ответственность.

— На все согласен! В обед приеду, заберу и отдам ключи от квартиры.

В пустой квартире старого петербургского дома раздались звуки открывающегося врезного замка. Затем был открыт навесной замок на второй входной двери и отодвинута тяжелая задвижка.

В квартиру с шумом ввалилась вернувшаяся с отдыха семья. Вспомнили о попугае. Стали искать, переходя из комнаты в комнату, зашли на кухню, заглянули в ванную и туалет.

Попугай бесследно исчез. Следы его присутствия в квартире были обнаружены женой Родионова: порваны обои, разбросаны остатки корма, оставлен птичий помет.

Долго искали по всем углам квартиры, пока не обратили внимание на странный цветок. Из высокой, сужающейся к основанию хрустальной вазы едва заметно торчал белым пером хвост попугая.

— Глухая и нелепая смерть, — подумал Родионов.

Он представил себе, как это могло случиться. И удивился: какие замысловатые ловушки уготованы в этой непредсказуемой жизни.

Упрямство здесь обернулось смертью. Поскользнулся, хотел притормозить и съехал вниз головой. Сужающееся

книзу горло глубокой вазы зажало крылья. Затрепыхался, не смог выбраться и задохнулся.

Глупая и нелепая смерть Негодяя.

Родионовы навели порядок в квартире, поужинали и включили телевизор. Шел французский фильм с Аленом Делоном. В темноте комнаты с мерцающего экрана загадочно прозвучало:

— Ты меня любишь?.. Скажи, что любишь.

Александр Костерев

Всевышняя любовь Колтрейна

Восторг

— Фа-фа-фа-фа? — несколько повышая голос задавал свой вопрос Саксофон, создавая ощущение звуковой неустойчивости.

— Пап-пап-пап-па-а-а-п! — мягко сурдиня звук и восстанавливая динамическое равновесие неспешными четвертными длительностями, возражала Труба, пытаясь внести в свой музыкальный мир хотя бы секундную завершенность.

— *Вопрос-ответная схема — один из универсальных и основополагающих принципов музыкального формообразования, предусматривающий возникновение внутренней связи мотивов, фраз, предложений, при котором они образуют взаимодополняющие пары,* — слегка грассируя, комментировал этот диалог исполнителей легендарный питерский музыковед Владимир Борисович Фейертаг.

Таинственно щелкали замки на его рыжем кожаном, выдавшем виды портфеле, и оттуда, как по мановению вол-

шебной палочки, являлись, поблескивая круглыми виниловыми боками под лучами скупого весеннего питерского солнца, раритетные Джон Колтрейн или Майлз Девис, из личной коллекции Фейертага, а музыкальное волшебство, состоящее из внезапных синкопированных звуков и созданного ими настроения, наполняло аудиторию.

Субботнее утро после трудовой недели безусловно располагало ко сну, но ровно в 12 часов в музыкальном училище начнется священнодействие, сравнимое по силе воздействия разве что с Нагорной проповедью, — посвящение в историю джаза, которое немислимо пропустить, и музыканты всего города, вне зависимости от возраста, профессиональной специализации, принадлежности к учебному заведению, устремляются в мир джаза Владимира Фейертага, чтобы потеснее набиться в аудиторию на 30–40 человек, избегая участи опоздавших, — слушать очередной захватывающих рассказ, стоя в коридоре.

Пока саксофон Колтрейна рассказывает свою историю о «Всевышней любви» (*A Love Supreme*), Владимир Борисович смотрит в окно на притихшую улицу: ему, как он неоднократно признавался, нравится наблюдать вокзалы, поезда, дорогу, движение... Джаз, блюз — это и есть движение — музыки и души.

На какие размышления навела его музыка сегодня: блокадное детство, учеба в музыкальной семилетке, университет, музыкальное училище, издание в содружестве с барабанщиком Валерием Мысовским первой в послевоенном СССР книжки о джазе в далеком 1960-м, на которую, несмотря на хрущевскую оттепель, было потрачено неисчислимое количество немусыкальных сил, работа лектором, организация джазовых фестивалей?

О том, что именно тяжелое военное время привело домашнего мальчика Володю к джазу, думалось особенно неохотно. Благодаря маме, работавшей пианисткой в

эстрадном оркестрике одного из кинотеатров, мальчишке удалось пятнадцать раз кряду посмотреть, а главное, послушать, незабываемую музыку биг-бэнда Гленна Миллера к «Серенаде Солнечной долины» и навсегда «заболеть» ею. Детей военного поколения привлекал не американский образ жизни богемного горнолыжного курорта Сан-Валли, а возможность увидеть, что и как музыканты играют, а главное, с каким настроением и драйвом они это делают.

Элегантность

Как давно это было, в 1942 или 1943 году?

Володя не был вундеркиндом, но однажды отчетливо осознал, что сыгранный им в госпитале на рояле фокстрот, подобранный на слух, а затем военная песня Матвея Блантера вызвали более громкий взрыв аплодисментов, чем прилично исполненная по памяти соната Бетховена, и что такая разная музыка, включая джаз, нужна людям.

Война застала семью Фейертагов в Ленинграде. Как их вытаскивали из уже из блокадного города, Володя помнил плохо, но детское любопытство все время тянуло посмотреть, как падает и разрывается бомба, а на родительский запрет отвечал: «Я же закроюсь!»

Бесконечные переезды по стране вместе с мамой, которая работала с театром: Хабаровск, Благовещенск, Чита, Иркутск... По окончании десятого класса долгое возвращение в освобожденный и до боли родной Ленинград, учеба в Университете на филфаке и в музыкальном училище, организация студенческих самодеятельных оркестриков пятидесятых.

— *Респонсорная техника в афроамериканской музыке (юорк-сонг, холлер, спиричуэл, блюз) и джазе, — продолжал лекцию Владимир Борисович, — представлена необычайным*

многообразием средств и приемов — от самых простых (переключки) до самых сложных, лежащих в области логики импровизации и композиции, гармонии и мелодики, в распределении функции между отдельными исполнителями и инструментальными группами.

Массовые мероприятия советского времени предполагали почти обязательное участие лектора. Даже известная классическая музыка в филармонии — и та требовала нескольких вступительных слов, сродни тому, как обязательным элементом любой переводной книги было развернутое предисловие литературоведа, объясняющее читателю «правильное» понимание ее содержания.

В начале шестидесятых Фейертаг руководил оркестром, сочинял аранжировки, читал лекции в Народном музыкальном училище, ввиду огромного количества заявок был принят в штат «Ленконцерта» и оказался востребованным как лектор и ведущий — благодаря в основном ленинградским музыкантам, прежде всего Иосифу Вайнштейну, который представил его руководству.

— Перекрестная ритмика — это, как правило, африканский тип импровизационной ритмической полифонии, основанный на свободном сочетании разных метров. — И неожиданно, опровергая теорию курьезным воспоминанием из своей оркестровой практики, Владимир Борисович добавляет с улыбкой: — Существует устойчивое убеждение, что представители негроидной расы обладают феноменальным обостренным природным чувством ритма. Кстати, в нашем оркестре был барабанищик — негр, абсолютно лишенный чувства ритма, — ирония судьбы, и еще одно подтверждение, что исполнение джазовой музыки не зависит от национальности и цвета кожи, а определяется исключительно внутренними способностями музыканта.

Востребованный лектор Фейертаг был популярнее тех, кто читал о том, как Ленин слушал великую сонату

Бетховена, а комбинированные абонементы на его увлекательные лекции, включавшие рок, советскую песню и джаз, продавались «с нагрузкой». Продавцы абонементов «к Фейертагу» продавали еще пару не востребовавшихся циклов. Успех его лекций заключался не столько в уникальности предлагаемой, собранной по крупицам переводной информации, сколько в искренней, образной, доверительной и доброжелательной манере ее подачи, сопровождаемой уникальными музыкальными записями из редкой авторской коллекции.

Восхищение

С 1972 года у Фейертага медленно и сначала неохотно «пошли» абонементы в престижных, пусть и не академических ленинградских залах, хотя для филармонии он по-прежнему оставался *persona non grata*. А в 1974 году, когда в некоторых музыкальных училищах были созданы эстрадно-джазовые отделы, композитор Юрий Саульский пригласил Фейертага в методическую группу по подготовке учебных курсов по джазовой музыке.

Жизнь — как длинная дорога с постоянно меняющейся панорамой за окнами в полутонах джазовых тональностей, активность — как стиль жизни и хобби! Всегда в центре джазовых событий, с генетической предрасположенностью к переменам, встречи, дружеские контакты, джемы с местными музыкантами в городах России и Европы. Трудно перечислить всех, кого Фейертаг вдохновил на участие в фестивалях, вытащил на свет божий из небольших провинциальных городков, сырых, плохо освещенных подвальчиков, бескорыстно выполняя роль «разводящего» и диспетчера. Джазовый менеджмент и продюсирование, многочисленные выезды за рубеж, с коллекцией заграничных паспортов, заштампованных

визами от корки до корки, в частности в Германию, с лекциями о советском джазе через контакты с руководством Совета по музыке ФРГ.

В девяностые Фейертаг отметился появлением на телевидении с авторской передачей, а после «Ленконцерта» в театре Михаила Боярского «Бенефис» Фейертаг начал организовывать не просто джазовые фестивали — настоящие городские тематические праздники: «Мы помним Эллингтона», «Золотая труба Армстронга», концерт духовной музыки Дюка Эллингтона.

С 2007 года история джаза в оригинальной трактовке Фейертага уверенно зазвучала в Университете культуры и искусств, в питерском музыкальном училище имени Мусоргского, органично влилась в джазовые радиопрограммы, назло времени интернета, продолжала выливаться на страницы его «живых» книг о джазе.

Мальчишка из команды, который никогда не стремился выбиваться и держаться отдельно, но имеющий безграничные способности к выживанию в быстро меняющихся условиях, о котором друг и коллега — известный российский исследователь и историк джаза, музыкальный педагог, критик, переводчик Юрий Верменич написал: «Фейертаг доказал, что джазом можно существовать!»

Все от Бога. Аминь

«Восторг. Элегантность. Восхищение. Все от Бога. Спасибо, Господи. Аминь», — эти слова из любимого стихотворения Колтрейн «играет» на саксофоне, почти произнося их губами, а звуки «Всевышней любви» становятся зримыми, раскрывая драматичный процесс личной внутренней борьбы музыканта за духовную чистоту, выражая глубокую благодарность всевышнему за подаренный талант и музыкальное мастерство.

Финальной нотой повисает рассказ Фейертага, а слушатели музыкального училища еще долго-долго остаются под глубоким впечатлением этой чарующей музыки...

Субботним вечером они разбредутся по ресторанам и клубам в надежде найти свой джаз, без готовых ответов на вопросы, которые каждый день задает им жизнь, но с ясным пониманием, что джазовая вопрос-ответная схема по-прежнему работает: важно на любой, пусть самый замысловатый вопрос найти точный ответ, не сфальшивив ни тональностью, ни судьбой.

Сегодня славное советское лекторство, с присущей ему творческой театрализованной интеллигентной манерой подачи материала, безусловно и тихо умирает как жанр, а время изустного просветительства уходит в прошлое. Стало проще и доступнее просвещать интернет-порталами, а не печатным словом книги или журнала. Умудренный опытом и сединами, энергичный и улыбчивый пожилой человек, доверительно и образно рассказывающий со сцены о джазе, кому-то может показаться старомодным.

Но тысячи, десятки тысяч талантливых исполнителей и почитателей, приведенные в «джазовый лагерь» бесконечной любовью к этому искусству Владимира Борисовича Фейертага, по-прежнему помнят, что в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Джаз.

Ольга Гаврилова

О себе: «Родилась почти полвека назад в Удмуртии, в маленькой деревушке, которая летом утопала в зелени, а зимой — в снегу. Хотелось чудес и приключений, но время здесь текло медленно, и почти ничего не происходило. Единственным спасением были книги. Когда их не оказывалось под рукой, приходилось придумывать разные истории. В десять лет я поняла, что их можно записывать. После школы по совету редактора районной газеты уехала в Казань и каким-то чудом поступила на журфак. Время в городе несло стремительно и постоянно что-то происходило, но я по привычке писала рассказы. Казань завлекла новыми друзьями и интересами, здесь я и живу до сих пор. Но моя душа мечется между городом, который стал родным для моих детей, и деревней, которая навсегда осталась лучшим местом на земле. Пыталась не писать, но тогда жизнь становится пресной».

Сиреневый рай

Очень часто раннюю весну невозможно отличить от поздней осени: те же лужи, та же грязь, та же слякоть, та же тоска; то же нестерпимое, странное желание выйти — выйти из дома, из города, из мира. Выход — это всегда вход. Невозможно откуда-то выйти и при этом никуда не войти...

Олег посмотрел на часы: 02.05. Значит, сегодня опять не заснуть. Не провалишься в сон до полуночи — так и промаешься до рассвета, а утром поднимешься с разбитой головой. Неужели во всем мире только он один страдает от этой тоски? Или просто другие люди умеют искусно прятать ее в себе?

Он вскочил с кровати, быстро оделся и вылетел на улицу. Резкий ветер пронзил насквозь леденящим холодом.

Город умер. Дома-могилы

И антенны-кресты стоят...

Только шепот: «Останься, милый».

Только шелест: «Пора назад».

Только не стихи! Олег попытался прогнать от себя непонятно откуда взявшиеся строки и побежал к дороге. Мертвый город фосфоресцировал неоновыми вывесками. Единственное, что оживляло это кладбище, — огромные звезды — фары редких проезжающих машин.

Заскрипели тормоза. Из салона остановившейся «восьмерки» послышался хрип:

— Куда?

— До любви довезешь? — вырвалось из Олега.

— Я не педик, — прорычал то ли водитель, то ли автомобиль.

— И я тоже, — выдохнул Олег в затылок уезжающей машине.

Из-за поворота вынырнула голубая «нива». На Олега вопросительно уставилась веселая рожица Петрушки.

— До счастья не подбросишь? — неуверенно спросил Олег.

— Нет. — Петрушка вздохнула и превратился в Пьеро. — Дорогу забыл. Извини.

Олег безнадежно опустил руку и пошел вдоль трассы. Рядом заскрипели тормоза.

— Садись.

— Мне далеко, — замялся Олег.

— Какая разница?

Открылась задняя дверь. Олег сел. В машине пахло сиренью.

— Ну и куда?

— До смерти.

Водитель не удивился. Только спросил:

— Это на хутор, что ли?

— Наверное.

— Ну, поехали. Ехать далеко. Можешь пока поспать.

Олегу захотелось рассмотреть лицо водителя. Сзади виден только черный плащ и черный берет. Он попытался заглянуть в зеркало заднего вида, но не увидел ничего, кроме темноты.

— Ты спи, спи. Не ерзай, — недовольно, устало сказал водитель. — Как приедем, разбужу.

Машина уже вырулила из города и неслась по незнакомой узкой дороге. Сначала не было видно ничего, кроме голых полей, потом дорога пошла через лес, так что смотреть было не на что. Олег свернулся калачиком на заднем сиденье и заснул.

— Уйти от самого себя тяжело, — услышал он голос водителя. — Наверное, сделать это даже невозможно. Невозможно не потому, что это что-то сверхъестественное, просто мало кто знает, кто он есть на самом деле. Люди придумывают себе все, вплоть до самих себя. Ты хочешь любви? А ты никогда не думал, что Верочка не любила

тебя только потому, что ты сам не верил в то, что она может тебя полюбить? Ты хочешь счастья? Сколько раз его волна укрывала тебя, но ты боялся утонуть в нем, ты боялся захлебнуться им. Ты не верил, что можешь быть счастливым. Ты хочешь смерти? Как ты можешь достичь ее, если не веришь в ее существование.

— Кто вы?

— Никто. Я — просто голос.

— Чей?

— Неважно.

Олег проснулся от резкого толчка — машина остановилась.

— Приехали, — сказал водитель, не поворачиваясь к Олегу.

— Сколько я вам должен?

— Нисколько. Выходи. Я спешу.

— Это вы разговаривали со мной, когда я спал?

— Ты разговариваешь во сне?

— Вообще-то нет.

— Тогда почему задаешь такие глупые вопросы? Выходи. Мне пора обратно — здесь нельзя долго оставаться.

— Почему?

— Потому что.

— Спасибо. — Олег вышел.

Машина сразу взревела, развернулась и понеслась. Через мгновение ее уже не было ни видно, ни слышно.

Пахло все той же сиренью. Было уже раннее утро или наоборот, еще поздний вечер — Олег не смог определить. Он огляделся по сторонам: кругом темный хвойный лес. Ели неподвижно замерли и казались нарисованными. Кое-где белыми клочьями лежал не дотаявший снег — зима то ли кончалась, то ли начиналась. Из-за деревьев проглядывал маленький деревянный домик. Олега удивило то,

что рядом не было никаких ограждений. Окна тускло светились сиреневым светом. Наверное, в доме горел ночник с сиреневым абажуром.

Олег постучал в дверь. Никто не ответил. Он слегка толкнул ее — дверь со скрипом отворилась. Олег вошел и увидел стоящие повсюду ветки сирени, которые излучали тусклый свет.

— Ну проходи, раз пришел, — послышалось откуда-то.

Из-за букетов появился маленький щуплый силуэт старика.

— За смертью пришел? — спросил старик.

— Как бы, да, — неуверенно ответил Олег.

Старик хмыкнул.

— Садись, — он кивнул на стул, стоящий рядом с окном.

Олег сел.

— А вы кто?

— Я? Просто старик. Или я похож на старуху? — Он усмехнулся.

— А зовут вас как?

— Никак. Кто как хочет, так и зовет. А имя я свое забыл — слишком долго оно у меня было. Да и ни к чему мне имя. Редко сюда кто заходит, а если и зайдет, то ненадолго... Есть какое-то последнее желание?

— Да.

— Ну?

— Любви хочу и счастья.

— Нет ничего проще. Переодеться тебе надо. В этой одежде не годится. — Старик достал откуда-то сверток и протянул его Олегу.

— Что это?

— Стандартный наряд для покойника.

— А в моем нельзя?

— Я ж говорю: не годится. Или ты хочешь в гроб не по-людски лечь?

— Мне вообще-то все равно.

— Тогда переодевайся. Банька у меня развалилась, а так лучше бы, конечно, помыться сначала. Ну да ладно...

Сиреневый костюм и сиреневые тапочки оказались как будто специально сшитыми на Олега.

— Иди ложись. — Старик отодвинул ширму, и Олег увидел гроб, обитый сиреневым бархатом.

— А почему цвет такой странный? — спросил Олег.

— Много вопросов задаешь, — рассердился старик. — Сиреневый — мой цвет. Такой уговор.

— С кем уговор?

— Очень уж ты любопытный! Утомил меня своими вопросами. Ложись.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать-то?

— А как же любовь и счастье? Вы же обещали!

— Получишь и любовь, и счастье. Раз я обещал, получишь. Ложись.

Олег осторожно забрался в гроб. Лег. К его удивлению, лежать было удобно и даже приятно. Старик сложил руки Олега на груди.

— В Бога-то веришь?

Олег пожал плечами.

— Все равно сделаем все как следует. Не переживай.

Старик вставил в его руки зажженную свечку и деревянный крестик.

— Ну, теперь порядок, — старик довольно улыбнулся и тут же нахмурился. — Глаза-то закрой. Нехорошо с открытыми.

Олег закрыл глаза и, не успев ни о чем подумать, заснул.

Что заставляет человека чувствовать себя несчастным? Два главных страха: страх перед жизнью и страх перед смертью. При чем первый страх чаще даже перевешивает второй.

Что такое, в сущности, смерть? Что-то никому не известное. Может быть, смерть — самое лучшее, что может произойти с человеком, а может быть, наоборот. Люди боятся смерти по двум причинам: потому что не знают, когда она их настигнет; и потому что не знают, что она им принесет.

С жизнью все гораздо сложнее и чаще страшнее. Хотя что такое жизнь? Просто путь к смерти...

— Олежек, просыпайся, милый, — разбудил его женский голос.

Олег открыл глаза. Он был в своей квартире, в своей кровати. Рядом сидела Вера в белом прозрачном халатике, надетом на голое тело. Ее золотистые волосы змейками струились по плечам. Огромные серые глаза светились нежностью.

— Верочка? — Олег сел на кровати. — Верочка, это ты?

— Конечно, родной.

— Откуда ты здесь, Верочка?

— Прости, милый. Прости, что пришла без предупреждения, но я хотела устроить для тебя сюрприз.

— Как ты вошла?

— Через дверь. Как же еще?

— Но как?

— Ах, прости, радость моя. Я украла у тебя ключи и сделала для себя дубликаты. Все очень просто.

— Но почему?!

— Глупыш мой, не задавай так много вопросов! Я пришла потому, что очень хотела видеть тебя.

— Ты же меня не выносишь!

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Я три года любил тебя. Ходил за тобой, как безумный, а самым ласковым словом, которое я слышал от тебя, было «отвали».

— Ну, прости. Я была дурочкой. Я люблю тебя. Я тебя очень люблю.

Ее губы приблизились к его губам. Как долго он мечтал об этом мгновении! Он осторожно снял с нее халат, прижался к ней, но вдруг отпрянул от неожиданности – ее тело пахло сиренью.

– Что случилось? – испуганно улыбнулась Верочка.

– Когда ты пришла?

– Около семи утра. А что?

– Где в это время был я?

– Спал на своей кровати. Что случилось?

Олег вскочил.

– Ты не видела сиреневый костюм и сиреневые тапочки?

– Нет. Что за глупости? – Вера обиженно завернулась в халатик.

– Это не глупости. Мне приснился странный сон, и я подозреваю, что сон все-таки не был сном.

Верочка засмеялась.

– Почему ты смеешься? – удивился Олег.

– Потому что мне весело. Сначала ты меня напугал, но сейчас я понимаю, что ты, оказывается, до сих пор веришь в сказки или во что там еще?

– Верочка, все гораздо серьезнее!

– Глупости! Что может быть серьезнее нашей с тобой любви? – Вера обиженно надула губки. – Хочешь, покажу, что я тебе принесла?

Она вскочила и побежала на кухню, а через мгновение выпорхнула оттуда с огромным букетом сирени. Олег побледнел.

– Верочка, откуда цветы?

– Я их купила. Я знаю, что ты очень любишь сирень.

– Где купила?

– По пути к тебе. Около подземного перехода у старичка. Можешь себе представить: конец сентября – и вдруг сирень.

– Что?!

- Что с тобой, милый? — Вера испугалась.
- Какой сейчас месяц?! — взревел Олег.
- Сентябрь... Двадцать третье сентября — твой день рождения... Что с тобой, милый?
- Я схожу с ума...
- Олежек, ты просто плохо спал. Тебе приснился дурацкий сон...
- Старик не сказал тебе, где он взял сирень?
- ...Он сказал, что очень любит эти цветы, поэтому построил оранжерею, где посадил двенадцать кустов. Каждый месяц расцветает один из них, и так все по порядку — круглый год.
- Верочка, ты понимаешь, что это бред? Ты понимаешь, что этого не может быть?
- Почему бы и нет? — Вера обиделась. — Я думала, что ты обрадуешься. Я знаю, что ты тоже любишь сирень. Хочешь, я выкину цветы?
- Нет. Оставь, — Олег вздохнул. — Иди ко мне. Она обвила руками его колени.
- Почему от тебя пахнет сиренью?
- Это духи. Я купила их специально для этого дня.
- Верочка, почему ты пришла так поздно? — Олег оттолкнул ее и пошел одеваться.
- Куда ты, Олежек?
- Будет лучше, если ты уйдешь, Вера, — сказал он и вышел из квартиры.

Пахло все-таки осенью. Весной воздух другой. Солнечные лучи блуждали в золотистых кронах деревьев. Разноцветные листья приятно шуршали под ногами. «Все-таки я в осени», — подумалось ему, и сразу стало как-то спокойнее.

— Здравствуй, Олег, — услышал он знакомый голос, оглянулся и увидел своего друга, с которым не встречался уже около десяти лет.

— Володька?

— Он самый. Давай обнимемся?

— Откуда ты?

— К тебе приехал. Соскучился. Что, так и будем стоять среди улицы?

— Знаешь, у меня там...

— Все ясно. Пойдем в кафе — я видел там за углом.

— Как ты?

— Хорошо. У меня все очень хорошо.

— Рад за тебя. До меня доходили слухи, что ты был очень болен.

— Да. У меня была опухоль. Врачи думали, что рак, но все обошлось.

— Прости, мне говорили, что ты умер.

— Значит, долго жить буду. — Володька засмеялся и хлопнул его по плечу.

Они сели за столик. Вместо толстой хамоватой официантки, которая обычно работала здесь, к ним подошла молодая красивая девушка. Олег вспомнил, что уже где-то видел ее раньше.

— С днем рождения! — улыбнулась она Олегу.

— Откуда вы знаете?

— Ваш друг предупредил.

— Ты знал, что мы придем сюда?

— Да. Мне хотелось посидеть с тобой вдвоем, чтобы никто не мешал.

— Вообще-то я живу один.

— До сих пор не женился?

— Нет. Но... Могу я тебе рассказать?

— Конечно, Олег.

— Сегодня утром со мной произошла странная вещь... То есть странности начались еще ночью, но сегодня... Сегодня утром меня разбудила женщина, которую я люблю.

— Что же здесь странного?

— Понимаешь, я люблю ее уже три года. Она не принимала ни моих цветов, ни моих подарков. Она мне даже ни разу не улыбнулась, а тут...

— Женщины вообще странные создания... И что она?

— Говорит, что любит меня.

— А ты?

— Прогнал.

— Зачем?

— Не нравится мне все это.

— Если честно, я не совсем понимаю тебя, Олег. Ты получил то, что хотел; то, чего долго добивался, — так какого черта?!

— Я подозреваю, что она ненастоящая.

— Что?! Ну ты, брат, даешь!

— Я знаю, что это звучит странно, но ночью мне приснился сон, что я умер. Но я помню, что я не спал ночью, то есть я лег в гроб...

— Куда?

— В гроб.

— В какой гроб?

— В сиреневый.

— Фу, чушь какая! Ты не заболел?

— Не знаю... Она принесла сирень.

— Ну и что?

— Сейчас сентябрь. Она так сказала. Да я и сам вижу, что сентябрь, а вчера был март.

— Или ты меня разыгрываешь, или с тобой действительно что-то происходит. Давай выпьем. За тебя. За твой день рождения.

— Что со мной, Володь?

— Не знаю. Ты наркотиками не балуешься?

— Нет.

— Психов у тебя среди родни не было? Не было. Сам помню.

— А еще, когда я вышел из дома, мне вдруг очень захотелось увидеть тебя, и ты появился.

— Просто наши желания совпали. Мы же дружили с детства.

— Но ты странно появился. Я думал, что ты умер.

— Это я уже слышал. Я жив, как видишь. Пей.

Олег поднял рюмку с водкой, поднес ее ко рту, но... Водка пахла сиренью.

— Девушка! — закричал Олег.

Подбежала испуганная официантка.

— Что-то не так?

— Ваша водка пахнет сиренью.

— Вам не нравится? Наше кафе называется «Сирень», поэтому мы придумали добавлять в водку сиреневое масло — это придает особый аромат, улучшает вкусовые качества и крепость напитка. Очень жаль, если вам не понравилось, но другой водки у нас нет. Я могу идти?

— Да, — выдохнул Олег.

— Ты чего? — удивился Володя. — поднял шум из-за такой ерунды!

— Со вчерашней ночи меня преследует запах сирени.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом. У меня, кстати, есть для тебя подарок!

Володя достал картину.

— Держи! С днем рождения, Олег. Сам нарисовал, специально для тебя.

Олег взял картину в руки. Мурашки пробежали по всему телу, дыхание сперло, сердце бешено заколотилось. На картине из-за кустов сирени выглядывал деревянный домик из сна. Тот же сиреневый свет в окнах, то же отсутствие ограды и калитки.

— Что это? — еле выговорил Олег.

— Я назвал ее «Сиреневый рай». Нравится?

— Где ты это видел?

— Нигде. Захотелось что-нибудь нарисовать для тебя, сел и нарисовал.

— Почему в окнах сиреневый свет?

— Не знаю. Может быть, в доме горит ночник с сиреневым абажуром. Ты чего так побледнел? Картина не понравилась? Хочешь, выброшу? Я тебе что-нибудь другое нарисую.

— Я был в этом доме во сне, который не был сном. Только вместо сирени были ели. А свет этот не от ночника. В доме полно сирени, которая его излучает.

— Ну, ты, друг, совсем загнался. Может, уйдем отсюда?

— Да, лучше пойдем домой. Я познакомлю тебя с Верочкой. Мне кажется, что она все-таки не ушла.

Верочка с Володей хлопотали на кухне. Олега прогнали — надоел со своими странными разговорами. Он положил картину на пол, лег над ней, пытаясь рассмотреть каждую деталь.

Странный все-таки сегодня день. Все получается так, как хочется. Почти так. Осень золотая наступила после мартовского безвременья, день рождения откуда-то взялся, Верочка пришла, Володька появился. И сирень... Может быть, это и есть счастье? В доме пахнет сиренью, где-то рядом любимая женщина и самый лучший друг... Чего-то не хватает... Хотя... Все хорошо... Сейчас все хорошо. А что будет потом? Какая разница! Старик обещал любовь и счастье. Странное у него представление об этих понятиях. Или старик здесь все-таки не при чем? Да и был ли старик? Был ли он сам когда-нибудь? Может быть, он всего-навсего плод чьей-то больной фантазии? Может быть, он вчера действительно умер и проснулся сегодня в сиреновом раю? Кто сможет ответить на все эти вопросы? Олег вспомнил, что когда-то забавлялся по утрам: включал любимую радиостанцию, мысленно задавая вопрос о

предстоящем дне. Ответом служили первые услышанные слова. Он достал приемник, нажал на кнопку и услышал веселый голос ди-джея:

— Добро пожаловать в «Сиреневый рай»! Только у вас, только с вами с сегодняшнего дня все будет хорошо. Все будет так, как вы захотите! Абсолютно все! Так что вперед! Превратите свои мечты в реальность! Этот мир создан для вас!

Олег выключил радио. «Хочу кошку», — подумал он вдруг. В комнату заглянула Верочка.

— Олежек, я открыла дверь, а там — кошка.

— Где она?

— На кухне. Я ей молока налила.

Олег прошел на кухню. Белое пушистое чудо лакало из блюдца молоко.

— Это моя кошка, — сказал Олег.

— А как ее зовут? — спросила Верочка.

— Не знаю. Придумай сама.

Олег вернулся в комнату, включил радио.

— Если вы устали, можно просто лечь спать, и вечный покой навечно придет к вам, — снова весело заговорил тот же голос. — Этот мир вам кажется ненастоящим? Но что может быть реальнее вашего субъективного мира, в котором даже я — всего лишь голос.

Голос! Конечно же, голос! Олег вспомнил, где он уже слышал его. Конечно, это водитель, который подвозил его ночью. Просто сегодня его голос бодрее и веселее.

«Хочу остаться один», — подумал Олег и пошел на кухню. Веры и Володи не было. Не было и кошки, хотя блюдце с недопитым молоком стояло на своем месте.

— Хочу, чтобы они вернулись, — медленно проговорил он.

Откуда-то появилась кошка. Позвонили в дверь. Олег открыл. На пороге стояли Верочка и Володя.

— Где вы были? — устало спросил Олег.

— Ходили в магазин, — весело зашебетала Верочка. — Теперь у нас есть все для праздничного застолья.

Володя достал шампанское.

— Подождите, ребята, — попросил Олег. — Мне надо переодеться.

Он забежал в комнату, закрыл за собой дверь, сел на пол перед картиной.

Сегодняшнюю официантку из кафе звали Наташей. В последний раз он видел ее двадцать пять лет назад, когда с мамой ходил в кафе на свое пятилетие. За это время она совсем не изменилась...

Володька умер от рака семь лет назад. Олег не смог поехать на его похороны, потому что был в командировке и получил телеграмму слишком поздно...

Вчера ночью умерла Верочка. Он сам убил ее. Просто пришел к ней с сиреневой шелковой ленточкой, которую затянул на ее красивой шее. Она никогда его не любила. Никогда. Он не оставил после себя никаких следов. Никто никогда даже не подумает, что Веру убил он.

В дверь постучали.

— Олежек, Олег, — услышал он голоса Веры и Володи. — Мы жаждали тебя.

Олег вдохнул полной грудью и сказал:

— Еще минуточку. Я сейчас приду. Начинайте без меня.

Он вспомнил слова ди-джея: «Можно просто лечь спать, и вечный покой навечно придет к вам...»

Олег лег на пол — лицом на картину. Пахло краской и сиренью.

Наталья Колмогорова

Нежный цветок маргаритка

Воздух и пространство вокруг — словно огромное, невидимое глазу существо. Оно может быть добрым и злым, твердым и мягким на ощупь, как медвежонок Тепа. Оно может быть острым и колющим, понимающим и отталкивающим. Но никогда — безликим или равнодушным... А еще это пространство таит в себе то, чему нет точного названия, но от которого иногда мурашки бегут по коже и хочется громко кричать.

Но кричать Рита не умеет, как не умеет слышать и видеть. Ее розовые, по-детски пухлые и растянутые в неизменной улыбке губы с трудом могут произносить некоторые простые слова. А запахи?! О, запахи — это целая вселенная! Рита знает, что руки Доброй Тети пахнут печеньем; солнечный свет — пылью и ветром; ночь — холодной подушкой, а улица — пригоревшими пирожками. Лучше всех пахнет подруга Машка, она пахнет сладким лимонадом с пузырьками! Рита часто держится за Машку, или наоборот, особенно когда они всей «семьей» идут на прогулку или обед.

Семья у Риты большая — девять детей и двое взрослых. Добрая Тетя учит Риту считать и узнавать слова на

ощупь, по выпуклым буквам на толстой пористой бумаге. А Ласковая Тетя каждое утро расчесывает Ритины белокурые волосы и помогает одеться.

Но самое важное, Рита умеет видеть руками! Ритины ладошки умеют угадывать настроение окружающих, отвечать на вопросы и даже любить. Больше всех они любят своего неуклюжего, мягкого на ощупь плюшевого медвежонка Тепу. Тепа даже спит с ней в одной кровати! Медвежье сердечко откликается на любовь Риты так же горячо, как окружающее пространство — на громкий резкий звук.

Сегодня пространство вокруг Риты вибрирует сильнее, чем обычно. Рита чувствует, как к дверям спальни, осторожно ступая, приблизилось несколько человек. Дверь бесшумно отворилась, и в нее заглянуло несколько пар любопытных глаз. Они бесцеремонно и испытующе рассматривали Риту и остальных детей несколько минут. А может быть, часов? Рита пока еще плохо ориентируется во времени, но ей и так хорошо.

Она села в кровати и вдруг остро почувствовала, как тревожно вибрирует сердце Добрай Тети, как волнуется сердце Незнакомого Дяди. А еще она почувствовала, как напряглась в своей кровати загадочная подруга Машка, а Тепа неожиданно схватил ее мохнатой лапой за мизинец, словно искал защиты. Спустя пару минут дверь в спальню так же осторожно прикрыли, и Кто-то шепнул Рите на ушко, что все это неспроста...

— Ну что же, если вы уверены в своем решении... — Директор Детского дома твердо и прямо взглянул на посетителей. — Маргарита — цветочек нежный и ранимый, нуждается в постоянной заботе и внимании. Впрочем, как и остальные наши воспитанники. Ирина с Олегом многозначительно переглянулись.

— Да, мы уверены в своем решении.

Директор внимательным взглядом окинул семейную пару. Женщине лет тридцать; пепельно-русые волосы обрамляют нежный овал лица. Одета просто, но со вкусом. Мужчина широк в плечах, темноволос. Взгляд карих глаз мягок и внимателен.

— Простите, что лезу не в свое дело, — директор выдержал деликатную паузу, — но в нашем городе есть Детский дом, где воспитываются обычные дети. Почему вы выбрали именно наш, рассчитанный на слепоглухих детей?

— Дело в том, что...

Мужчина замялся, подбирая нужные слова.

— Понимаете, — супруга взяла инициативу в свои руки. — Маргарита очень похожа на нашу покойную дочку.

— Очень похожа, — тихо добавил Олег.

— Извините еще раз... Ознакомьтесь, пожалуйста, с личным делом Маргариты Сотниковой. Вы можете начать процедуру оформления незамедлительно.

Сегодня Тепа спал беспокойнее, чем обычно. Рита крепко прижимала друга к груди, гладила за круглым ушком — ничего не помогало! Был ли тому виной визит незнакомых людей или ветреная погода, Рита никак не могла понять. Машка, которая спала рядом, просунула сквозь решетчатую спинку кровати узкую горячую ладонь, нацарапала пальчиком: «Спать!» Рита благодарно сжала Машкину ладонь и провалилась в сон...

А сейчас Рита сидит напротив Незнакомой Встревочной Тети и чувствует, что пространство вокруг них звенит сотней тысяч колокольчиков. Добрая Тетя пишет на Ритиной ладонке: «Мама тебя нашла». Но Рита уже давно сама догадалась об этом! Она ощущает, как воздух вплотную подступает к ней огромной кирпичной стеной, встает между ней и Незнакомой Мамой. В ее неокрепшей детской душе наступает полная сумятица:

страх и неуверенность, желание дотронуться и в то же время спрятаться. Страх оказаться отвергнутой и непонятой.

Превозмогая себя, Рита осторожно протягивает руку в том направлении, где сидит Незнакомая Мама. Кирпичная стена вдруг бесшумно падает, рассыпаясь на мелкие кусочки, плотная пелена отступает, и воздух становится легким и прозрачным, как дыхание Тепы. Внутренним зрением Рита отчетливо видит Свою Маму. Мама сидит в ореоле яркого света. Такого яркого, что даже если крепко прижать ладонями веки глаз, все равно свет получится много-много ярче!

— Ты — мама? — пишет Рита пальчиком на слегка вспотевшей женской ладони.

— Да, — отвечает Настоящая Ритина Мама, и мокрая горячая капля падает в раскрытую детскую ладонь.

Ольга Грушевская

Родилась и живет в Москве.

*Прозаик, общественный деятель
в области культуры и искусства.*

*Издавалась в России, Израиле, США,
Австралии, Армении.*

*Член Союза писателей России (Москва),
имеет литературные медали и награды.*

*Руководитель творческой мастерской
«Московский салон литераторов»
(МОССАЛИТ) и художественной Галереи
«BAZART».*

*Член жюри многих литературных
конкурсов.*

Смотри, какие облака!

*...Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!*

М. Цветаева. Попытка ревности

— Смотри, какие облака!

Викентий смотрел на небо. Небо было голубым, по-весеннему нежным, словно умытым душистым мылом. Белые акварельные облачка плыли робко, будто смущались, и напоминали пушистые перышки, разлетевшиеся по ветру из перины, взбиваемой кем-то на небесных этажах. Облака то слипались, то разлипались, то играючи подныривали друг под друга, мимоходом образуя то рожицу, то кошку — кто что увидит, но заранее предугадать, что облака через секунду вытворят и в какую фигуру сгруппируются, ни за что не получалось.

Викентий смотрел на небо как замороженный. В тот день небесный художник солировал, а разыгравшийся ветерок ему подыгрывал — каждую минуту воздушная кисть рождала что-то новое, и в этой небесной лазури все было Викентию любо и душе созвучно, чего нельзя было сказать про то, что творилось чуточку ниже — в обыденности.

Галя, пролетевшая вперед по инерции, досадливо оглянулась: «Да что же это такое?!» — и глянула на часы: время стремительно близилось к полудню.

— Викентий! — крикнула она в нетерпении.

Викентий значился ее мужем. Поженились они год назад, но все еще чувствовали себя молодоженами. Викен-

тию было чуть больше пятидесяти, а Галине — чуть меньше. У них образовался союз среднего возраста, когда еще не хотелось коротать вечера в одиночестве, а хотелось коротать вечера с кем-то вдвоем. К моменту стремительного и законного бракосочетания оба пришли в растерянном состоянии. И не просто в растерянном, а...

— Мы опаздываем!

Галя замужем никогда не была. В жизни ей несколько раз делали предложение, но до загса дело не доходило, а потом уже, после тридцати пяти, гражданские сожители все больше норовили угнездиться на всем готовом, посчитав, что незачем что-то менять в совместном существовании, когда и так все прекрасно складывается. Галина поглядывала на замужних подруг с завистью и недоумевала, что с ней не так. Но потом появился Викентий, неторопливый и застенчивый, и недоумения ее рассеялись. Без сомнений, он сразу понял, какое перед ним сокровище — домовитое, разумное, ласковое, и — в этом Галя была уверена — решил добычу из рук не выпускать, а поскорее жениться, чтобы их завтрашний день не представлялся безнадежным и бесформенным. Галина не сомневалась, что у них с Викентием много общего, например имена, ныне редкие, почти старомодные, а еще — усталость от одиночества, и потом, оба по утрам любили яичницу. Вот она и согласилась на замужество.

Викентий, в отличие от Галины, был женат дважды. От короткого первого брака ничего не осталось — ни сожаления, ни воспоминания; а от второго десятилетнего брака осталась острая боль, которую он тщательно от всех утаивал. Но иногда, очнувшись посреди ночи от непокойного сна, он пытался припомнить, когда же и почему в его жизни с бывшей женой пошло все не так, но ничего припомнить не удавалось, и он засыпал снова. Во сне Ви-

кентий видел черную трещину, похожую на обгоревшую костлявую руку; трещина росла и ширилась по потрескавшейся ссохшейся земле, а они с женой стояли по разные стороны зияющей пропасти и судорожно цеплялись друг за друга, как утопающие, — сначала за краешек одежды, потом за пуговку, потом за прилипший волосок, но все оказывалось тщетно и вот они, все еще протягивая друг к другу руки, уже летели в злоеший разлом, как раненые ангелы... На этом месте Галя его будила.

— Викентий!

Викентий переживал разрыв мучительно. По утрам на пути от метро до редакции, где он трудился последние пять лет в отделе по работе с авторами, его одновременно и грела, и страшила мысль о том, что он мог случайно встретиться с бывшей женой: дом, где она жила, находился как раз по пути на его службу. Он стал предусмотрительно обходить стороной старое жилище, закладывая даже лишних десять минут на дорогу, чтобы не поддаваться слабости и честно следовать их общему решению: не звонить, не писать, не пересекаться ни по какому поводу, чтобы поскорей излечиться от воспоминаний. Через год они с бывшей женой окончательно затерялись в пространстве. И ему стало легче. А вскоре появилась и Галочка, фигуристая, шустрая, — с бумагами, которые однажды привезла для публикации, и в конце дня лукаво попросила Викентия проводить до автобуса. И стало еще легче. А потом Галочка осталась у Викентия в его старенькой, доставшейся от бабушки квартире, в той самой, которую он некогда сдавал, когда жил у бывшей жены, и в которую переехал сразу после развода. И ему стало еще легче. И все же время от времени...

— Викентий!

Галя была разумной. Про бывшую не расспрашивала, как рассудительная женщина, решила: зачем себе нервы трепать, ревновать к вчерашнему, а потому просто закрыла дверь в свое и его прошлое и все начала заново. Все фотографии, связанные с прежней жизнью Викентия, усиленным воли — даже ни разу не сунув в них нос хотя бы из любопытства — строго велела «молодому» мужу удалить из телефона и компьютера. Правда, Викентий зачем-то схитрил, файлы заархивировал и скинул на жесткий диск, а диск сунул в книжный шкаф, за томики Чехова. Делал он это с большим раздражением на самого себя, объяснения своему поступку не находил и от этого чувствовал себя виноватым. Но когда Гали дома не было...

— Викентий!

Галя вздохнула. За год их совместной жизни она изо всех сил старалась привыкнуть к причудам мужа. Викентий оказался «другим», и не только потому что оценил Галочку по достоинству, нет, он в принципе отличался от окружающих. Все у него было не как у всех: походка — размашистая, но неловкая, будто у маршировавшего на плацу новобранца; взгляд внимательный, но застенчивый, будто подглядывал; а в его образ мыслей Галя вообще не любила вникать, как и во все, чего не понимала или не могла объяснить исходя из целесообразности.

— Какая же ты, Галочка, коротенькая!

Галя была коротенькой. Так думал Викентий. Но имел в виду вовсе не Галочкин маленький рост, а ее коротенькие, перпендикулярные мысли. Как удлинить их или запараллелить, он не знал, да и лень было задумываться.

И хоть у Гали, как считал Викентий, и были мысли махонькими, но вот глаза у нее все больше от удивления ширились. Даже взять эти чертовы облака, от которых и во-

все проку не было. Если бы спросили ее, Галю, что она об этом думает, то, конечно, чтобы не показаться уж совсем приземленной, она припомнила бы кое-что из школьного учебника: «облака — как белые ромашки». Или барашки? «Ромашковые облака», или вот, красиво: «ромашек белых облака». Впрочем, какая разница! Когда всем нормальным людям дружно виделась ромашка (вот лепестки, вот пушистая сердцевинка, а вот и стебелек наплывает), то Викентий сердился и уходил от всех в сторону: сама мысль, что в уникальном природном орнаменте можно усмотреть нечто заурядное, казалась ему невыносимой. Сам он различал вовсе иное и неожиданное, где вместо, например, сердцевины цветка проявлялся закрученный хвост омерзительного хамелеона с цепкими лапками, где вместо лепестков — выпученные глаза, а вместо стебелька — выброшенный в сторону жертвы язык. Вот и весь разговор — страх да и только. Тут и Галочка начинала в ответ сердиться, кричала Викентию слова обидные, ядовитые, но потом спохватывалась, бросалась к нему на колени и тараторила: «Ну прости, прости! Но согласись, что все же ромашка лучше гадкого хамелеона, его даже в природе не разглядишь, а уж на небе только ты его и различаешь. А ромашка безобидная, на ней и погадать приятно — любит, не любит... Вот ты любишь меня? Ведь любишь?» — «Да-да», — смущенно и торопливо соглашался Викентий, аккуратно высвобождаясь из Галиных душных объятий. Его тяготило чувство...

— Викентий, опаздываем!

Викентий любил созерцать. Рано утром, лежа в кровати, стоящей напротив старомодного окна с облупившейся краской на рамах, подперев рукой голову, он задумчиво смотрел на фиолетовый небосвод, с каждой минутой все более светлеющий, наблюдая с особым вниманием и даже придирчивостью непредсказуемые цветовые переливы

и облачные движения. Чернильный цвет ночи медленно растворялся и становился розовым. В этом всеобщем небесно кучевом движении он усматривал нечто вечное, фатальное — то, что не зависело от чьей либо воли или желания. В ограниченном прямоугольнике окна, который являл собой лишь деталь разворачивающейся за окном масштабной картины, Викентий каждый раз изыскивал для себя что-то диковинное, будто делал открытие, по своей значимости граничащее с чем-то первозаданным, почти интимным. Ему думалось, что где-то там, в этом калейдоскопном мире, запрятаны ключи от галереи замкнутых дверей, за которыми таились его мечты, надежды и планы, и двери эти скоро откроются. И погружался Викентий в это коловращение, тонул в нем, как герой Стругацких в «Солярисе», с легкостью материализуя для самого себя самые невероятные внепланетарные образы, среди которых временами маячил призрачный образ его бывшей жены, и отчего-то она была с крыльями.

Хуже было, если шли дожди, тогда окно превращалось в выцветшую мутную завесу, намеренно скрывающую небесную закулису с ее облачными интригами и рокировками; не радовало Викентия и чистое лазоревое небо — без облачка, без какого-либо развития. Последнее, правда, случалось редко, но все равно — что серый, что голубой цвет своей обманчивой чистотой и однообразием навевал на Викентия лишь скуку. Именно в такие паузы, когда облачный театр за окном не приковывал его внимания, он начинал отчетливо слышать тяжелое дыхание спящей под боком Галочки, и дыхание это рождало в нем досадливое чувство дисгармонии. Вот если бы...

— Викентий!

Галя за Викентием подсматривала. Например, вдруг ночью проснувшись, обнаруживала, что муж глазеет в

немытое окно и чем-то там любитесь. «Ой, — думала Галочка, — интересно, а бывшая тоже за ним подглядывала? Или они вместе в небо таращились?» Ей бы хотелось, чтобы Викентий спал по ночам, как обычные граждане, пусть даже и с глазами открытыми — говорят, так случается. Но Викентий не спал. И тогда Галина, притворяясь спящей и даже чуток для верности подхрапывая, тайком за ним следила, все больше убеждаясь, что «молодой» муж — со странностями, которые, положа руку на сердце, начинали донимать ее. Но знакомый страх остаться в одиночестве заставлял терпеть его чудачества. Именно этот страх, прищипоренный эгоизмом, а вовсе не любовь к Викентию, распалая в Галине еще и жгучую ревность. Она ревновала, когда ловила на нем взгляды одиноких дамочек, или когда сам Викентий вдруг деревенел, уставившись на мелькнувшую в толпе незнакомую женщину, будто она ему кого-то напомнила. Все это Галину беспокоило, ведь ревнивец всегда видит больше, чем ищет, но, если где-то она и подмечала большее, то за окном ранним утром ничего не видела, а потому, убедившись, что ревность ее беспочвенна, вскоре и правда начинала посапывать, а Викентий тем временем...

— Все, Викентий, сил больше нет!

— Какая же ты, Галочка, жадная! Не даешь даже минуты, чтоб насладиться такой роскошью. Ты сама на облака взгляни!

Галя взглянула на Викентия. Что-то в эту минуту в его голосе послышалось незнакомое; не то чтобы слова прозвучали старомодные или в них срывался обидный упрек, скорее ее удивила интонация, в которой сквозила неведомая ей трепетность, смешанная с обнаженной печалью. «Что это с ним?» — нахмурилась Галя, ей почудилось, но лишь на секундочку, что и взгляд у мужа чужой, бархатный, а сам Викентий — не Викентий, а вовсе посторонний

мужчина, который вот-вот испарится, как облако, так и не став ее собственностью. Но потом, слава богу, ощущение растаяло — тьфу, прошло! — и Галя решила, что просто нервничает и все ей только кажется, но на всякий случай подошла к нему и цепко ухватила под руку.

— Ну Викентий...

— Что же ты, Галя, все торопишься!

Галя и правда торопилась — она опаздывала на собеседование. Еще неделю назад Викентий сообщил за ужином, что в его отделе освободилось место младшего редактора и главный ищет человека на эту вакансию. Галя тут же смекнула, что это прекрасный и, похоже, единственный шанс сменить утомительную работу диспетчера в агентстве недвижимости на что-то более «творческое», а главное, поближе к Викентию. Нельзя сказать, что у Галины был опыт в этой области, но когда-то она работала секретарем у разных начальников, а потому научилась всякому. Викентий сначала засомневался в ее способностях, но Галочка тут же прыгнула к нему на колени и затараторила: «Пожалуйста, пожалуйста, пусть главный назначит мне собеседование, я ему понравлюсь, и мы с тобой будем вместе ездить на работу, с работы, я буду повсюду кормить тебя бутербродами, ну пожалуйста, пожалуйста!» — «Да-да», — вновь смущенно и торопливо согласился Викентий и вновь аккуратно высвободился из Галочкиных объятий, а на следующий день покорно рекомендовал главному «молодую» жену как хорошего и надежного работника.

И теперь они спешили на встречу.

Вернее, спешила и волновалась Галочка, даже путь от метро до редакции выбрала по карте наикратчайший, хотя Викентий почему-то возражал и сердито настаивал на привычном ему круглом пути к офису, а доводы при этом приводил неубедительные, но потом, конечно, сердиться устал и прекратил настаивать.

— Смотри, какие...

— Красивые, — сказала Галочка, чтобы хоть что-то сказать и, смирившись, тоже задрала голову и посмотрела туда, куда воззрился Викентий, но никаких замысловатых фигур не заметила, зато заметила на шестом этаже семиэтажного дома моющую окна женщину, немолодую, но ловкую. Та стояла одной ногой на стремянке, а другой, босой, — на подоконнике. Отчего-то сердце у Галины екнуло, и она ревниво покосилась на Викентия, но на этот раз ничего особенного в нем не обнаружила. В этом она была уверена. Почти уверена. Впрочем, совсем не уверена.

— Видишь? — Викентий указал пальцем куда-то чуть выше семиэтажного дома.

— Вижу.

— Что видишь?

— Тетку, — честно призналась Галочка.

— Какую тетку? — удивился Викентий.

— Ну не тетку, женщину! Какая разница?

— Какая ж это женщина? Это не женщина.

Галя оторвала взгляд от мойщицы на шестом этаже и устало уставилась на облака. До них ли ей сейчас было дело! А Викентию дело было.

— Нет, это не женщина, Галочка.

— Не тетка и не женщина? А что?

— Думаю, ангел, Галочка...

— А ты не думай, Викентий!

«Совсем сбрендил, — решила Галина, не на шутку обеспокоенная, — а может, и заболел, раз ему уже ангелы видятся. Надо записать его к доктору».

— Крылья видишь?

Галя нахмурилась, напряглась и изо всех сил попыталась хоть что-то высмотреть в расплывающихся перистых клочках, но ни крыльев, ни хамелеонов, ни ромашек и тем более ангелов так и не высмотрела.

— Не вижу.

— Смотри, сейчас полетит!

Галя оторопело опять уставилась на женщину, а та уже наполовину вылезла за окно, усердно протирая его внешнюю сторону.

«Еще не хватало, действительно полетит, — испугалась Галина, — разобьется, покалечится, будет стонать, в глаза заглядывать, моля о помощи, и нам придется вызывать скорую, и тогда я точно не попаду на собеседование». И она энергично потянула Викентия за рукав.

— Пошли скорей!

Но Викентий стоял как вкопанный. Ах, если бы только знала Галочка, каких усилий ему стоило как истукану стоять и как дураку таращиться в облака, чтобы ничем не выдать овладевшего его душой смятения от внезапно возникшей перед ним картины. Так и стоял бы, и смотрел бы, пока...

— Викентий! Да что с тобой?

Галя уже приготовилась крикнуть что-то незабываемо обидное, но Викентий, все еще боясь шелохнуться и обнаружить замешательство, пояснил:

— Ангелам необходимо летать, им для этого крылья выданы. — И вдруг он решительно поднял руку и помахал. Наверное, ангелу. И даже крикнул детским голосом, незнакомым Гале, но должно быть знакомым этому ангелу: — Прощай! — А потом наконец выдохнул, опустил голову и сказал: — Пошли.

Моющая окна женщина неожиданно оглянулась в их сторону, то ли услышав снизу чей-то возглас, то ли чтобы удержать равновесие, и тоже в ответ будто «Прощай!» крикнула, хотя, скорее всего, это птица что-то пропела, но ни Викентий, ни тем более «молодая» жена уже ничего не слышали — спешили на Галино собеседование.

* * *

На обратной дороге, после успешной встречи с главным редактором, Галочка думала: «Жизнь прекрасна! — она наконец расслабилась и, предвкушая новую жизнь, со смехом теперь вспоминала недавнюю проволóчку. — Хорошо, что Викентий не такой как все! Думала, на бабу в окне пялился, а он боялся, что я провалю собеседование и, видать, так сильно боялся, что опять в облака усталился. Какая я же глупая! И вместе с тем... что же в небе он вечно выискивает?»

Викентий шагал рядом и тоже вспоминал остановку по пути в редакцию, но смешно ему не было. «Жизнь нечаянна, — размышлял он, испытывая забытое чувство приятной легкости. — Хорошо, что Галя такая непроницаемая и не узнала в окне мою бывшую. Что ж, мой ангел, лети куда тебе захочется! Весь мир без меня у тебя впереди! И вместе с тем... зачем Галочка за мной подсматривает?»

От слепящего весеннего солнца Викентий зажмурился и увидел, как парящие в воздухе мужчина и женщина из его сновидения медленно расцепили руки и поплыли в разные стороны.

Женщина-ангел устало слезла с подоконника и долго смотрела вслед исчезающему Викентию. Потом оценивающе взглянула на свои чистые окна — в блестящем стекле, полном веселых зайчиков, с зеркальной точностью отражались и кружили белые перышки — и, расправив за спиной мятые крылья, улыбнулась:

— Смотри, какие облака!

Игорь Бурдонов

О себе: «Родился-учился-женился-работал-читал-писал-сочинял-рисовал.

Москва, 1948. Окончил мехмат МГУ.

Крупные проекты:

Детский машинописный журнал
«СЕНТЯБРЬ» (60-е, глав. ред.)

Исследования по теории графов и теории автоматов (с 60-х псд).

Многомашинный вычислительный комплекс АС-6 + обеспечение управления полетом космических кораблей «СОЮЗ-АПОЛЛОН» (70-е, руководил созданием операционной системы периферийной машины).

Суперкомпьютер «ЭЛЕКТРОНИКА СС-БИС» (80-е, по мелочи).

Кластерная операционная система (80-е, архитектор системы).

Демократическая партия России (90-е, член политсовета Московской организации).

Деревня Липовка (с 1990 псд).

Технология формальной верификации тестирования программ (с конца 90-х псд).

Литературный клуб «ПОДВАЛ №1» (с конца 90-х псд, один из двух кураторов).

Член Союза литераторов РФ (с 1995 псд).

МОССАЛИТ (с начала псд, автор).

Китай: исследования, стихи, эссе и картины (с 80-х псд).

Стихи, проза, акварели, тушь (всю жизнь).

псд = по сей день».

Лето 1955 года и другие времена

Я помню, как умер Сталин. Вот сказал и соврал.

На самом деле я помню только обложку журнала «Огонек» с портретом Сталина в черно-красной рамке.

А больше ничего не помню.

А, нет, еще помню, что взрослые держали в руках журнал «Огонек» и громко говорили. Но кроме громкости ничего не помню, что говорили, не знаю.

Почему я помню обложку журнала «Огонек», тоже не знаю. Из того времени я вообще мало что помню, мне же четыре года было.

А обложку журнала «Огонек» помню. Особенно черно-красную рамку.

Это почему-то казалось одновременно красивым и страшным, а особенно то, что взрослые громко говорили.

Кстати, погода в марте 53-го была хорошая. В наше окно на Бакунинской било солнце, окно было высоким и с полукруглым верхом, так что и в комнате было солнце, оно падало на обложку журнала «Огонек», и все было ярко и контрастно.

И еще громко.

На следующий год, летом, получается, летом 54-го года поехали в военный лагерь.

Ехали эшелоном.

Эшелон — это такой поезд для перевозки военных людей и военной техники. Поезд был очень длинный, или мне казалось, что он очень длинный.

Грузились в эшелон на вокзале, кажется, на Курском, почему-то долго, или мне казалось, что грузились долго.

И ехали долго, это уж точно долго.

Я посмотрел в Яндексe: сейчас на поезде и автобусе до Гороховца можно доехать за семь с половиной часов, а на машине за четыре с половиной часа.

А мы ехали двое суток. Правда, не до Гороховца, а куда-то под Гороховец.

Вагоны были грузовые. В тех вагонах, где ехали люди, были нары, кажется, там еще печка была, почему вагоны назывались «теплушками», но мы ехали летом, и я не помню, чтобы печку топили. Зато очень хорошо помню огромную раздвижную дверь, она же окно, которая обычно была открыта, чтобы можно было дышать свежим воздухом и любоваться проплывающими пейзажами. Поперек двери клали брус, чтобы люди на ходу не выпадали из вагона. Вы, наверное, много раз видели такие вагоны на фотографиях военного времени.

Очень хорошо было ехать, стоя у двери, смотреть на проплывающие (а не пронсящиеся, как сейчас) пейзажи и, облокотившись на брус, спокойно себе курить, глядя как дым уплывает назад.

Но я тогда не курил, мне пять лет было.

Кажется, пора сказать, как я оказался в этом вагоне, и в какой такой военный лагерь мы ехали и зачем.

Моя мама работала в Военной артиллерийской инженерной академии имени Ф. Э. Дзержинского. Так она тогда называлась. А сейчас называется академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого.

Моя мама была не военная, она была, как тогда говорили, вольнонаемная, а может быть, и сейчас так говорят. Она была чертежницей или не знаю, как называют людей, которые умеют рисовать большие плакаты с разными схемами и надписями разноцветной тушью разными перьями. У меня сохранилась коробочка с такими перьями и набор пластмассовых прозрачных линеек и трафаретов для рисования букв, цифр и всяких знаков. Сейчас-то все в компьютере делается, а для большой аудитории на экран проектором высвечивается. А тогда компьютеров не было, поэтому делали плакаты, которые развешивали по стенам

при защите разных проектов, дипломов и диссертаций. У меня самого при защите кандидатской диссертации было четыре таких плаката, которые мне мама помогала делать. Но это было в 79-м году, когда компьютеры уже были, я по ним диссертацию и делал, но еще не персональные, не ноутбуки, а большие, занимающие целые залы.

Летом 54-го года Академия выезжала в летний военный лагерь.

Там были сосновые леса, другие леса и болота. Лагерь располагался прямо в сосновом лесу. Сосны были огромные, высокие, с толстыми стволами и прямые как корабельные сосны, хоть это и тавтология. Они стояли свободно, просторно и как-то по-особенному величественно. Земля была усыпана хвоей, а если копнуть — песок, чистый и мелкий, один песок.

Когда много позже, через 36 лет, в 90-м году мы с женой приехали в деревню Липовка в Рязанской области, чтобы присмотреть себе домик для дачи, я увидел похожие сосны и похожий песок.

И я сказал жене: покупаем дом здесь.

И мы купили.

Но это другая история.

Если вы меня сейчас попросите нарисовать карту-схему того военного лагеря, я ее нарисую без всяких затруднений, мне и вспоминать-то нечего, я все помню.

Когда эшелон подходит к лагерю, эшелон приходит с запада, когда эшелон приходит к лагерю, сначала слева появляется Станция. Станция деревянная, заброшенная, но только в начале своего разрушения.

Около Станции Дом Лесника, а, может быть, сторожа или егеря. Кажется, это единственный местный житель. У него есть собака. Она рыжая, ее зовут Рекс, и она прибегает к нам, детям, играть.

Около Станции и Дома Лесника среди песка, как в пустыне, стоит Колодец с воротом и железной цепью. Здесь мы набираем воду в ведра.

Дальше вдоль Железной Дороги штакетник, вдоль него растут невысокие, молодые сосны, а рядом — Стометровая Дорожка для тренировки и соревнований солдат и офицеров. Я, конечно, много раз ее пробегаю, изображая из себя спортсмена и обезьянничая.

В лагере есть еще Спортивная Площадка со всякими турниками, брусьями, кольцами для баскетбола и т. п. Но я предпочитаю тренироваться около дома, установив две палки и положив на них планку для прыжков в высоту. Как-то раз мимо проходят два офицера, и один другому говорит: «Смотри-ка, он, кажется, прыгает выше своего роста». На что другой отвечает: «Да нет, все-таки не выше». Они просто не знают, как трудно прыгать в высоту, подбегая по мягкому песку и отталкиваясь от мягкого песка. Но мне их слова нравятся и запоминаются, особенно, первого. Это, наверное, не первое лето в военном лагере, а позже. Мы туда ездим четыре года подряд: в 54-м, 55-м, 56-м и 57-м. Это последний раз, когда я как-то целенаправленно занимаюсь спортом, да и то только потому, что все вокруг, солдаты и офицеры, занимаются спортом.

Я сказал, что прыгал в высоту около нашего Домика. Но сначала, как только мы приехали в лагерь летом 54-го года, нас поселяют в отдельной комнате в Длинном Доме, одноэтажном доме с галереей и крылечками. Но моя младшая сестра, ей тогда еще года не было, плачет по ночам. Наши соседи жалуются, что она мешает спать, и нас переселяют в Домик.

Мы — это моя мама, моя бабушка, моя сестра и я.

И очень хорошо, что нас переселяют, в Домике гораздо лучше. Это отдельно стоящий Домик, около Железной Дороги, там, где начинается Стометровая Дорожка, а рядом

еще два или три домика, и все. В Домике три комнаты, но первая что-то вроде кладовой и прихожей, а две жилые.

Итак, Домик становится центром мира.

Старая фотография

*Горизонтальное солнце
на колоннах соснового ордера.
Домик в четыре оконца.
За оградой — лесной горизонт.
На земле, на крыше, на стенах
пятна солнца и тени.
У порога — живая бабушка
с ведром воды колодезной.
А меня нет — убежал куда-то играть.*

На западе Кухня, она общая на два домика и располагается между ними. Это маленький открытый сарайчик, в котором стоит печка. Потом на запад еще один домик на две семьи, с двумя входами с двух торцов. Потом Стометровая Дорожка, потом Колодец, потом Станция и чуть севернее Дом Лесника.

В той стороне в песке часто попадаются ружейные и пушечные гильзы, пулеметные ленты и всякие другие железки, видимо, еще со времен гражданской войны, потому что немцы сюда не доходили. И полузасыпанные окопы и воронки.

На северо-западе поближе стоит Домик-для-душа, но душ не работает.

Дальше — Желтая Аудитория, в которой занимаются слушатели Академии. Это бревенчатый дом, наполовину врытый в землю. Что-то партизанское напоминает.

К западу от Желтой Аудитории есть Песчаный Холм, поросший молодыми соснами. Самые высокие из них не

выше головы маленького человека. Присядь и ты увидишь лунки в песке. Это муравьиный лев делает лунку, когда прячется в песок. Когда муравьиный лев чуть пошевелится, песчинки тихо осыпаются в лунку. Поэтому и говорят: «прелесть малого движения».

Еще дальше — МедСанЧасть. А потом Длинный Дом, в который нас сначала поселили, а потом оттуда выселили в центр мира. А еще дальше среди молодых сосенок уходит из лагеря песчаная дорога, очень-очень песчаная, с мягким, теплым, мелким песком. Дорога петляет, петляет и выходит к Озеру.

Здесь пляж. Здесь солдаты и офицеры прыгают с вышки. Здесь я учусь нырять. И учился плавать, но так и не научился. Правее по берегу, где трава подходит к самой воде, в этой воде водятся головастики. А противоположного берега нет, вместо берега Озеро переходило в Болото. Говорят, что вода уходит туда, под Болото далеко-далеко, и даже кого-то как-то раз вода туда утащила и обратно не выпустила. Утонул.

Прямо на север от Домика в центре мира Белая Поляна, усеянная белыми тысячелистниками. Через поляну идет тропинка и приходит к Библиотеке. В Библиотеке я беру книжки. Иногда там показывают кино.

*Тысячелистника белое поле и сосны вдали.
Тысячи дней между нами туманом легли.
Не перейти через поле по узкой тропе.
Вниз уплываю по времени желтой реке.
Вдоль берегов бесконечной равнины простор.
Друга я встречу и долгийведу разговор.
О тысячелистнике детства закончу рассказ,
а желтые воды уже разделяют и нас.
Солнце уходит и мрак обступает ночной.
Тысячелистника белое поле горит надо мной.*

Чуть восточнее Библиотеки и немного поближе к центру мира стоит Синяя Аудитория, в которой занимаются слушатели академии. Этот дом похож на господский дом помещицкой усадьбы, но не очень богатого помещика, дом деревянный.

Там я знакомлюсь с китайцем. Он потом приходит ко мне в гости в Москве, в квартиру № 11 дома № 57 по Бакунинской улице.

Но это другая история.

Кроме советских людей, в Академии учатся слушатели из трех стран: Болгарии, Германии и Китая. Ну, с Китаем понятно. Мы тогда помогали китайцам. Сначала помогали Чан Кай-ши воевать с японцами. Потом Гоминьдан рассорился с коммунистами, и мы стали помогать коммунистам. Потом, в 49-м году образовалась Китайская Народная Республика, и вот из Китая приезжают учиться военному делу. Германия — это, конечно, ГДР. После войны прошло всего десять лет. Болгары были союзниками Гитлера. Но почему-то я не вижу никакой неприязни к тем и другим.

Дальше на северо-восток — Баня. Еще восточнее и дальше — Полигон. Меня как-то раз берут туда ночью на стрельбища, и я смотрю, как по черному небу летят светящиеся линии, это трассирующие пули и снаряды. Я стою в блиндаже и смотрю на все это, а офицеры мне что-то объясняют, а что я не запомнил.

Перед входом в Библиотеку круглая клумба с высокой вазой в центре. Там все фотографируются. От клумбы идет аллея на восток. Туда, где Спортивная Площадка, я уже говорил: турники, брусья, козлы, кольца для баскетбола, сетка для волейбола, и все что надо для прыжков в длину и прыжков в высоту.

А еще дальше — Большая Столовая. Но я там был один или два раза. Мы обедаем в своем Домике, а еду готовим

на печке и, может быть, на керосинке или круглой электрической плитке.

На восток от центра мира еще один домик — Домик Художника. Оказывается, в военном лагере нужен художник, он рисует плакаты. Чуть дальше Главный Вход в лагерь, только непонятно зачем: лагерь не огорожен, не считая штакетника, да и он есть не везде. С внешней стороны Главного Входа колея Железной Дороги, а дальше Лес. Но выглядит Главный Вход красиво, он высокий и белый, напоминающий китайские триумфальные арки пайлоу, о чем я тогда, конечно, не знал.

Дальше на восток начинаются Палатки, в которых живут слушатели Академии. Два длинных ряда Палаток с дорогой посередине. Большие трех-четырёхместные Палатки-с-кроватями. Бывало, что одни слушатели уезжают, а другие еще не приезжают. И тогда я нахожу в этом Палаточном лагере обертки от бритвенных лезвий с интересными картинками и надписями на иностранных языках.

Еще дальше на восток располагается большой дом, в котором размещается Штаб военного лагеря, там же телефонная станция, где моя мама работает телефонисткой, потому что чертить ей в лагере нечего было.

За Штабом стоят дома, в которых живут офицеры с семьями. Это самые хорошие дома, большие, крепкие, с высокими крылечками, не то что наш Домик. Там я с ребятами иногда играю, мы бросаем дротики в цель. А как-то раз устраиваем детский праздник, и мы с моей младшей сестрой изображаем какие-то смешные сценки, из которых помню только «Кто последний? Я за вами», а потом почему-то «за огурцами», а в другой сценке сестра должна падать и притворяться мертвой, не знаю, почему и зачем.

Ну, вот и все. Хотя нет, я же не сказал, что с другой стороны Железной Дороги.

На юг от центра мира, сразу за Железной Дорогой находится Полоса Препятствий для тренировки солдат. Мне нужно ее всю преодолеть: где-то проползти, естественно, по-пластунски, пройти по бревну, перепрыгнуть через заборчики, перелезть через стенки, а в конце находятся Высокие-превысокие Стенки с двумя окнами: пониже и на самом верху. Конечно, можно просто обойти Высокую Стену, но это было бы нарушением ритуала. Дети, играя в «войну», обычно используют нижний путь, но тот, кто не боится и поднимается до верхнего окна, видит солнце в небе.

Недалеко от Полосы Препятствий можно собирать белые грибы и землянику. А если идти по шпалам, то дальше справа в Лесу можно найти небольшое болотце с голубикой, которую еще называют гонобобель, а моя бабушка называет «пьяницей». Мы делаем варенье и наливку.

А еще дальше по шпалам, не близко, справа на юге увидишь Большое Болото. Вблизи Железной Дороги оно заросло мхом и тощими березками. Здесь собирают подберезовики, подосиновики и клюкву. А дальше трясина, она доходит до горизонта, но не там ее предел. Ты видишь далеко-далеко черточки мертвых деревьев. Не дойти до них. Но и деревья не предел. И неизвестно — что там? О, если бы пройти Болото из конца в конец! Есть ли земля на другом краю? Что это за земля? Ты никогда не узнаешь этого.

Забыл сказать, что рядом с нашим Домиком были Качели. К двум высоким соснам, стоящим рядом друг с другом, приделана железная палка, с нее спускаются веревки к сидению. В первое же лето 54-го я качаюсь на качелях, и ко мне подходит знакомиться соседская девочка Оля, дочка художника из Домика Художника.

*Между двух колонн сосновых,
державших зеленое небо,
задумчивые качели
поднимают и опускают мир.
И мама еще молодая.
И бабушка еще живая.
Подходит старушка,
ах нет, она еще девочка.
Качели подхватывают ее улыбку,
взлетающую птицей,
и ветер уносит ее далёко-далёко.
«Как тебя зовут?» — спрашивает девочка.
И он называет имя и отчество,
фамилию, должность и звание.*

А в другом домике живет девочка Нина. Мы дружим втроем. Домик называется Домик-с-открытой-дверью. В нем два входа и две комнаты, но в одной никто не живет. Дверь открыта. Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно укрыться в пустом доме. И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по тропинкам земли. Если другой человек тоже спрячется здесь от дождя, можно смотреть вместе. Это называется встреча людей. Неважно, обменяются ли они взглядами или словами или прикосновениями. Чувство соприсутствия подобно воде омоет их души и соединит струями, прозрачными и осязаемыми как струи дождя. Они промокнут с головы до ног. Поэтому и говорят: «Встреча людей подобна проливному дождю».

Железная Дорога пересекает мир с запада на восток, и с востока на запад. Иногда по Железной Дороге проходят поезда. Это бывает редко, но это означает, что связь с другими мирами существует. Поезда пересекают мир с

запада на восток и с востока на запад. Можно смотреть на них, когда они проходят через мир. Поезда проходят не останавливаясь. Поэтому и говорят: «Нет ничего печальнее Железной дороги».

*Сосны высокие, очень большие,
маленькая девочка, ржавый пулемет.
Станция старая, крыша дырявая,
по блестящим рельсам паровоз придет.
Техника военная, солдаты, офицеры,
Дамы в белых платьях, слуги в стуртуках.
По песку проходят они мимо колодца.
У колодца мальчик с цепью в руках.
Медленно выходит из избы смотритель,
у него собака и ружье в руках.
Солнце засверкало, стало очень жарко,
из-за леса ветер летел и прилетел.
Мелкие песчинки двигаются тихо,
из ведра вода капает на них.
Рыжая собака, зеленая ограда,
по блестящим рельсам паровоз ушел.
Техника закопана, солдаты разбежались,
офицеры в лес ушли, слуги — в стуртуки,
Дамы в белых платьях — стали одуванчиками.
Рыжая собака по тропе бежит.
Мальчик не уходит, он стоит и смотрит,
борода топорщится и нога болит,
он в избу заходит, ведро на лавку ставит,
вешает на гвоздь старое ружье.
И оно не выстрелит больше никогда.
Сосны высокие, очень большие,
маленькая девочка, ржавый пулемет.*

Нина Левина

Живет в городе Керчи, пишет реалистическую и фантастическую прозу. Рассказы публиковались в литературных журналах: «Сибирские огни», «Странник», «Автограф», «МОЛОКО», «Белая скала», «Литературный Крым», «Литерра Нова», «ЕДИТА», «Luterra», «Машины и механизмы», в альманахе «Полдень», фэнзине «Притяжение», а также вошли в различные печатные сборники: «Покатилось жизни колесо», «Мой необычный друг», «Чужестранцы», «Паттерны», «Мастерская при храме», «Путевка в жизнь», «Крымское приключение» и многие другие. Дважды победитель фестиваля «Седьмое небо», Гран-при издательства «Настя и Никита», финалист и лауреат различных литературных конкурсов, среди которых: «Крымское приключение», «Удивительное рядом, но...», «Лебеди над Челнами» и др. Автор приключенческо-фантастических романов «Тайна тевтонского замка», «Сквозь портал», «Хранитель сфер», «Шахматы Тамерлана», «Наследник Тамерлана», «Кровавая заутреня», а также книг историй из жизни «Жизнь напролом». Член Союза писателей Крыма.

Голос любви

— В общем, Олег, все решено. Город дал добро, план застройки утвержден. К расчистке этой территории можно приступать хоть завтра, — докладывал юрист главе строительной корпорации — Олегу Петровичу Маслову.

Мужчины прогуливались по заросшим тропинкам заброшенного городского парка. Могучие дубы и платаны шелестели кронами в вышине, под ногами шуршали бурые прошлогодние листья, буйные кусты сирени сплелись в объятиях с одичавшими розами.

— Хорошо, — кивнул Олег и повел рукой. — Вот это все выкорчем под ноль. Возведем комплекс многоэтажек, торговый центр с подземным паркингом... А это что? — Он остановился, увидев за кустарником полуразвалившийся двухэтажный домик в резных кружевах с просторной деревянной террасой.

— Да вроде жили тут одни чудаки-музыканты когда-то, лет сто назад, — пожал плечами юрист. — Концерты бесплатные давали.

— Интере-есно, — протянул Олег и, повинувшись внезапному порыву, зашагал в сторону дома.

— Ты куда? Там сгнило все от старости!

Но Олег лишь отмахнулся.

Ветхий настил террасы скрипел под тяжестью его шагов, входной двери не было, оконные рамы зияли пустотой. Олег заглянул внутрь, поморщился от ударивших в нос запахов и хотел развернуться, как вдруг заметил в темном углу мелькнувший подол белого платья. Олег замер от удивления, а потом решительно шагнул в дом. В полумраке он разглядел остов рояля без клавиш, а в углу — лестницу на второй этаж. Олег с сомнением потрогал ногой дряхлые ступени, но сверху слышались тихие,

трогательные звуки, словно кто-то несмело выводил грустную мелодию на скрипке.

— Эй, кто там? — крикнул Олег и начал подниматься, не дождавшись ответа.

Старое дерево крошилось под ногами, но он шел навстречу мелодии, а потом что-то громко треснуло совсем рядом, и Олег от неожиданности зажмурился...

...В сером нависшем небе блеснула молния, и через секунду раскат грома потряс воздух. Ветер пронесся в кронах молодых дубов и платанов, но собравшиеся перед террасой люди не думали расходиться — стройная женщина в белом атласном платье играла на скрипке. Мелодия подхватывала, кружила, возносила и обрушивала, заставляя замирать сердце и стонать душу. Олег стоял в дверях дома и видел, как, не стесняясь, плакали все: мужчины в строгих костюмах, дамы в старомодных шляпах и пышных нарядах, группа молодых людей в картузах, сдвинутых на затылок, и простоволосые девушки в длинных скромных платьях. А по вымощенным дорожкам парка, вьющимся среди ухоженных цветочных клумб, спешили новые слушатели к импровизированной сцене.

— Это «Лето» Вивальди, — вдруг произнес голос рядом с Олегом. Мужчина обернулся и увидел седого благообразного старика в смокинге. — Сегодня сама природа внесла гармонию в это произведение, вы не находите?

— Да... конечно... — пробормотал Олег. — А кто...

— Когда дочь ослепла, — продолжал старик, — для нее это оказалось самым тяжким испытанием после смерти матери. Разбежались светские подружки, жених отменил помолвку. Все, что осталось — музыка. Она не позволила ей впасть в отчаяние и вернула к жизни.

В это время мелодия закончилась. С минуту слышался лишь шелест ветра и ворчание уходящей грозы, а потом

грянули аплодисменты. Женщина быстро поклонилась, прижав руку к груди, снова взмахнула смычком... и торжествующие звуки симфонии Моцарта, словно гимн свету, взметнулись в небо.

— Музыка объединяет всех, она не имеет классовых границ, для нее не существует богатых и бедных. Музыка — это голос любви, исцеляющий души, — продолжал говорить старик, но Олег не слушал его.

Мелодия разворошила давно забытые воспоминания, бережно достала их из потаенных уголков сердца и закрутила ярким калейдоскопом. Перед глазами проносились картины детства — игры в догонялки на пыльных улицах, велосипед, ободранные коленки, поездки в деревню, дуг, река, шумные гуси, летний ветер и тихий накат волн на песок. Нежные рассветы и огненные, пылающие закаты... Когда же Олег перестал замечать окружающие его чудеса? Когда променял их на мнимый престиж и количество нулей на банковском счету?

— Простите, мой выход. — Старик чинно поклонился Олегу и поспешил к стоявшему на террасе роялю.

Длинные худые пальцы тронули клавиши, и мир снова преобразился, погруженный в печаль «Лунной сонаты» Бетховена. Скрипка вторила роялю, и Олег вдруг понял, что плачет так, как давно уже не плакал...

... — Олег! Олег Петрович! — тормозил его юрист. — Ты жив? Да что ж такое!

— Все в порядке, — произнес Олег и открыл глаза.

— Ну слава богу, очнулся! Меня видишь? В глазах не двоится? Лежи-лежи, я скорую вызвал. Вдруг сломано что-то, а может, инсульт или инфаркт. Говорил тебе — не ходи. Угрозило же с лестницы навернуться!

— Да хорошо все со мной, — отмахнулся Олег и сел. Взглянул по-новому на старый дом, на вековые деревья, на

заросшие тропинки и вдруг усмехнулся пришедшей в голову шальной мысли...

* * *

Через два года состоялось открытие новой городской больницы, возведенной в старом парке корпорацией Олега Маслова. Парк расчистили и облагородили. Среди цветущих клумб вились аккуратные дорожки, а могучие деревья соседствовали с молодыми саженцами. На месте заброшенного дома, в окружении лавочек, красовался великолепный музыкальный фонтан, и звуки бессмертных классических мелодий неслись в палаты и операционные, пробуждая в людях надежду и веру в чудо. Дополняли композицию фонтана две скульптуры из белого мрамора — старик в смокинге, сидящий перед роялем, и стройная женщина в старомодном длинном платье, играющая на скрипке...

Корвельский антистрессник

Фантастика

— Да ты совсем рехнулся, Влад! — Мать всплеснула руками, задела блюдце, стоявшее на столе, и оно звонко упало на пол, рассыпавшись осколками. — Немедленно откажись!

— Поздно, я уже дал согласие. Мою кандидатуру утвердили.

Влад нажал кнопку вызова домашнего помощника, и тот, деловито гудя, прикатил в кухню и занялся уборкой битой посуды.

— Целых полгода заточения у черной дыры! И все из-за какой-то легкомысленной девицы! — Мать обхватила голову руками и с сожалением посмотрела на сына. — Она не стоит таких страданий. Неужели ты не понял, что она крутила с тобой несколько месяцев, только чтобы досадить своему бывшему и вернуть его внимание?

— Я все понял, мам, — тихо ответил Влад. — С самого начала знал это. Просто надеялся, что ошибаюсь. Поэтому и хочу пожить в одиночестве какое-то время, чтобы разобраться в себе.

— Ну так и живи! Тебе на Земле мало мест для уединения? Или на Марсе?

— Это все не то...

— Можно отправиться в систему Барнарда, — не унималась мать. — Там есть специальные санатории с прекрасными оборудованными комплексами. Правда, стоить такой отдых будет немало, но можно оформить кредит...

— Мама! — Влад повысил голос, и мать внезапно осеклась. — Мне двадцать семь лет. Все решено. Через три дня вылет на орбиту, а еще через неделю подготовки и

адаптации – старт к наблюдательному пункту. И не надо так волноваться, — он смягчил тон и обнял мать за плечи. — Это обычная полугодовая вахта, плюс-минус пара месяцев погрешности.

— Вблизи черной дыры, — всхлипнула женщина, — с нестабильным течением времени, вдали от населенных или изучаемых планет. Один-единешенек посреди космической пустоты, на станции с постоянно отключающимся оборудованием.

— Ну мам, не надо так драматизировать. — Влад обнял мать за плечи. — Знаешь, сколько было желающих на место? Это обычная работа, за которую, кстати, очень хорошо платят. Полгода пролетят быстро, ты и соскучиться не успеешь.

— Весь в покойного отца, — мать улыбнулась сквозь слезы, — для того тоже все было обычной работой...

Через три дня, провожая Влада перед вылетом на орбиту, вместе с напутствиями мать вручила ему прозрачный стеклянный контейнер в форме цилиндра.

— Что это? — удивился Влад, рассматривая невысокое растение за стеклом. Его гибкий покачивающийся синий стебель с крохотными ворсинками-листьями венчала пушистая желто-зеленая светящаяся сфера. — Инопланетный одуванчик?

— Это корвелльский антистрессник. Возьмешь его с собой! И не возражай! — Женщина предостерегающе подняла руку. — Мы почти закончили их исследование в лаборатории космофлоры. Потрясающее растение! Источает оздоравливающие нервную систему фитонциды и виброэмоции, выделяет море кислорода, поглощая углекислый газ. Плюс успокаивающая цветотерапия. Через месяц-другой начнутся его поставки с планеты Корвелла, а пока... — она понизила голос. — Мы с коллегами себе по одному вырастили, для домашнего пользования...

— Мам, ну зачем мне антистрессник? — удивился Влад. — Я успешно прошел тестирование, моя нервная система в порядке.

— Я тебя умоляю! Разве могут бездушные тестирующие программы сравниться с материнским сердцем? Что они понимают в тонкостях ранимой сыновьей души? — фыркнула мать. — Бери, говорю!

— Да его не пропустят контролирующие службы! — не сдавался Влад.

— Пропустят, я узнавала. Наблюдатель может взять с собой один эмоционально близкий органический объект весом до трех килограммов — питомца или комнатное растение.

— Хорошо, — сдался Влад. — Возьму. А как за ним ухаживать? Чем поливать?

— Обычной водой раз в две недели. Он очень экономный и неприхотливый. Ну, сынок, до свидания! — Мать обняла Влада. — Береги себя!

* * *

Шаттл-развозка вахтовиков землян уверенно и быстро продвигался по заданному маршруту — от системы к системе, от планеты к планете. Весь долгий путь, занявший три недели, Влад наблюдал, как выходят на разных станциях группы людей, сосредоточенные и серьезные, готовые заступить на работу, и вместо них появляются те, у кого закончился срок контракта. Шумные, возбужденные от предвкушения дороги домой, они громко заказывали напитки, делились впечатлениями, хохотали и хлопали друг друга по плечам. Влад не принимал участия в их веселье, и к концу поездки вокруг него словно образовался вакуум.

Наконец развозка вынырнула из подпространства вблизи маленькой безжизненной планеты MZ-437, конечного пункта маршрута, и Влад, вежливо махнув всем на

прощание рукой, прошел в транспортировочный модуль. Он быстро отстыковался и направился по радиосигналу к наблюдательной станции, где ему предстояло провести шесть месяцев по земному исчислению. На мгновение приветственно блеснули яркие огни проносящегося мимо транспорта — сменщик Влада спешил к отправляющемуся в обратный путь шаттлу. Из-за близости черной дыры и гравитационных всплесков течение времени в этой точке космоса могло быть нестабильным, поэтому корабль не должен был задерживаться ни на минуту.

Станция встретила Влада чуть слышным гулом работающего оборудования и дежурным рукопожатием андроида старого образца. Он что-то прогудел, кажется, на французском, и мужчина поморщился:

— Русский, пожалуйста.

Андроид замер на пару секунд, словно раздумывая, а потом произнес:

— Добро пожаловать! Меня зовут Жан. Системы жизнеобеспечения в порядке. Кофе или чай? Настроить душ? Постирать вещи?

— Ясно, — пробормотал Влад, осматривая Жана. — Обычный бытовой помощник. Ну хоть стирать и застилать постель за собой не придется. Кофе и яичницу, пожалуйста. И не забудь разгрузить модуль. Там запас продуктов, сменных деталей и других полезных вещей.

— Будет сделано! — отрапортовал андроид и засемянил на кухню, а Влад огляделся.

Наблюдательная станция представляла собой постройку, состоящую из ангара для транспортировочного модуля и жизнеобеспечивающего оборудования, жилого отсека и непосредственно обсерватории. В жилом отсеке находились условная спальня с неширокой кроватью в нише, санузел, кухня, отделенная прозрачной перего-

родкой, и просторный холл с несколькими тренажерами, удобным мягким диваном, круглым обеденным столом и двумя тумбочками для мелочей.

— Квартира-студия для одинокого холостяка, — резюмировал Влад. — А ты молодец, Жан! — крикнул он в сторону кухни. — Порядок образцовый!

— Я стараюсь, — проговорил андроид.

Дверь, ведущая в обсерваторию, неслышно въехала в стену, лишь только Влад назвал голосовой код.

— Вот это да! — Мужчина не смог сдержать эмоций, войдя в просторное помещение под прозрачным куполом.

Открывшийся перед ним вид завораживал и потрясал. В черной бездонной пустоте сияли мириады звезд. Причудливыми, светящимися облаками выглядели их многочисленные скопления. Среди них ярким голубоватым фонарем выделялась звезда, вокруг которой вращалась планета MZ-437. Холодный свет заливал безжизненную неровную поверхность, создавая мрачные тени. На какое-то мгновение Владу показалось, что он вышел в открытый космос, и мужчина невольно схватился рукой за стоящее неподалеку кресло. А потом он увидел то, ради чего сюда прибыл — черную дыру, точнее светящееся яркое пятно ее эргосферы, за которой начинался горизонт событий. Изучаемый космический объект, возникший в результате звездного коллапса, находился на далеком, безопасном расстоянии и по классификации относился к маленьким, всего лишь в пять раз превышающим размеры Солнца. Но Владу все равно стало немного неуютно, и он впервые пожалел, что решил таким необычным способом «разобраться в себе».

— Ничего, привыкну, — пробормотал он, окидывая взглядом обсерваторию. — Справлюсь не хуже других.

Планета MZ-437 находилась в оптимальной точке, с которой можно было вести наблюдение за черной дырой с

похожим названием — XJ-437. С освоением глубин галактики было обнаружено уже несколько сотен подобных образований, и активность большинства из них находилась под постоянным контролем. Основную работу выполняла автоматика, она же регулярно отправляла собранные данные на ближайшие населенные планеты, а оттуда они передавались на Землю. Было только одно «но». В черную дыру нередко попадали космические объекты, вызывая всплеск гравитационных волн, расширение эргосферы и временные колебания. Мелкие объекты оказывали слабое влияние, а вот всплески от крупных докатывались до станции наблюдения, полностью отключая автоматику. Резервные системы также оказывались бесполезными, и приходилось запускать оборудование вручную. Именно для этого на станциях дежурили наблюдатели. Случалось, что за всю смену не было ни единого сбоя в системе, а иногда они следовали один за другим.

— Мне разложить ваши вещи? — в дверном проеме появился услужливый Жан.

— Не надо, я сам.

Влад вышел из обсерватории. Компактный чемодан и дорожная сумка дожидались его посреди холла.

— Что ж, — пробормотал он, извлекая из сумки контейнер с растением, — добро пожаловать на временное место обитания, Кас.

Влад осторожно снял стеклянный колпак и поставил основание, заполненное субстратом на одну из тумбочек. Кас (Влад решил так сократить название корвельского антистрессника) несколько раз изогнулся, словно кланяясь в разные стороны, потом вытянулся в струнку и зашелестел ворсинками. Пушистая желто-зеленая сфера вспыхнула на какое-то время оранжевым, а потом снова вернулась к прежним цветам. Влад уже наблюдал подобные метаморфозы, когда извлекал растение в дороге для

полива, и поэтому не удивился. Он оставил Каса в покое, быстро разложил вещи и приступил к приготовленной Жаном модифицированной яичнице.

Пока Влад ел, андроид сообщил ему обо всех видах проведения досуга доступных на станции. В наличии была обширная электронная библиотека, большой выбор фильмов и развлекательных программ, одобренных к пользованию на отдаленных космических объектах специальной комиссией по надзору. Кроме этого имелся доступ к играм, различным программам самообразования, словарям, лингвистическим анализаторам и виртуальным экскурсиям. В общем, при желании время, отведенное для вахты, можно было потратить с большой пользой. Предыдущий наблюдатель, видимо, увлекался живописью, и в распоряжении Влада оказался оставленный им великолепный трехмерный холст с кучей художественных приложений и почти наполовину заполненный цветными пигментами для творчества. Но Влада все это мало интересовало. Он прибыл на станцию, чтобы побыть наедине с самим собой, исцелить разбитое сердце и в философских размышлениях постигнуть тайны человеческой души.

Потянулись длинные однообразные дни. Влад ориентировался на таймер, указывающий двадцать четыре часа земного времени, а не на затяжные дни и ночи планеты. Мужчина любил подолгу сидеть в обсерватории, вглядываясь в звездную россыпь и вспоминая ту, что воспользовалась им для восстановления угасающих чувств другого мужчины. Нет, он не злился на нее, просто не мог понять, почему позволяла манипулировать собой так долго. Времени для раздумий хватало, и Влад снова и снова прокручивал в уме события последних месяцев. Жан не докучал ему болтовней. Андроид оказался на редкость понятливым и обычно не начинал разговор первым, дожидаясь реплики от наблюдателя.

Одиночество и тишина действовали на Влада умиротворяюще. А может быть, не только они. С самого прибытия Влад стал замечать, как в зависимости от его настроения меняется расцветка Каса. Стоило Владу вспомнить о нанесенном унижении и почувствовать нарастающую обиду, как растение начинало с шелестом перебирать ворсинками-листьями, словно привлекая к себе внимание. Его пушистая сфера быстро меняла цвета с темно-синего на фиолетовый, иногда высвечивая вкрапления розового и зеленого. В такие моменты Влад не мог оторвать от Каса удивленного взгляда и наблюдал за растением, пока оно медленно возвращало себе привычный желто-зеленый цвет. Вместе с этим менялось и настроение Влада. Обида уходила — оставалась лишь легкая грусть и ободряющая надежда.

— Похоже, ты и правда антистрессник, — говорил Влад, поглаживая синий стебель. — Мама, как обычно, оказалась права.

Первый гравитационный всплеск произошел спустя две недели пребывания на пункте наблюдения. Влад проснулся от резко накатившей тошноты и громких щелчков отключающегося оборудования. Хотя он и был готов к этому, но спросонок испугался, вскочил с кровати и в панике заметался по жилому отсеку, погрузившемуся в полумрак. Болела голова, ноги и руки казались ватными. Безжизненным механическим трупом на полу лежал Жан. Ярким красным фонарем запульсировал Кас, затем сменил цвет на оранжевый и вдруг засветился тепло и солнечно. Влад словно перенесся в детство, на летнюю поляну, и почувствовал, как становятся ясными мысли и отступает паника. Действуя согласно инструкции, он вручную запустил системы поддержания жизнедеятельности и включил оборудование в замершей обсерватории. Судя по зафиксированным данным, гравитационный всплеск ока-

зался слабым и непродолжительным. Вскоре все вошло в привычные нормы, и по жилому отсеку деловито сновал Жан, занимаясь уборкой.

Снова потянулись обычные дни. Прямой связи с Землей не было, но регулярно приходили сухие информационные сообщения из координационного центра и трогательные видеописьма от матери, согревающие душу. Влад теперь все реже и реже вспоминал ту, из-за которой прибыл на станцию. Она больше не волновала его сердце, и он внутренне удивлялся, как мог страдать столько времени по пустой, жестокой женщине. Он с головой погрузился в чтение, занялся восстановлением физической формы на тренажерах, часами слушал музыку и пересматривал фильмы. Как-то попробовал что-то изобразить на трехмерном холсте, но вышла одна неуклюжая мазня. Со временем все занятия наскучили Владу. Он отверг робкие предложения Жана сыграть с ним в шахматы или старинные нарды и заскучал. Часами мог валяться на диване или сидеть в обсерватории, глядя в космическую бездну. Так продолжалось недолго. Вскоре Влад нашел себе новое занятие и погрузился в него с головой.

А произошло это сразу после получения видеосообщения от нее. С завидным актерским мастерством, трогательным, срывающимся голосом, с застывшей искусственной слезинкой в уголке глаза она сообщала, что их с Владом расставание было огромной ошибкой с ее стороны. Никто и никогда не любил ее так, как Влад — идеальный во всех отношениях мужчина, которого она покинула ради ничтожества, оставившего ее одну во время путешествия к системе Альфа Центавра. Она всхлипывала и умоляла Влада простить ее, сожалела, что он отправился к далекой черной дыре и манила обещаниями ждать его возвращения, чтобы навсегда сделать счастливым... Влад не досмотрел до конца и стер запись. Все спокойствие, приобретенное

на MZ-437, словно рукой сняло. Сгоряча он записал краткое ответное послание, где советовал бывшей даме своего сердца отправляться в дальний маршрут, гораздо дальше системы Альфа Центавра, и забыть о его существовании, затем в ярости пнул тумбочку ногой, перевернул кровать и ударил кулаком в стену, разбив руку до крови. Злость клокотала в его душе — почему эта дрянь решила, что об него можно вытереть ноги, а потом позвать, думая, что он примчится с желанием и далее быть униженным?

Громко и настойчиво зашелестел Кас. Влад взглянул на растение и поразился темным, мрачным цветам, сменяющим друг друга на пушистой сфере. Словно шторм чувств и негативных эмоций бушевал в цветке, изредка озаряясь багровыми и фиолетовыми всполохами. Глядя на цветовую гамму, постепенно успокаивающуюся и меняющуюся на привычный желто-зеленый, Влад позабыл о неприятном сообщении, а в голове мелькнула невероятная мысль, за которую он ухватился и со всем жаром принялся за ее осуществление. Что, если Кас разумен и пытается что-то сказать Владу?

Он выбрал лингвистический анализатор с наибольшим набором функций и крикнул от досады, увидев, что он настроен лишь на восприятие звуков и жестов. Это было не то, и Влад засел за компьютер, пытаясь создать приложение по восприятию и преобразованию цвета. Он промучился больше недели, призвав на помощь все свои навыки программиста, прежде чем ему удалось загрузить новый продукт в анализатор. Затем Влад потратил несколько дней на ввод данных — имеющихся изображений и четкого описания изменений цветовой гаммы Каса в зависимости от смены своего настроения и эмоций.

Закончив работу, Влад с замиранием души запустил анализатор и... разочарованно застонал, получив в результате пустой экран. Ничего! Теория Влада о разумно-

сти Каса разбилась вдребезги. Мужчина в досаде швырнул анализатор на диван и, тяжело вздохнув, предложил Жану сыграть в шахматы.

Второй гравитационный всплеск не застал Влада врасплох. Паники больше не было. Не обращая внимания на тошноту и тяжесть в голове, он запустил оборудование и приготовился ждать нормализации показателей. В этот раз всплеск оказался длительным, голова не проходила, и Влад чувствовал давление в грудной клетке. Чтобы не заикливаться на своем состоянии, он решил мысленно отвлечься и занять себя чем-нибудь. Взгляд упал на трехмерный холст, стоявший перед диваном. Мужчина запустил его и начал рисовать. Точнее говоря, создавать нечто объемное и бессмысленное. Постепенно под управлением Влада на холсте проступили контуры темной сферы в оранжевом светящемся ореоле, и мужчина довольно улыбнулся, созерцая свое творение.

— Чем не черная дыра? — пробормотал он, и тут его внимание привлек Кас.

Стебель растения изгибался, словно исполняя танец, ворсинки непрерывно шелестели, а пушистая сфера переливалась разноцветными яркими огнями.

— Что бы это значило? — удивленно проговорил Влад, забросил рисование и схватил анализатор. Быстро ввел в него видео с танцующим Касом, задал условия возникновения изменений и дал команду провести анализ. Несколько минут на экране крутилась заставка ожидания, а потом прибор пискнул, сообщая об успешно выполненной операции.

— Вот это да, черт возьми! — воскликнул Влад, в удивлении переводя взгляд с Каса на экран анализатора. Но запись никуда не исчезла, черными буквами на белом фоне было написано: «Эмоции: радость, удивление. Текст: Ты умеешь говорить».

От волнения Влад взъерошил волосы. Получается, что его теория о разумности Каса вовсе не бессмысленна? Он с ним общается! Не звуками и не жестами, а определенным набором цветов! И сейчас Влад совершает открытие! Какое-то время он ликовал, а потом в душу закралось сомнение. Может, это обычная случайность. Просто анализатор что-то напутал и выдал желаемое за действительное. Влад подумал и решил проверить свою теорию, послав ответное сообщение.

— Ты разумный? Можешь разговаривать?

Он продиктовал это в анализатор, и тот вскоре выдал на экране разноцветную сферу. Влад тщательно скопировал ее на трехмерном холсте и принялся ждать реакцию Каса. Она не заставила себя долго ждать. Цветовая гамма пушистой сферы сменилась, и вскоре Влад получил сообщение: «Эмоции: удивление. Текст: Я умный, говорю всегда. А ты долго молчал, но я чувствовал».

— Вот вам и корвелльский антистрессник, — пробормотал Влад, вытирая пот со лба и усаживаясь на диван. — Он все время со мной общался, а я и не знал. Только чувствовал, как меняются мои эмоции под его воздействием. Стоп! А что же тогда в переводе с корвелльского вот это?

Мужчина вскочил и нарисовал желто-зеленую сферу — обычный вид Каса. Ответ пришел быстро. «Эмоции: печаль, радость. Текст: Мой дом далеко. Скучаю. Я живу — это хорошо. Надеюсь, вернусь».

— Так вот оно что. — Влад растроганно погладил синий стебель. — Ты постоянно скучаешь, но не падаешь духом. Ты рад тому, что жив, и всегда надеешься снова вернуться домой. Ты — нестигаемый оптимист, и даришь окружающим успокоение и надежду. Я понял тебя! — Мужчина склонился над Касом. — Так вот, слушай. Я обещаю тебе помочь, как только вернусь на Землю. И всем твоим братьям. Весь мир узнает, что вы разумны. Только потерпи немного.

С этого момента жизнь Влада на станции полностью изменилась. Он был поглощен общением с Касом и радовался как ребенок каждой новой фразе. Многого, правда, узнать не удалось — слишком примитивным было приложение, созданное Владом, но и его оказалось достаточно, чтобы вести беседу с собратом по разуму.

«Ты животное или растение?» — спрашивал Влад.

«Непонятно. Я живой», — отвечал Кас.

«Ты мальчик или девочка?»

«Непонятно. Я живой».

«Расскажи о своем доме».

«Это хорошо, хорошо, хорошо. Тихо, светло, спокойно».

«У тебя дома много разумных?»

«Живые — много. Не говорят, не слышат. Умные — много, такие, как я».

«Как ты видишь цвета? У тебя нет органов зрения».

«Непонятно. Я чувствую, говорю и слышу».

«Ты слышишь только сферические объекты? Цветные шары?»

«Слышу, когда говорят, как я»...

На разговор с Касом уходило много времени, ведь Владу приходилось создавать трехмерные картины, чтобы приятель понимал его. Тут явно требовался совершенно новый тип лингвистического анализатора, но у Влада не хватало знаний и возможностей для его создания. «Ничего, — думал он, — вернемся на Землю, заявлю об открытии, и тогда к делу подключатся специалисты». Матери он решил пока не сообщать о новом друге, надеясь в скором времени сделать ей сюрприз при личной встрече. Только сюрприз случился вскоре на MZ-437, и преподнес его совершенно неожиданно Кас.

В один из дней Влад заметил, что пушистая сфера друга стала бесцветной, почти как у земного одуванчика. Синий стебель перестал покачиваться, а ворсинки-листья плотно

прижались к нему. На все взволнованные вопросы Влада о самочувствии Кас не реагировал, а лингвистический анализатор выдавал лишь одно слово: «жить». Влад встревожился не на шутку. Он полил Каса, переставил его ближе к освещению, запустил резервную вентиляцию помещения, но все было напрасно — приятель не изменялся. С тяжелым сердцем Влад отправился спать, а проснувшись, чуть не станцевал от радости, увидев в субстрате рядом с Касом его крохотную копию. Малыш стоял на тоненьком синем стебле, и Владу показалось, что он приветственно кивнул ему желто-зеленой пушистой сферой.

«Я очень рад! Поздравляю!» — нарисовал Влад.

«Это хорошо. Не один дальше», — отозвался Кас.

И жизнь на наблюдательном пункте потекла своим чередом. Жан готовил еду и наводил порядок, а Влад общался с антистрессником, не забывая заносить все данные в память анализатора и мечтая о вселенской славе.

* * *

Тяжелый, липкий страх проник к самым внутренностям, сдавил холодными щупальцами сердце, взорвался яркой вспышкой в голове: «Смерть! Бежать!» Влад закричал и проснулся. Знакомые щелчки возвестили об отключившемся оборудовании станции. «Гравитационный всплеск», — подумал Влад, пытаясь встать, но ноги отказывались слушаться. Тело стало свинцово-деревянным, мысли заплетались одна за другую, и только паника нарастала и продолжала бить настойчивым: «Бежать! Бежать! Смерть!» Он взглянул на Каса — сфера ярко пульсировала багрово-красным, чередуясь с черным, нагнетая страх и ужас. Малыш не отставал от взрослого, и Влад почувствовал, как ледяной холод космоса проникает в его душу. Сознание вышло из-под контроля Влада, он перестал управлять собой и начал действовать инстинктивно,

подгоняемый чужим разумом, вторгшимся в его мысли. Он подхватил контейнер с антистрессниками и анализатор, на экране которого нескончаемым потоком ползли слова: «Бежать! Бежать! Смерть!» — прошел, едва не споткнувшись, мимо отключенного Жана и выбрался в ангар. Погрузился в транспортировочный модуль, запустил двигатель и нажал кнопку старта. Повинуясь его команде, створки входного шлюза медленно поползли в стороны, открывая путь к звездному небу...

Влад наполовину пришел в себя, лишь когда модуль покинул орбиту планеты и вышел в открытый космос. Мужчина удивился, заметив, что одной рукой прижимает контейнер с антистрессниками к груди. Продолжая повиноваться чужому влиянию, второй рукой он послал сигнал бедствия, а затем запустил таймер входа в подпространство. Где-то далеко мелькнула мысль, что корабль не сможет достигнуть ни одной населенной планеты, но тут же вместо нее пришла другая: я живу, я надеюсь...

* * *

Сначала появился свет — мягкий, голубоватый, приглушенный. Он пробился сквозь закрытые веки, заставил Влада зажмуриться и открыть глаза. Перед собой он увидел прозрачный купол, а за ним — белый светящийся потолок. Влад осторожно повернул голову и уперся взглядом в белую стенку, соединяющуюся с прозрачным куполом.

— Где я? — чуть слышно прошептал мужчина, и тут купол с шипением отрылся.

Над Владом склонилась молодая миловидная женщина, одетая в бежевый комбинезон.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Хорошо, — тихо проговорил Влад.

— Можете назвать свое имя?

— Да, — он кивнул, — Владислав.

— Верно, — женщина улыбнулась.

— Где я?

— В реанимационной капсуле. Сможете сесть?

— Постараюсь, — пробормотал Влад, поднялся, держась за протянутую руку, и с удивлением огляделся. Он находился в светлой чистой комнате, обстановку которой составляли белоснежные кушетки, прозрачные медицинские шкафчики и несколько реанимационных капсул. — А вы кто?

— Элен Живье, главный врач экспедиционного крейсера.

— Крейсера? — хрипло воскликнул Влад и закашлялся. — А как я здесь оказался?

— Мы поймали ваш сигнал бедствия недалеко от старой космической трассы. — Элен внимательно посмотрела на Влада. — Вы что-нибудь помните о том, как оказались в космосе?

— Я... нет... Кажется... — Влад замялся, напрягая память, и вдруг вспомнил все. Как бежал в панике, покинув станцию наблюдения под влиянием антистрессников, захвативших его разум. — О боже! — простонал он. — Я нарушил рабочий контракт, и все из-за Каса! Послушайте, Элен, — он схватил врача за руку, — мне надо срочно вернуться на пункт наблюдения! Это на планете MZ-437. Но сначала связаться с руководством и объяснить с ними! Это все проклятые корвельские антистрессники! Знаете, я открыл, что они разумны, и даже наладил контакт. Но они могут быть опасны! Они влезут в вашу голову, как в мою, и тогда...

Элен аккуратно высвободила свою руку из хватки Влада и посмотрела на него с сочувствием и легкой грустью.

— Вы только не волнуйтесь, Владислав, — произнесла она. — Мы запросили информацию, когда обнаружили вас. Двенадцать земных лет назад произошла трагедия.

Черная дыра XJ-437 поглотила соседнюю черную дыру гораздо меньшего размера. Она находилась совсем близко и потому не была зафиксирована. Поглощение сопровождалось стремительным расширением горизонта событий и эргосферы. Планета MZ-437 попала в зону активного искажения времени и пространства... — Элен помолчала, глядя на притихшего Влада, а потом продолжила: — Больше нет пункта наблюдения. Считалось, что наблюдатель погиб...

— Двенадцать лет назад? — в ужасе прошептал Влад. — Но я...

— Вы по-прежнему молоды, — улыбнулась Элен, — ведь для вас прошли лишь недели.

— Мама... — Влад обхватил голову руками.

— С вашей мамой все хорошо, ей уже сообщили о вас. Вы обязательно свяжетесь с ней чуть позже. Что касается корвельских антистрессников. Вам повезло, что это растение оказалось с вами в транспортировочном модуле. Мы обнаружили вас в крайней степени истощения и обезвоживания. Кислород в модуле давно закончился, и только присутствие антистрессника позволяло вам дышать.

— Вы сказали антистрессника?

— Да, — Элен опустила глаза. — Выжило только взрослое растение. С ним все в порядке, оно в комнате отдыха.

Влад застонал и в изнеможении снова лег в капсулу. Мысли стремительным галопом неслись в его голове. Двенадцать лет... Бедная мама... Неожданное слияние двух черных дыр... Получается, Кас с малышом успели выгнать его, когда начались временные искажения. Минуты, потраченные на эвакуацию с планеты, оказались годами на Земле. Какое счастье, что он успел убраться оттуда до начала пространственных изменений. Влад невольно пожегся, потом решительно поднялся и вылез из капсулы.

— Вы еще слишком слабы, чтобы передвигаться, — запротестовала Элен.

— Все в порядке, не волнуйтесь, — ответил Влад, оглядывая облачавшую его длинную белую рубаху. — Я хочу переодеться и срочно поговорить с мамой! Но сначала, — он улыбнулся, галантно подставив локоть доктору Элен, — проводите меня в комнату отдыха. Я должен увидеть своего спасителя и поблагодарить его. У вас на корабле найдется что-нибудь для трехмерного рисования?

* * *

— Мама, ты поступаешь неразумно! — Влад развел руками и едва не сбил на пол кофейную чашку. — Подумай о своем здоровье! Это может затянуться на год, а то и два. Откажись, пока не поздно!

— Все давно решено, я лечу с вами. — Мать смотрела на сына с веселыми искорками в глазах, как когда-то во времена своей молодости. — О моем здоровье не волнуйся. Хуже, чем за двенадцать лет твоего отсутствия, точно не будет. К тому же личный доктор всегда рядом. — Она обняла невестку и поцеловала ее в лоб.

Элен улыбнулась и положила руку на плечо мужа:

— Влад, ты должен понять ее. Она боится снова остаться одна...

Возвращение Влада на Землю принесло ему не только долгожданную встречу с матерью, но и вождеденную известность. Его открытие поразило научные сообщества, несколько лет изучавшие феномен антистрессников, но в ложных направлениях. Словарь, составленный Владом, расширялся и наполнялся, и вскоре в обиход вошли анализаторы, способные сами переводить речь в трехмерные цветные изображения. Наконец настал тот день, когда корвелльские антистрессники были официально призна-

ны разумным видом во Вселенной. Им принесли извинения за недоразумение и недопонимание. К Корвелле должен был отправиться корабль с ее коренными обитателями на борту, возвращающимися домой. Часть корвелльцев добровольно осталась на Земле, привыкнув к людям и местным условиям. Также на Корвеллу собиралась специальная миссия во главе с Владом, задачей которой было налаживание тесного контакта и обмен опытом в естественных условиях. И тут вдруг выяснилось, что мать Влада тоже собирается лететь, невзирая на возраст.

— Да все я понимаю, — пробормотал Влад. — А вы что скажете? — обратился он через анализатор к четырем сияющим антистрессникам. Среди них выделялся один, самый крупный, с чуть потускневшей сферой. — Кас, может, повлияете на нее или отговорите?

Ответ, появившийся на экране, заставил Влада хмыкнуть:

— Когда только успели стовориться против меня? Ладно, мам, добро пожаловать в члены экспедиции на Корвеллу. — Он поднес анализатор к губам и прошептал: — Летим домой, Кас.

Всеволод Круж

Родился в Москве, живет неподалеку, в соседней Калужской области.

Член Международного союза писателей «Новый современник».

Награжден медалями Ф. М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость» и «За заслуги в полиграфии и издательском деле».

Пишет прозу, стихи, пародии.

Печатался в журналах, газетах, сборниках. Изданы сборники рассказов: «Как это по-русски» и «Случилось так».

Организатор и член жюри многих литературных конкурсов в сети Интернет.

Директор издательства «Новый современник».

Красивая мелодия

Сегодня на пляже было ветрено. Пронизывающий бриз взбурлил морские волны, которые сердито набрасывались на гальку, оставляя клочья пены. Зонты, защищающие от солнца, раскачивались и предупреждающе хлопали матерчатыми крыльями.

Лезть купаться в беспокойное море не хотелось, и, видимо, не мне одному — народу на пляже было не много, да и те, кто пришли, не торопились раздеваться и настороженно вглядывались в линию прибоя.

Шум ветра и плеск волн навевали мелодию, пока еще неясную, но я знал, что скоро она обрстет оркестровым многоголосьем и ее звучание станет мощным, заполнив собой весь мир, полностью подчинив меня своей магии.

Так со мной бывало, довольно часто. И если сейчас заставить за партитуру и записать ноты для каждого инструмента, то обязательно получилось бы гениальное творение: соната, симфония, что там еще в музыке бывает...

Но беда была в том, что я не мог этого сделать. Не умел. Неуч!!! В детстве мама записала меня в музыкальную школу. Пару месяцев я скорее вымучивал, чем выучивал гаммы и простенькие пьески и искал любую возможность, чтобы сбежать от ненавистного фортепьяно на улицу к ребятне поиграть в прятки, салки, вышибалы... О сколько интересных занятий мы с друзьями придумывали!..

Через некоторое время я забуду эту мелодию. Как будто ее и не было. Напевание в диктофон не помогало. Потом, прослушивая свое невнятное бормотание, я только горестно вздыхал и мечтал о том, чтобы изобрели наконец такой прибор, который мог бы мгновенно переводить звучащую в голове музыку в компьютерный файл.

Я заметил место, куда можно прилечь, направился к груде лежаков, чтобы прихватить с собой один для боль-

шего комфорта. Одновременно со мной туда подошла и девушка неприметной, незапоминающейся внешности. Не в моем вкусе. С такой я бы не стал заводить курортный роман. Она раскачивала стопку лежаков и никак не могла отделить один от другого. Я помог.

— Спасибо! — дежурно поблагодарила, также не проявив ко мне интереса.

— Не за что.

Так бы и разошлись по разным сторонам пляжа, но у меня возникла идея.

— А вы местная?

— Ну не то чтобы местная, но живу здесь довольно долго.

— А не знаете, есть ли здесь преподаватель музыки?

О, если она ответит: «А зачем он вам?», то тут же развернусь и без извинений удалюсь. Терпеть не могу дурацкие вопросы! Какое ей дело, зачем? Я спрашиваю: есть ли?

— Музыкальной школы здесь точно нет. А вот соседка говорила мне, что вызвала настройщика, — привести в порядок фортепьяно.

Зря я распаялся. Нормально ответила, по существу. Плюстик тебе, серая мышка.

— Он может подсказать. А вы не могли бы дать мне знать, когда он придет? Хотелось бы переговорить.

— Хорошо. Дайте номер телефона.

Продиктовал. Попросил позвонить, чтобы убедиться в правильности номера. Подумал, как же ее записать в контакты? Нашел быстрый ответ — неважно. И набрал в поле «Имя» три буквы «А» — пусть будет первой в списке. На том и разошлись.

Мелодия успела выветриться из головы, на диктофон записать не успел. Да и смысла не было — напрасный труд. Придут другие, обязательно придут. Но пока я здесь и у меня куча свободного времени, почему бы не взять уроки музыки и не восполнить критические пробелы в образовании.

Времени было действительно много, примерно столько, сколько моря перед моими глазами. Время тягуче переливалось, когда волнуясь, а когда затихая и маня в неизведанные и туманные дальние дали. В нем можно было купаться, за ним можно наблюдать, но у меня наконец-то возникло желание его использовать. Во второй половине дня раздался звонок. «Ааа» — высветилось имя абонента.

— К соседке пришел настройщик. Если вы еще хотите с ним поговорить, подходите, дом 55.

— А по какой улице? — попытался я уточнить.

В трубке раздался смешок.

— У нас она одна, если вы еще не успели заметить. Поднимаетесь с пляжа...

— Я сейчас не на пляже.

— Ну тогда ориентируйтесь по номерам домов, тут хитростей нет, найдете.

Действительно, трудностей в поисках нужного дома не оказалось. Я стоял перед открытой калиткой, но идти по дорожке к входной двери не решался. Походил вперед-назад вдоль забора, поглазел на цветы и деревья, что растут в поле зрения. Пустое занятие. Что-то наподобие качания на волнах на надувном матрасе. Время остановилось.

Не сразу привел меня в чувство легкий ветерок. Но дул он не с моря. А со стороны гор. Вернее, со стороны открытой калитки. Я обернулся. Из нее выходил невысокий старичок с портфелем. Длинные седые волосы закрывали уши, а ото лба к затылку тянулась блестящая на солнце загорелая лысина.

— Простите, — окликнул я его, — вы настройщик?

Он остановился. Посмотрел не на меня, а куда-то выше моего плеча. Не ответил, но видно было, что слушает. За все время ожидания у калитки я так и не придумал, как вести с ним разговор. Просто не думал об этом, полагаясь на то, что слова придут сами по себе, в зависимости от ситуации.

— Вы не могли бы мне помочь?

Замечательная речевая формула, памятник надо поставить тому, кто ее придумал. Добрых людей побуждает, что называется, отдать последнюю рубашку, а недобрых... Да с ними и не хочется иметь никаких дел. Но старик не ответил, только внимательно слушал. Что делать: продолжать стучаться или вывалить на него сразу свою проблему?

— Подскажите, кто мог бы научить меня играть на фортепьяно? Понимаете, у меня в голове часто крутятся интересные мелодии, а я не могу их записать, сыграть. А потом они забываются.

— Хорошая музыка не забывается, — наконец проговорил старик, все так же созерцая облака над моим плечом.

— Еще как забывается! И я уверен, что она хорошая! Я пробовал записать на диктофон...

— Включи! — перебил старик.

Я смутился. Одно дело что-то набормотать для себя, а другое — дать послушать эту бормотуху другим. Тем более человеку, чьим мнением дорожишь.

— Ну-у, там без слов, только ля-ля-ля. Я слова потом придумаю...

— Да, так тоже песни пишутся.

Он ждал, по-прежнему уставившись в небеса. И подставив ухо, как микрофон. Наверное, ему важнее слышать собеседника, чем видеть, пришла догадка. Открыть ему сокровенное? Сомнения терзали недолго — а кому еще я могу довериться?

Я открыл файл в смартфоне, морщась, как от зубной боли, прослушал свой далеко не академический вокал. Не то, терзал внутренний голос, это не та мелодия, что ты услышал. Только солирующая партия, да и то большей частью мимо нот. А какими должны быть правильные ноты? Ах, если бы я знал, то не стоял бы мучаясь перед незнакомым старикашкой.

Не дожидаясь окончания файла, я нажал на кнопку «Остановить». Старик молчал, слегка улыбаясь. То ли сочувственно, то ли с издевкой. Черт их поймет, этих стариков! Я почувствовал, что раздражаюсь, злюсь. Но не на него, он-то тут при чем? На себя, конечно.

— Вы мне поможете?

Кого я прошу? Удаляющуюся спину? Мне показалось, что он стал ниже и сутулее, чем пять минут назад. Хотя это мог быть оптический обман, ведь во время нашего разговора он стоял чуть выше по улице, а сейчас мы поменялись местами. Кого я прошу? Больше некого.

— Помогите мне, настройщик! — отчаянно кричу ему в спину. Он не оборачивается. Или я кричал только мысленно?

Вечером, и это стало уже традицией, я зашел в кафе «Мистер Ивнинг». Как и раньше, посетителей было мало. Как и раньше, за столиком у окна, из которого открывался шикарный вид на заходящее за море солнце, сидели двое мужчин средних лет: задумчивый брюнет и улыбающийся блондин.

Их бубнеж не давал сосредоточиться на своих мыслях. Сначала я старался прислушаться. Нехорошо, конечно, подслушивать чужой разговор, но он мне показался важным. Надолго меня не хватило. Силы стали утекать, как вода через сливное отверстие в наполненной ванне. Небыстро, но неотвратно. «Бу-бу-бу», — стучали по голове поролоновым молоточком неразборчивые слова, с каждым следующим «бу» загоняя в сон. По плечи... по подбородок... по уши... Бу-бу-бу... Буль-буль-буль... Тону. Но всплывать в явь не хочется... Лень...

Я медленно тонул в своем сне. И непонятно было, погружаюсь или всплываю, двигаюсь в каком-то направлении или вообще не двигаюсь. Меня окружал морок, нечто

серое и бесформенное, хаотично переливающееся. Сосредоточиться ни на чем не удавалось. Ни образов, ни мыслей. Звуки? Слышал ли я звуки? Да, пожалуй, что-то невнятное. Охватившая меня поначалу оторопь перерастала в раздражение. Что за хрень! Я где? Я что?

Вдруг в переливающихся облачках мне почудился знакомый профиль.

— Настройщик!

Видение размылось, вернувшись в прежнее хаотичное состояние. Однако где-то в глубине сознания запульсировала слабая лампочка надежды. Он здесь!

— Настройщик, помоги мне!

Жалкий шепот. Он, наверное, и не услышал меня. Попытался прокашляться и позвать еще, но не получилось. Слова застряли в горле и не хотели вырываться наружу. Может, нужно пропеть? Ха, с моими-то вокальными данными!

— А-а-а, а-а-а, — попробовал изрыгнуть в окружающий туман хоть какие-то ноты.

Не ахти, конечно, песенка получилась. Но внезапно, как будто отклик, услышал прилетевшие с разных сторон ответные нотки, не чистые, как будто размытые окружающим белым шумом.

Ну вот, снизошло небольшое облегчение, с миру по нотке, так, глядишь, что-то и сочинится. «Не сочинится», — появился безрадостный ответ в голове. Именно появился, прямо в сознании, минуя уши, — никакого голоса я не услышал. Но я знал, кто мне ответил.

— Настройщик! А как тогда?

Молчание.

— Что я должен делать, настройщик?!

Все так же в сознании колыхалась, как туман, серая мгла. Наверное, почудилось. Нет никого вокруг. Я попробовал продвинуться сквозь туман. Может, за ним есть нечто наполненное образами и звуками. Тыркнулся в одну

сторону, в другую. Без толку. Туман был везде. «А если его попытаться остановить?» — пришла в голову новая идея.

Попробовал сосредоточиться, потом, напротив, максимально расслабиться, потом... В какой-то момент серый фон перестал колыхаться, стали проступать краски, звуки, даже целые музыкальные фразы. И не только музыкальные. «Запомни», — прошелестело в голове... Это он? Он здесь?

— Настройщик!

Я рванулся к проступившему силуэту, разгребая туман, как морские волны. Какой же он густой! Как тяжело даются движения!

— Не исчезай! Прошу тебя! Научи-и-и!!!

Я бился в истерике, захлебываясь непослушным сознанием, отчаянно бултыхаясь в бесконечном сером кошмаре. Проявилась неясная мысль — он сказал: «Запомни». Что я должен запомнить? Черт! Я опять все позабыл напрочь!

И тогда я просто закрыл глаза. Как можно закрыть глаза в своем сознании? Да еще во сне? Но у меня получилось! Теперь меня окружала полная тьма. Говорят, что нужно начинать дело с чистого листа. Может быть. Только у меня лист был не белый, а черный. Как космос. Нет, в космосе видны звезды, планеты, а у меня полный вакуум. Впрочем... Вот они, звезды, проявляются, как же без них! Позвякивают, мелодично так, как колокольчики.

Я дотрагивался до них, пробуя звучание и радуясь как ребенок. А что если так? И схватил их горстью. О, да это уже целый аккорд! А потом собирал, собирал, собирал. Простым мановением руки, как будто подзывая к себе. Разбрасывал веером. Большие, маленькие, голубоватые, зеленоватые. Их радостный звон вводил меня в состояние эйфории. Я купался в море звуков, а не тонул в них. Плескался, а не барахтался. Плыл, легко и уверенно, порой взмывая над волнами, как дельфин.

Сюда, мои дорогие, давайте сюда. Ты повыше, ты правее. Иногда они сами располагались настолько удачно, что ничего менять не надо было. Музыка окружала меня. Рождалась, взрослела, становилась совершеннее. Оставалось только чуть-чуть подправить ее умелым движением дирижерской палочки. Не всегда получалось, но я был уверен, что научусь. Наверняка научусь!

Я приподнялся над ними. Выше, выше. Теперь видно не отдельные фрагменты, а целиком дружный многоголосный хор. Образ отпечатался в памяти. И я знал, что навсегда. Это невозможно забыть! А теперь еще выше! В небеса! Туда, куда смотрел настройщик.

Я вынырнул из сна внезапно, сразу, без раскочки и приведения в порядок разбуженных мыслей. Красивая мелодия наполняла кафе. Та самая, которую я слышал, нет, которую я сочинил во сне.

Молча и задумчиво смотрели в окно на опускающееся за море солнце два завсегдатая: светлый и темный. Никакого «бу-бу-бу». А всего-то и надо было — включить красивую мелодию.

Подошел официант. Что-то изменилось в его лице. Всегдашняя грустинка стала легкой. Порхает бабочкой, садится в уголки губ, рассыпает блески в глубину зрачков.

— Рассчитайте меня, пожалуйста.

— Ну что вы, сегодня за счет заведения.

Я встал из-за стола и только сейчас заметил, как же устал! Вот так — продрых в кафе и устал. И это была приятная усталость, как от хорошо сделанной работы.

— Я надеюсь, вы завтра снова зайдете к нам. — Что-то сегодня официант необычайно учтив, отметил я про себя. — Мы рады делать скидки постоянным клиентам, — и добавил после небольшой паузы: — Таким как вы.

— Да, конечно. У вас прекрасное заведение.

Ответил скорее машинально, потому что увидел сидящего неподалеку на скамейке настройщика. Хотя он ведь не просто настройщик. Пришло понимание, что он музыкант, учитель, единственный в этом городе человек, который может научить меня музыке. Подсаживаюсь к нему. Некоторое время молчим, наслаждаясь мелодией. Иногда он делает движения пальцами, будто перебирая услышанные ноты.

— Красивая мелодия! — Обращается ко мне, глядя в глаза. Он посмотрел мне в глаза! А не мимо меня. Или просто повернулся ухом к кафе, чтобы лучше слышать? — Ты ее запомнил?

Ну, он и спросил! Какой все-таки смешной старикашка!

— Ну конечно! Как можно такое забыть!

И тут же вспоминаю, как всего несколько часов назад не мог припомнить свои прежние «гениальные» творения, полагая, что бездушный диктофон поможет оживить музыку.

— Вы мне поможете? — повторяю фразу, с которой началось наше знакомство.

Он смотрит мне в глаза. Он улыбается совсем по-другому, чем там, у калитки.

— Приходите ко мне завтра, часика в три. Я живу неподалеку.

Я реально обрадовался. Сильно. Очень сильно. Настолько, что на какое-то время потерял контроль над собой. Что я делал: прыгал от счастья, носился по площади, размахивая руками? Не помню... Очнулся сидя на той же скамейке, только настройщика рядом не было.

Он не назвал адреса, где живет. Неподалеку от чего? От кафе? От того места, где я его остановил в первый раз? От чего-то паники не возникло. Вспомнились слова девушки по имени Ааа: «Тут хитростей нет, найдете».

Найду. Обязательно найду.

Алексей Казарновский

*Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен.
Член жюри многих литературных
конкурсов.*

*Давний и постоянный участник
творческой мастерской «МОССАЛИТ»,
неоднократно публиковался в сборниках
«Московский Дом» как в качестве
поэта, так и в качестве прозаика. Ныне
читателю предлагается первый опыт
автора в драматургии...*

Суд да дело

Мини-пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Председатель.
Второй судья.
Третий судья.
Джек.
Первый свидетель.
Второй свидетель.

Голос за сценой. Встать! Суд идет!

Выходят три судьи, встают за столом.

Председатель: Прошу садиться!

Садятся.

Председатель. Слушается гражданский иск Джонатана Саймона Макнейла против государства. Истец! Прошу вас выйти и занять свое место!

Джек (*выходя на сцену*). Я здесь, ваша честь!

Председатель. Ваше имя?

Джек. Джек

Председатель. Ваше полное имя!

Джек. Джек, ваша честь!

Председатель. Однако иск подан от имени Джонатана Саймона Макнейла. Это вы?

Джек. Так меня упорно называют многие, в том числе и государство, ваша честь. Я надеюсь, что в процессе данного разбирательства мы все согласимся, что меня зовут именно Джек.

Председатель. Хорошо! Изложите кратко суть вашего иска.

Джек. Прошу признать меня собакой.

Председатель (*невозмутимо*). Каковы ваши основания? Они должны быть достаточно весомы.

Джек. Конечно, ваша честь! Я чувствую себя собакой и ничего не могу с этим поделать.

Председатель. Поясните подробнее: в чем это выражается?

Джек. Ну, если позволите, начнем с коллег по работе. Когда я их вижу, начинаю рычать и огрызаться против своей воли.

Председатель. На всех?

Джек. Нет, когда встречаю начальство, нестерпимо хочется вилять хвостом, и я жестоко страдаю от того, что у меня его нет.

Председатель. Что-нибудь еще?

Джек. Еще луна, столбы, кости и... неудобно признаться... мое любимое лакомство... собачий корм «Веселый Бобик». Ничего не могу поделать, впрочем, вам могут рассказать об этом свидетели...

Председатель. Хорошо! Пригласите свидетеля номер один.

Появляется первый свидетель.

Председатель. Ваше имя?

Первый свидетель. Балбина Клоусетс, ваша честь.

Председатель. Какое отношение вы имеете к истцу?

Первый свидетель. Я его соседка. Мой дом рядом.

Председатель. Что вы можете сообщить суду по поводу поведения истца?

Первый свидетель. Каждый день, возвращаясь с работы, он подходит к углу моего забора, становится на

четвереньки и тщательно обнюхивает его, потом задирает ногу и мочится на забор.

Председатель. Вы не пробовали с ним поговорить?

Первый свидетель. Пробовала. Он рычит и не подпускает к себе. Еще, если позволите.

Председатель кивает.

По выходным он сидит возле своего крыльца и, ворча, грызет кость. Еще каждое полнолуние он выходит ночью на улицу и воет на луну... всю ночь... А еще он нещадно гоняет котов... и — простите, ваша честь — я видела... у одной нашей соседки, извините, сука ирландской овчарки... так он ходил, ходил вокруг нее, а потом попробовал... взобраться на нее сзади. Простите, ваша честь! Так неудобно...

Третий судья. На соседку?

Первый свидетель. Нет, на суку...

Второй судья. Простите, я не понял: кто из них сука?

Первый свидетель. Откровенно говоря, на мой взгляд — обе, но я про ту, которая с хвостом.

Председатель. Это все?

Первый свидетель. Да, ваша честь!

Председатель. Спасибо! Прошу второго свидетеля!

Первый свидетель уходит, второй свидетель появляется.

Председатель. Ваше имя?

Второй свидетель. Публиус Свалкинд, ваша честь.

Председатель. Чем вы занимаетесь?

Второй свидетель. Я держу зоомагазин.

Председатель. Вам знаком истец?

Второй свидетель. О да! Он часто бывает у меня в магазине.

Председатель. И что он там делает?

Второй свидетель. Каждый день он покупает пакет корма для собак «Веселый Бобик» и, выйдя на улицу, рвет его зубами, после чего с жадностью съедает содержимое.

Председатель. А потом?

Второй свидетель. Потом обнюхивает угол моего магазина и орошает его...

Председатель. Вы не пробовали его остановить или пожаловаться?

Второй свидетель. Что вы, ваша честь! Я же бизнесмен! Этот господин делает мне существенную часть выручки. Издержки минимальны. На днях, правда, он напал на бульдога моего соседа. Сосед вел свою собаку на поводке, а этот господин увидел, как зарычит, а потом как набросится. Насилу хозяин бульдога отогнал его своей тяжелой тростью.

Джек. После того, как я буду признан собакой, непременно подам на него в суд за жестокое обращение с животным!

Председатель. Однако на текущий момент вы считаетесь человеком и можете столкнуться с иском к вам по поводу неподобающего поведения: агрессия, антисанитария, вызов общественной морали. Свидетель, вы свободны, а вы, истец, скажите почему вы позволяете себе такое вызывающее поведение?

Джек. Ваша честь! Я же говорю: это сильнее меня. Оно сидит внутри и диктует мне мое поведение. Я ужасно страдаю от... непризнания меня собакой! И я не одинок! Такие же страдальцы, как я, официально объединились, как вы наверняка знаете, в партию «зоологистов». Мы рассчитываем на ближайших выборах попасть в парламент и сформировать там свою фракцию. Многие, впрочем, не решаются сами себе признаться в своей истинной видовой принадлежности. Вот, скажем, вы... или нет, лучше — один мой сосед — свинья свиньей, он гадит и мусор

выбрасывает прямо у порога собственного дома, да еще любит в теплый день поваляться на куче своего мусора, однако упорно всем представляется человеком. Зачем он мучает себя? Другой мой сосед (терпеть его не могу!) — как март, собирает компанию таких же, как он, самцов и самок. Сначала они там пьют что-то похожее на валерьянку, потом орут песни, а потом самцы дерутся между собой так, что только клочья летят. Котяра паскудный! И опять же — делает вид, что считает себя человеком. Зачем? Это же насилие над собственной природой. Индивидуум должен иметь право самостоятельно определять свой биологический вид! Это главный пункт нашей программы — программы зоологов! Может быть, кто-то родился коровой или конем, а его всю жизнь заставляют вести себя как человек! Чудовищно! Разве можно так мучить живое существо! Даешь свободу выбора биологического вида!

В зале поднимается шум.

Председатель (*стучит молотком по столу*). Тишина! Скажите, истец, вас не беспокоит, что в случае положительного решения, на вас могут быть надеты намордник и поводок прямо в зале суда?

Джек. Ваше право принять такое решение, но я хочу посмотреть на того, кто решится это сделать! (*Рычит и скалит зубы.*)

Председатель. Насколько я понимаю, у вас нет хозяина, следовательно, вы претендуете на то, чтобы быть бездомной собакой. В этом случае вы можете быть помещены в приют и даже подвергнуты стерилизации в целях ограничения неконтролируемого размножения бездомных животных.

Джек. Я не могу считаться бездомным, поскольку, как вы знаете, у меня есть дом.

Председатель. Но может ли быть дом собственностью собаки? Мы не знаем прецедентов. Этот вопрос станет предметом дальнейших судебных разбирательств.

Джек. Мы, зоологи, настаиваем на праве собственности для любых биологических видов и непременно примем соответствующий закон, как только попадем в парламент!

Председатель. Скажите, истец, верно ли, что в прошлом году 19 марта суд удовлетворил ваше заявление о признании вас принадлежащим гендеру хопус?

Джек. Совершенно верно, ваша честь!

Председатель. До этого вы считались мужчиной?

Джек. Да, ваша честь, но это не соответствовало моему внутреннему самоощущению.

Председатель. Верно ли, что 20 марта прошлого года суд отклонил предъявленное вам обвинение в сексуальных домогательствах на основании того, что вы на тот момент принадлежали к гендеру хопус?

Джек. Да, ваша честь, ведь хопус по определению не интересуются женщинами.

Председатель. Суд удаляется на совещание!

Судьи уходят, пауза. Джек нетерпеливо постукивает и лениво облаивает зрительный зал.

Голос за сценой. Встать! Суд идет!

Выходят судьи, встают за столом.

Председатель. Прошу садиться!

Садятся.

Председатель. Суд решил, что ваш иск не может быть удовлетворен.

Джек. Поче...

Председатель. Мультигендерность признана только для вида человек разумный. Собака может быть либо самкой, либо самцом. Определить ваш гендер как собаки в данном случае не представляется возможным в связи с отсутствием соответствия человеческого гендера хопус одному из двух признанных собачьих гендеров. На этом основании суд отказывает вам и принимает к рассмотрению поданные на вас как на человека иски по поводу агрессивного поведения, антисанитарии, публичных действий сексуального характера и т. п.

Джек (*обращаясь к залу*). Видите! Общество еще не созрело. Оно еще продолжает пребывать в дикости. Ну что же! Мучайте несчастного пса! Судите и наказывайте его как человека! Вот до чего доводит узость мышления! У нас, зоологистов, непочатый край деятельности и огромные перспективы! Биологические индивидуумы, присоединяйтесь к нашей борьбе!

ЗАНАВЕС

Литературно-художественное издание

НАСТРОЙЩИК

Серия
«КВАНТУМ САТИС — АПТЕКАРЬ»

Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Составитель и предисловие
Ольга Грушевская

Художник (обложка)
Игорь Бурдонов
Картина «*И взглянул я, и вот...*»

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Подписано в печать 29.08.2023 г.
Заказ № 010823

Издательство «Новый Современник»
115404, г. Москва, ул. 6-я Радиальная, д.3, корп.6, кв.70
E-mail: izdat-ns@mail.ru